

Эпомен:
филологические науки

Epomen:
philological sciences

электронное периодическое научное издание

№ 1, август 2022
No. 1, August 2022

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,
проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2022

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Павловская Ольга Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Куренова Дария Геннадиевна, канд. филол. наук, доцент

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Pavlovskaya Olga Evgenevna, doctor of Philology, professor

Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor

Kurenova Dariya Gennadiyevna, Candidate of Philosophy, assistant professor

Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), DCandidate of Economics, professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Assistant Editor-in-Chief: Gorbosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Масальцева Т. Н.

Литературная критика в частных пермских газетах в начале XX в. (стр. 10–18)

Литературы народов мира

Франгулян Л. Р.

Образ архангела Михаила: копто-арабский Синаксарь (издание Ж. Форгет) (стр. 19–27)

Витошнова А. М.

Интерпретация мотивов произведений транслингвальных авторов (стр. 28–35)

Линник А. А.

Образ реки в романе Дианы Сеттерфилд «Пока течет река» (стр. 36–42)

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Аракелян Н. С.

Полилингвальное общение как один из маркеров инновационной модели образовательной среды аграрного вуза (стр. 43–47)

Басте З. Ю.

Двуязычное образование и перевод (стр. 48–52)

Батурьян М. А.

Сигнификативное понятие художественного текста как отображение индивидуального стиля автора (стр. 53–59)

Бузина Е. И.

Корреляция концептуальной модели времени и рода деятельности респондента-читателя (стр. 60–70)

Воевода Н. Б.

Лингвистические особенности американского студенческого сленга (стр. 71–78)

Донскова Л. А.

Язык как основа самоидентификации личности в англоязычном обществе (стр. 79–85)

Евдокимова О. К., Романова Т. Н.

Использование ономастического материала в подготовке иностранных студентов-филологов (стр. 86–100)

Зайцева А. Э.

Языковая личность и некоторые аспекты ее изучения (стр. 101–106)

Караулова Е. В.

Способы переводов диалектизмов с русского языка на английский (на материале сказа “Малахитовая шкатулка” П. П. Бажова) (стр. 107–115)

Кудрявцева М. И.

Языковая личность автора в дискурсивном пространстве постмодерна (стр. 116–125)

Петрова Л. Г.

Выражение условных отношений в русском и китайском языках на уровне сложно-подчинённого предложения: сравнительный анализ (стр. 126–135)

Покручина М. Ю.

Ценностно-смысловое пространство художественного текста В.Н. Крупина «Мария Сергеевна» (стр. 136–143)

Селейдарян Э. М.

Особенности трансформации современного английского языка (стр. 144–150)

Хохлова А. А.

Изучение Эргонимов Строительной Сферы в Структурно-Семантическом Аспекте (стр. 151–158)

Щелокова А. А.

Интерференция как лингвистическая основа формирования ошибок (на примере речи китайцев) (стр. 159–167)

Медиакоммуникация и журналистика

Куренова Д. Г., Павловская О. Е.

Глуттонический дискурс в PR-стратегии продвижения территории (стр. 168–179)

Table of Contents

Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation

Masaltseva T. N.

Literary criticism in private Perm newspapers in the early twentieth century (pp. 10–18)

Literature of the peoples of the world

Frangulian L. R.

Image of the Archangel Michael: the Copto-Arabic Synaxarium (J. Forget edition) (pp. 19–27)

Vitoshnova A. M.

Interpretation of the motives of translingual authors' works (pp. 28–35)

Linnik A. A.

River Image in “Once Upon a River” by D. Setterfield (pp. 36–42)

Theoretical, applied and comparative linguistics

Arakelyan N. S.

Polylingual communication as one of the markers of innovation model of education environment of an agrarian institute of higher education (pp. 43–47)

Baste Z. Y.

Bilingual education and translation (pp. 48–52)

Baturyan M. A.

The significative concept of a literary text as a reflection of the author's individual style (pp. 53–59)

Buzina E. P.

Implementation of the conceptual time model and perception of the concept “Time” by readers from various scientific fields (pp. 60–70)

Voyevoda N. I.

Linguistic features of american student slang (pp. 71–78)

Donskova L. A.

Language as the basis of personal self-identification in english-speaking society (pp. 79–85)

Evdokimova O. K., Romanova T. N.

The use of onomastic material in the training of foreign students in philology (pp. 86–100)

Zaitseva A. E.

Language personality and some aspects of its study (pp. 101–106)

Karaulova H. V.

Ways of translating dialect words from Russian into English (based on the scaz “Malachite casket” by P. P. Bazhov (pp. 107–115)

Kudryavtseva M. I.

Language person of the author in the discourse space of postmodern (pp. 116–125)

Petrova L. G.

The expression of conditional relations in Russian and Chinese at the level of a complex sentence: comparative analysis (pp. 126–135)

Pokruchina M. Y.

Value-semantic space of v.n. krupin’s literary text "Maria Sergeevna" (pp. 136–143)

Selejdaryan E. M.

Transformation features of the modern English language (pp. 144–150)

Khokhlova A. A.

The Study of Ergonyms of the Construction Sector in the Structural Semantic Aspect (pp. 151–158)

Schelokova A. A.

Interference as a linguistic basis for the formation of errors (on the example of Chinese speech) (pp. 159–167)

Media communication and journalism

Kurenova D. G., Pavlovskaya O. E.

Gluttonic discourse in PR-strategy of place branding (pp. 168–179)

УДК/UDC 070 (091)

Литературная критика в частных пермских газетах в начале XX в.

Масальцева Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(ПГНИУ)

г. Пермь, Россия

e-mail: alba@mall.ru

SPIN-код: 9812-6515

AuthorID: 75991

Аннотация

В статье рассматривается газетная литературная критика в частных газетах города Перми, которые издавались в начале XX века. Особенностью провинциальных газет данного времени была не только публикация литературных текстов, дополняющих публицистические, но и предоставление аудитории руководства к выбору и оценке литературных произведений, поэтому в каждой газете существовали отделы литературной критики и сотрудничали постоянные литературные обозреватели. Частные газеты Перми начала XX века («Пермский край», «Пермский вестник», «Пермяк», «Урал и Кама», «Пермская жизнь» и др.) старались представить своим читателям достоинства и недостатки отечественных и зарубежных литературных новинок, формируя как особенности мировосприятия, так и литературные вкусы читающей провинции, о чем свидетельствует широкий тематический и жанровый спектр литературно-критических публикаций частных городских изданий.

Ключевые слова: Провинциальные частные газеты начала XX века, газетная литературная критика, жанры газетной литературной критики, критерии оценки литературного произведения

Literary criticism in private Perm newspapers in the early twentieth century

Masaltseva Tatiana Nikolaevna
Ph.D. in Philology
Perm State National Research University (PSNIU)
Perm, Russia
e-mail: alba@mail.ru
SPIN code: 9812-6515
AuthorID: 75991

Abstract

The article discusses newspaper literary criticism in private newspapers of the city of Perm, which were published at the beginning of the twentieth century. The peculiarity of provincial newspapers of this time was not only the publication of literary texts that complement the journalistic ones, but also the provision of guidance to the audience for the selection and evaluation of literary works, therefore, in each newspaper there were departments of literary criticism and permanent literary reviewers collaborated. Private newspapers of Perm at the beginning of the twentieth century ("Perm Krai "Perm Bulletin "Permyak "Ural and Kama "Perm Life etc.) tried to present to their readers the advantages and disadvantages of domestic and foreign literary novelties, forming both the features of the worldview and the literary tastes of the reading province, about as evidenced by the wide thematic and genre spectrum of literary and critical publications of private city publications.

Key words: Provincial private newspapers of the early twentieth century, newspaper literary criticism, genres of newspaper literary criticism, criteria for evaluating a literary work

Отечественные средства массовой информации в начале XX века представляли собой сложившуюся гармоничную систему, предоставляющую специализированные печатные издания практически все слоям населения: представителям самых разных слоев населения, разнообразных народностей и конфессий, населяющих Россию. Значимое место в этой системе занимала частная городская газета [1], на страницах которой представители городской интеллигенции (преподаватели, чиновники, служащие, офицеры), обращаясь к своим единомышленникам, обсуждали настоящее и будущее своей страны. В том числе современное

состояние отечественной литературы, сравнивая тенденции ее развития с тенденциями литературы европейской, мировой. Городская частная газета часто затрагивала именно региональные аспекты восприятия жизни страны, в ряде случаев демонстрируя оригинальную, отличную от традиционной точку зрения. Об этом свидетельствовала, в частности, полемика, которую в начале XX века могли вести журналисты частных газет с коллегами государственных изданий, таких, например, как губернские ведомости.

Исследователи, рассматривающие сегодня особенности публицистики провинциальных изданий, сходятся во мнении: газеты и журналы российских губерний представляют собой эффективные каналы культурной коммуникации. Благодаря ежедневному чтению газетного листа читатели не только получали представление о всех актуальных фактах культурной жизни города, страны и мира. Газеты активно участвовали в процессе формирования системы ценностей своих читателей, среди которых литература занимала значимое место. С помощью газетной публицистики обсуждались литературные новинки, течения и тенденции развития литературных интересов российского общества. Кроме того, собственно литературные произведения на страницах городских газет представляли собой своеобразные иллюстрации литературной жизни общества: об этом свидетельствуют множественные художественные тексты (проза и поэзия) местных авторов, демонстрирующие творческое восприятие своеобразия конкретной территории [2].

Газетная литературная критика, равно как и газетная литература воспринимается современными исследователями одной из важнейших точек «преломления русской идеи, следовательно, значимой частью национальной культуры [3], оперативно обращаясь к широкому читателю. Особенностью как газетной художественной литературы, так и газетной литературной критики было создание из литературного факта достойного внимания аудитории новостного события. Литературно-критические материалы частных газет демонстрировали тяготение к конкретной, сложившейся в конце XIX века жанровой палитре (новостная заметка, анно-

тация, библиографическая заметка, обозрение, критическая статья, литературный портрет и др.). Однако публицистов привлекали возможность использования жанрового синкретизма и усиления диалогического начала, включение читателя в обсуждение литературных текстов [4].

Общие тенденции развития частных газет, как российских, так и собственно Перми начала XX века были следующими: скачкообразный характер развития (в связи с политическими, особенно революционными событиями), политизация (частные газеты выступали проводниками позиций самых разных политических партий). Тем не менее журналисты столичных изданий (например, журнала «Русское слово» в 1897 году) отмечали активное и качественное развитие провинциальных изданий, среди которых преобладали универсальные по содержанию газеты. В силу того, что условия развития провинциальной печати в предреволюционную эпоху были сложными вследствие цензурных ограничений и предвзятого отношения местной администрации, еще одной тенденцией провинциального частного издания был его короткий срок жизни: более семи лет ни одни из рассмотренных частных газет не издавалась.

Среди частных пермских газет этого времени преобладали общественно-политические и литературные: «Пермский край» (1900 – 1907; 1910 – 1912 гг.), «Пермский вестник» (1906 – 1907; 1912), «Пермская жизнь» (1915 – 1917), «Пермяк» (1913 – 1914), «Урал и Кама» (1909), «Народная Свобода» (1917). Поскольку газета «Пермский край» имела самую долгую историю, находясь в диалоге с аудиторией (о чем свидетельствует публикация писем читателей), то именно ее литературная критика наиболее полно представляет черты, характерные для пермских частных газет. В «Пермском крае» литературной критикой занимались постоянные авторы (об этом свидетельствуют постоянные рубрики и псевдонимы критиков). Литературная критика данной газеты была разнообразна по жанрам и формам. Элементы литературной критики (оценки произведения) можно обнаружить даже в небольших хроникальных информационных заметках. Так в рубрике «Последняя почта» газеты «Пермский край» было опубликовано сообщение об обнаружении

«посмертной незавершенной рукописи Г. А. Матчета! Я и моя жена», дающей представление об источниках идейных воззрений писателя.

Жанр обозрения в газете представлен разными вариантами (журнальные месячные обзоры, тематические обозрения, обозрения литературы для юношества и т.д.). В качестве примера рассмотрим литературные обозрения Василия Якимова, представленные в специальной рубрике «Литературные наброски». В первых трех публикациях рубрики за 1901 год Якимов выделяет и анализирует основные тенденции современной русской литературы: при всем разнообразии литературных течений литературные произведения далеко не всегда удовлетворяют запросам читателей, Одну из причин несоответствия критик видит в отсутствии яркого, активно действующего и увлекающего за собой героя, «властителя дум». Рассматривая произведения А. Чехова, В. Короленко, М. Альбова, К. Баранцевича и др., критик спрашивал читателя, кто из героев произведений данных писателей может стать примером молодому читателю? Автор утверждал: молодой отечественной литературе необходим новый тип героя, попытка его создать была сделана М. Горьким в повести «Мужик». Рассматривая произведения Е. Чирикова («Муж с револьвером»), рассказов А. Баранова, М. Головинского, В. Барятинского Василий Якимов предупреждал: русская литература не должна заниматься простым «фотографированием» жизни. Однако драма А. Чехова «Три сестры», «производящая тяжелое впечатление», все-таки вселила в критика надежду: в литературе появляются герои, готовые жить не для достижения лишь собственного мещанского счастья, живущие «для дела», готовые трудиться на благо других людей. Цикл обозрений Василия Якимова состоит из 12 публикаций.

Традиционные обозрения литературных отделов «толстых» журналов («Образование», «Русское богатство», «Мир божий») представлены публикациями критика под псевдонимом «Финн» в 1903 году. Критик в течение года отмечал отсутствие оригинальной беллетристики с неизбитыми, актуальными темами – «не на чем остановиться глазу». Примером тематического обозрения может быть публикация А. Саватеева

«Поэты животных» в рубрике «Критическая заметка, в которой критик рассматривает произведения зарубежных и русских писателей, главными героями произведений которых становятся животные, говоря о способности творческого человека проникнуть во внутренний мир животных. В этом отношении чеховская «Каштанка» производит впечатление «гениальной проникновенностью» автора.

Жанр рецензии для «Пермского края» был наиболее характерным и тоже был представлен разнообразно: от миниатюрной библиографической заметки до развернутой «гранд»-рецензии, располагающейся в «подвале» газеты. Именно такие объемные тексты писал автор под псевдонимом «В. Г. Глаз-ъ», рассматривая повесть П. Боборыкина «Однокурсники», сборник рассказов «Медовые реки» Д. Мамина-Сибиряка, "Сибирские рассказы" Вл. Короленко. Автор подчеркивал свою позицию подзаголовком («Впечатления провинциального обывателя»), стараясь обнаружить в рассматриваемых произведениях реальную жизнь российской провинции с актуальными проблемами и действующими героями. Руководствуясь означенными критериями, критик склонялся к более высокой оценке уральского автора. Несмотря на декларацию «провинциализма» и непритязательность требований провинциального читателя, критик счел необходимым выразить протест против «издевательского» отзыва В.Буренина о «Сибирских рассказах» В.Короленко, опубликованном в «Русском богатстве». Таким образом, пермские критики частной газеты могли включаться и в общероссийскую литературную полемику.

Критиком, предпочитающим жанр развернутой рецензии, был и автор, подписывающий свои тексты «Уриэль Ульрих» в рубрике «Литературные заметки». Своей основной целью он считал популяризацию произведений современной зарубежной, в особенности польской литературы (повестей С.Жеромского, стихотворений С.Пшибышевского, «психологических фантазий» К.Тетмайера, рассказов А.Шиманского, романов Б.Пруса, драм Г.Гауптмана, Г.Ибсена и др.). Критик обращал внимание на характеры главных героев, проводя параллели с русской класси-

ческой литературой и обнаруживая принципиально новые «социальные типы», способные оказать влияние на развитие общества.

В традиционной рубрике «Библиография» были представлены библиографические заметки и мини-рецензии на разнообразные книжные новинки. Например, заметка о первом томе третьего издания сочинений И. Потапенко дает краткую характеристику его содержания: произведения, «где правдиво очерчен быт духовенства».

Постоянным автором данной рубрики был «Библиофил», который откликался на самые разные произведения: поэтические сборники, сборники рассказов, книги издательства «Шиповник», драматические произведения, давая им емкие и исчерпывающие характеристики в духе: злободневные стихи, создаваемых в годину всенародного бедствия» (всего было обнаружено 14 публикаций).

Театральная рецензия также включала в себя элементы анализа драматического произведения, следовательно, была синкретичным жанром, сочетающим черты театральной и литературной критики. Чаще всего театральные рецензии располагались в рубрике «Театр и музыка». В этих небольших текстах можно обнаружить не только элементы анализа драматического текста, но и выделение проблем современной драматургии: «постановка пьесы, героем которой является личность, «не одаренная ни одной чертой общественного значения», свидетельствует о приспособлении театра к вкусам нетребовательной публики». Критик, размышляющий о пьесе Е. Чирикова «Еврей», приветствует вовлечение пермского зрителя в обсуждение «наболевшего еврейского вопроса»: теперь широкие слои публики «поймут то, что было скрыто от глаз большинства».

Очерк жизни и творчества писателя также был представлен в частной пермской газете в самых разных формах: от некролога до творческого портрета. Так автор публикации «Памяти Чехова» размышляет в связи с годовщиной смерти писателя о чеховском оптимизме, о звучащем в рассказе «Невеста» призыве «перевернуть жизнь», актуально прозвучавшем в преддверии революции 1905 года. Любопытен и лите-

ратурный портрет К. Случевского – «Певец бессмертия», чье пренебрежение к форме стиха было воспринято предтечей поэзии модернизма. В очерках жизни и творчества В. Короленко подчеркивается идеализм автора, выраженный в стремлениях героев его произведений к прекрасным идеалам, не удовлетворяясь обыденным существованием.

Наличие постоянных авторов и рубрик, богатая жанровая палитра, поиск новых, диалог с аудиторией и включенность в общероссийский литературный процесс актуальных тем характеризуют литературную критику пермской частной газеты начала XX века.

Список литературы:

1. Ахмадулин Е. В., Станько А. И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX – начала XX вв. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 372 с.

2. Шильникова О. Г., Васильева С. С. Литературная периодика региона в мультидисциплинарном научном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С.5362: [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-kritika-v-gazetnoy-presse-volgograda> (дата обращения 20.06 2022)

3. Пасевич З. В. Литературная критика на страницах газет «русского Харбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 42-48. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38165570_60447518.pdf (дата обращения 20.06 2022)

4. Васильева С. С. Литературная критика в газетной прессе Волгограда // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). С. 101-110. [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24331932_99398171.pdf (дата обращения 20.06 2022)

References:

1. Akhmadulin E. V., Stanko A. I. Regional seal of the Don and the North Caucasus in the 19th - early 20th centuries. Rostov n / D .: Publishing House of the Southern Federal University, 2014. 372 p.

2. Shilnikova O. G., Vasileva S. S. Regional literary periodicals in multidisciplinary scientific discourse // MCU journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic

education. 2016. No. 3 (23). Pp. 5362: [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-kritika-v-gazetnoy-presse-volgograda> (access date: June 20, 2022)

3. Pasevich Z. V. Literary criticism in the pages of "Russian Harbin" newspapers // Philology. Theory practice. 2019. V. 12. No. 6. Pp. 42-48. [Electronic resource] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38165570_60447518.pdf (access date: June 20, 2022)

4. Vasileva S. S. The literary-critical discourse of Volgograd newspapers // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Ser.: Humanities. 2015. No. 18 (215). Pp. 101-110. [Electronic resource] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24331932_99398171.pdf (accessed 20.06.2022)

УДК/UDC 82-342

Образ архангела Михаила: копто-арабский Синаксарь (издание Ж. Форгет)

Франгулян Лилия Рубеновна

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

старший научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

г. Москва, Россия

e-mail: 8liya8@gmail.com

SPIN-код: 2984-0990

Аннотация

В статье анализируются заметки из копто-арабского Синаксаря (XIII–XIV вв.), посвященные архангелу Михаилу или в которых он упоминается. Выделяется 29 таких сюжетов. Их классификация позволяет сделать выводы о преобладающей помощи Михаила, оказываемой мученикам.

Ключевые слова: архангел Михаил, коптская традиция, копто-арабский Синаксарь.

Image of the Archangel Michael: the Copto-Arabic Synaxarium (J. Forget edition)

Frangulian Lilia Rubenovna

PhD (philology), Associate professor

Moscow State Linguistic University

Senior Research Fellow

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

e-mail: 8liya8@gmail.com

SPIN code: 2984-0990

Abstract

The article analyzes notes from the Copto-Arabic Sinaxarium (13th–14th centuries) dedicated to the archangel Michael or in which he is mentioned. It is possible to identify 29 such stories. Their classification leads to conclusions about the dominance of Michael in helping the martyrs.

Key words: Archangel Michael, Coptic tradition, Copto-Arabic Synaxarium.

Архангел Михаил — один из самых почитаемых небесных существ в христианской традиции. Копты, египтяне-христиане, жившие на территории Египта еще во времена фараонских династий, к III в. были уже христианизированы. В этот же период были сделаны первые переводы Священного Писания на коптский язык, последнюю стадию развития древнеегипетского [2, с. 11–23]. Восприняв новую религию, египтяне-христиане переняли и почитание небесных сил, из которых они особо выделили архангела Михаила [1, с. 521–523]. Как пример, можно привести отрывок из «Слова в честь архангела Михаила и благоразумного разбойника» [6], псевдоатрибутируемого Иоанну Златоусту и написанного, скорее всего, между V и IX вв. В этом тексте запечатлены деяния архангела, почитаемые в монастыре Макария Великого в Нитрийской пустыне (Нижний Египет), которому рукопись принадлежала. Автор, во-первых, перечисляет 12 дней в году, в которые архангел участвовал в эпизодах из Ветхого (6) и Нового (4) Заветов, а также в двух историях уже внебиблейских. Он помогал Аврааму, Лоту, Иисусу Навину, Даниилу и др., сообщил женам-мироносицам о воскрешении Христа, освободил апостола Петра из оков и др., наконец, помог императору Константину победить врагов и разрушил языческое капище в честь идола Боха в Александрии и других городах Египта. В этом же «Слове» перечисляются те или иные блага по молитвам архангела и Девы Марии, причем Богородица упоминается в семи из 12 отрывков и каждый раз второй. Очевидно, автор на первое место выдвигает Михаила. Перечисленные блага таковы: дождь, реки, плодородие, насыщение пищей всего живого,

восход небесных тел и тепло солнца, сон, попутные ветра, боголюбивые цари, аскеты, удержание бурь и непогоды, мир с любовью, чистотой и покаянием, наконец, милость Бога. Анализ образа архангела Михаила по копто-арабскому Синаксарю позволит определить, какие аспекты почитания вошли в официальное празднование Коптской Церкви и классифицировать их по упоминаниям или деяниям архистратига и как это более позднее предание соотносится со «Словом в честь архангела Михаила», упомянутым выше.

Для начал необходимо привести некоторые сведения общего характера. После арабского завоевания в VII в. Египет перешел под владычество мусульманских владык. С VIII в. началось постепенное вытеснение коптского языка арабским; считается, что в период между XII в. и XV в. арабский язык окончательно заменил коптский и в письменной, и в устной передаче. При этом коптский язык остается литургическим языком, используемым в Церкви египтян-христиан.

Что касается копто-арабского Синаксаря, то история его создания и издания достаточно сложная. Напомним, что синаксарь — это сборник кратких заметок о праздниках в честь святых или событий, расположенных по дням года. Синаксарь Коптской Церкви был составлен на арабском языке в XIII–XIV вв. на основе тех разноязычных произведений, которые циркулировали среди египтян-христиан. Несколько авторов внесли свою лепту в этот сборник. Кто был первым и сколько авторов было точно, остается неизвестным [3]. В XX в. вышли два издания Синаксаря. Ж. Форгет (1852–1933), бельгийский ориенталист, изучил семь рукописей разной датировки и, положив в основу одну из них, а из других в сносках добавив информацию, он издал Синаксарь в двух томах и перевод на латинский язык в других двух томах [7]. Французский исследователь Р. Бассе (1855–1924) исследовал две рукописи (XIV в. и XVII в.) и издал Синаксарь, разместив на одной странице арабский текст и ниже его французский перевод [4]. Хотя ученый хорошо знал арабский язык в контексте мусульманской культуры, христианский контекст был ему знаком меньше, что очевидно из сделанных переводческих ошибок. Ру-

кописи, которыми пользовались Форгет и Бассе, содержали две разные версии Синаксаря (Верхнего и Нижнего Египта), но если Форгет заметил это и издал арабский текст двух версий, объединив их в переводе, то Бассе соединил воедино текст двух рукописей, сделав единый Синаксарь на арабском языке, которого, на самом деле, не существовало. Как, впрочем, не существовало и того текста, который получилось в переводе у Форгета, но по его заметкам можно определить, где начинаются отрывки из верхнеегипетской версии Синаксаря. Несмотря на тот факт, что оба исследователя некритично отнеслись к работе с рукописями, кажется актуальным проанализировать именно издание Форгета, ошибки в латинском переводе которого сведены к минимуму и представляется возможным разграничить две версии Синаксаря.

Две большие группы, на которые можно разделить синаксарные заметки, это, во-первых, те, в которых сказано о празднике в честь архангела в этот день, во-вторых, те, в которых архангел упоминается в связи с тем или иным святым или событием. Сосредоточимся на первой группе. Сюда относится восемь дней памяти: 12-ый хатор (21 ноября¹), 12-ый койяк (21 декабря), 12-ый паремхат (21 марта), 12-ый фармути (20 апреля), 12-ый пашонс (20 мая), 12-ый паони (19 июня), 12-ый эпип (19 июля) и 12-ый месори (18 августа). Как видно, особое число было определено для Михаила — это 12. Выше отмечалось, что в апокрифическом «Слове в честь архангела» перечисляются 12 его явлений на землю и 12 благ, даваемых по его молитвам людям. Истоки этой связи можно обнаружить в апокрифическом предании, по которому Михаил низверг дьявола и сам стал воеводой небесных сил 12-ого хатор, пожалуй, в наиболее важный из всех праздничных дней [5, с. 16–18]. Однако в Синаксаре это предание не сохранилось и не потому, что было утеряно, а потому, что идея некогда второстепенного значения Михаила считалась еретической. 12-ого хатор делается особый акцент, что архангел Михаил был во главе небесных сил всегда.

¹В скобках приводится дата по григорианскому календарю.

В четырех случаях архангел Михаил прославляется кратко за какое-либо благо (12-ый койяк, 12-ый паремхат, 12-ый фармути, 12-ый месори): за милосердие, защиту людей и ходатайство за них, за молитву о плодородии и разливе Нила. В четырех других заметках также описывается то или иное событие, в котором он сыграл важную роль. Эти события делятся на ветхозаветные, новозаветные и внебиблейские. Перечислим эти истории:

1. ветхозаветные: Михаил помог Иисусу Навину (12-ый хатор, 12-ый паони), сокрушил власть змея, т. е. Сатаны², в пределах Верхнего Египта (12-ый эппи);
2. новозаветные: Михаил явился женам-мироносицам и возвестил о воскрешении Христа (12-ый пашонс);
3. внебиблейские: Михаил обещал благоденствие семейной паре Дорофея и Феописты, которые ежемесячно отмечали его память милостыней и из-за этого обеднели (12-ый хатор); Михаил спас христианку Евфимию от демонского искушения (12-ый паони); разрушение языческого капища в Александрии и строительство вместо него храма в честь архангела (12-ый паони).

Вторая группа заметок превосходит первую по количеству. Можно выделить 21 день памяти: 8-ой тоут (18-ое сентября), 9-ый тоут (19-ое сентября), 6-ой хатор (15-ое ноября), 7-ой хатор (16-ое ноября), **21-ый хатор (30-ое ноября, верхнеегипетский Синаксарь)**³, **7-ой койяк (16-ое декабря, верхнеегипетский Синаксарь)**, **13-ий койяк (22-ое декабря, верхнеегипетский Синаксарь)**, 19-ый койяк (28-ое декабря), **22-ой койяк (31-ое декабря, и нижнеегипетский, и верхнеегипетский Синаксарь)**, 1-ый тоби (9-ое января), 5-ый тоби (13-ое января), 12-ый тоби (20-ое января), **26-ой тоби (3-ье февраля, верхнеегипетский Синаксарь)**, **27-ой тоби (4-ое февраля, верх-**

²Непонятно, имеется ли в виду победа над чудовищем или над Сатаной. Так как победа над Сатаной — это история мирового масштаба, а в заметке упоминается определенная местность, то можно предположить, что здесь повествуется о победе над каким-то земным чудовищем.

³Полужирным начертанием выделены даты, содержащие сюжеты про архангела Михаила из верхнеегипетского Синаксаря (в одном случае — из двух редакций).

неегипетский **Синаксарь**), 9-ый паремхат (18-ое марта), 14-ый паремхат (23-ье марта), 9-ый паони (15-ое июня), 17-ый паони (24-ое июня), 19-ый паони (26-ое июня), 27-ой паони (4-ое июля), 13-ый эпип (20-ое июля). Исходя из того, выступает ли архангел Михаил в роли деятеля или только называется по имени, можно выделить две группы. В шести заметках обнаруживается лишь имя архистратига. Говорится о церкви в его честь (**21-ое хатор**, 9-ый паони, 19-ое паони), о празднике в его честь (17-ый паони), во время которого происходят определенные события. **22-ого койяк** и в нижне-, и в верхнеегипетской редакции празднуется день архангела Гавриила — в нижнеегипетской заметке имя Михаила засвидетельствовано лишь раз, в верхнеегипетском тексте оно присоединяется к имени архангела Рафаила. В обоих случаях ожидается помощь от демонских козней. В заметке от 19-го койяк рассказывается биография Иоанна, епископа г. Парал в VI–VII вв., который изгнал еретика, уверявшего, что получает откровения от архангела Михаила.

Заметки, в которых описано то или иное участие архангела Михаила, в большинстве относятся к историям мучеников (7-ой хатор, **7-ой койяк**, 1-ый тоби, 5-ый тоби, 12-ый тоби, **26-ой тоби**, **27-ой тоби**, 14-ый паремхат, 27-ой паони, 13-ый эпип). Архангел направляет их на мученичество, исцеляет от ран, спасает из пыток, сопровождает в пути, обещает венцы за страдание. Наконец, пять заметок не объединяются в общую группу. 8-го тут празднуется память пророка Моисея, от тела которого архангел отогнал Сатану (Иуд 1. 9). На следующий день вспоминается известное в греческой традиции чудо, произошедшее в городе Колоссы на территории Фригии. Оно кратко пересказывает, как архангел защитил храм в свою честь от наводнения. 6-го хатор передается видение Феофила Александрийского (385—412) и Кирилла, следующего патриарха Александрийского (412—444), как Христос с учениками освятил храм в честь Девы Марии, а архангел Михаил и Гавриил спустили в сосуде воду для освящения. Память аскета Ильи приходится на **13-ый койяк**. Архангел Михаил благовестил о его рождении родителям, привел в монастырь Пахомия Великого и передал аскету, что Бог принимает его

молитвы и посты. Последняя заметка от 9-ого паремхат содержит рассказ об исповеднике Кутоне, которого архангел просветил и наставил в христианской вере.

Итак, итоговая классификации заметок из копто-арабского Синаксаря, в которых упоминается архангел Михаила, такова:

1. память архангела Михаила (8 заметок)

— 1.1 воспоминание его благ (4)

— 1.2. воспоминание его участия в событиях (4):

— 1.2.1. ветхозаветные события

— 1.2.2. новозаветные события

— 1.2.3. внебиблейские события

2. упоминание архангела Михаила в праздниках в честь других святых или событий (21 заметка)

— 2.1. называется по имени (6)

— 2.2. деятельно участвует (15)

— 2.2.1. события, связанные с мучениками (10)

— 2.2.2. другие события (5)

Как видно, архистратиг частотная фигура в синаксарных сюжетах. Больше всего его деятельность связана с мучениками, хотя и не относится ко дням его памяти. Праздники в честь архангела упоминают его блага людям и участие в разных событиях. Блага, за которые почитается Михаил, совпадают и в «Слове», и в Синаксаре с тем лишь отличием, что в первом тексте они расписаны подробнее. Краткость же синаксарных упоминаний соответствует жанровых особенностям этого сборника. В отличие от «Слова в честь архангела Михаила» в Синаксаре, являющем местную практику одного монастыря, акцент стоит не на ветхозаветных и новозаветных сюжетах, но на внебиблейских. Приведенные ветхо- и новозаветные эпизоды с участием архангела засвидетельствованы и в «Слове». Внебиблейские же отличаются. Хотя один сюжет с капищем частично совпадает, в Синаксаре не архангел основной участник события, как это описано в «Слове». А две другие синаксарные истории — из частной жизни египтян-христиан. Так как эти две заметки

относятся к дням почитания архангела, вкупе с его помощью мученикам Египта, можно предположить, что синаксарное почитание архистратига делает Михаила ближе к простому христианину.

Список литературы

1. Афиногенова О. Н., Барский Е. В., Франгулян Л. Р. и др. Михаил, арх. // Православная энциклопедия. 2017. Т. 45. С. 503–546.
2. Еланская А. И. Грамматика коптского языка. Саидский диалект / Ред. А. Л. Хосроев. СПб.: Нестор-История. 528 с.
3. Coquin R.-G., Atiya A. S. Synaxarion, Copto-Arabic // The Coptic encyclopedia. 1991. Vol. 7. P. 2171–2190.
4. Le synaxaire arabe jacobite (rédaction copte) / Éd., trad. et ann. R. Basset // Patrologia Orientalis. 1904. Vol. 1/III; 1909. Vol. 3/III; 1915. Vol. 11/V; 1922. Vol. 16/II; 1923. Vol. 17/III.
5. Müller C.D.G. Die Bücher der Einsetzung der Erzengel Michael und Gabriel. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 225. Leuven: Secretariat du CorpusSCO, 1962. 103 p.
6. Simon J. Homélie copte inédite sur S. Michel et le Bon Larron, attribuée à S. Jean Chrysostome // Orientalia. NOVA SERIES. 1934. № 3. S. 217–242.
7. Synaxarium Alexandrium / Arab. ed., Lat. transl. J. Forget // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. 1905. Vol. 47–49 (Arab. ed.); 1912. Vol. 67 (Arab. ed.); 1922, Vol. 78 (Lat. transl.); 1926, Vol. 90 (Lat. transl.).

References:

1. Afinogenova O. N., Barskij E. V., Franguljan L. R. etc. Michael, Archangel // Orthodox encyclopedia. 2017. No. 38. Pp. 503–546.
2. Coquin R.-G., Atiya A. S. Synaxarion, Copto-Arabic // The Coptic encyclopedia. 1991. Vol. 7. Pp. 2171–2190.
3. Elanskaja A. I. The Grammar of the Coptic Language. Sahidic Dialect / Ed. A. L. Hosroev. St. Petersburg: Nestor-Istorija. 528 p.
4. Le synaxaire arabe jacobite (rédaction copte) / Éd., trad. et ann. R. Basset // Patrologia Orientalis. 1904. Vol. 1/III; 1909. Vol. 3/III; 1915. Vol. 11/V; 1922. Vol. 16/II; 1923. Vol. 17/III.
5. Müller C.D.G. Die Bücher der Einsetzung der Erzengel Michael und Gabriel. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 225. Leuven: Secretariat du CorpusSCO, 1962. 103 p.

6. Simon J. Homélie copte inédite sur S. Michel et le Bon Larron, attribuée à S. Jean Chrysostome // *Orientalia. NOVA SERIES*. 1934. № 3. S. 217–242.

7. *Synaxarium Alexandrium* / Arab. ed., Lat. transl. J. Forget // *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. 1905. Vol. 47–49 (Arab. ed.); 1912. Vol. 67 (Arab. ed.); 1922, Vol. 78 (Lat. transl.); 1926, Vol. 90 (Lat. transl.).

УДК/UDC 811.11-112

Интерпретация мотивов произведений транслингвальных авторов

Витошнова Анна Михайловна

аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: annafox@inbox.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка проанализировать мотивы, побуждающие авторов создавать произведения на неродном для них языке. История подобной литературы насчитывает не одно столетие, но в последнее время она стала вызывать повышенный интерес исследователей, что связано как с глобализацией, так и с антропоцентризмом. Помимо причин чисто коммерческого характера, таких как большая читательская аудитория или литературное признание за пределами родной страны, добровольная смена языка диктуется побуждениями чисто психологического характера. Спектр этих мотивов довольно широк, а их анализ позволяет по-новому взглянуть на явление транслингвальной литературы. В статье дан краткий обзор русско-немецкого и немецко-английского современных романов.

Ключевые слова: транслингвальная литература, выбор языка, английский язык, герменевтика.

Interpretation of the motives of translingual authors' works.

Vitoshnova Anna Mikhailovna

Postgraduate student

Herzen State Pedagogical University of Russia

St. Petersburg, Russia

E-mail: annafox@inbox.ru

Abstract

This article attempts to analyse the motives that encourage authors to write in a foreign language. The history of such literature goes back hundreds of years, but it has recently aroused researchers' keen interest, due to globalization as well as anthropocentrism. Leaving alone commercially oriented reasons such as wider readership or literary acclaim beyond the homeland, there are purely psychological motives that drive authors to switch languages voluntarily. The range of these motives is quite wide, and analyzing them lets look at translingual literature from a new angle. The article gives a brief overview of modern Russian-German and German-English novels.

Key words: translingual literature, the choice of language, English, hermeneutics.

Для любого автора смысловые связи (интенции), относящиеся к конкретному тексту, возникают в контексте его собственных целей, различных ментальных состояний, убеждений и верований: весь этот комплексный процесс предполагает как осознанное, так и не осознанное использование символов. Если шагнуть чуть дальше - за рамки одного языка как кодовой системы, но остаться при этом в рамках герменевтики, то выбор самого языка автором является осознанной и всегда тщательно продуманной стратегией.

Согласно одному известному выражению, точное авторство которого является спорным, сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек (Пьер Брантом/ И. В. фон Гёте/ А. П. Чехов).

Что движет желанием хотя бы на время стать другим человеком, говорящим на другом языке? В последнее время в связи с размытием национальных и культурных границ всё большее количество людей осваивает другие языки. Расцветает транслингвальная литература – литература, написанная на неродном для автора языке. Данное направление в отечественном языкознании, хотя и носит характер первых шагов, в последние годы всё активнее привлекает внимание исследователей. Тему транслингвизма и транслингвальной литературы в большей или меньшей степени разрабатывают: З. Г. Прошина («Контактная вариантология английского языка», 2017), М. В. Тлостанова («Постсоветская лите-

ратура и эстетика транскulturации», 2005), Е. В. Белоглазова («Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в литературе и политике», 2022), В. В. Кабакчи («Литератор между двух языков и двух культур», 2016), У. М. Бахтикиреева («Истоки транслингвальной русскоязычной литературы», 2017) и другие.

Этой литературе приходится сталкиваться с традиционной национальной категоризацией, которая основывается на привычных государственных границах и языковой связи, как выражении национальной идентичности. Имея спорный статус в плане принадлежности к определённом национально-культурному наследию, романы на иностранных языках, однако, завоёвывают самые престижные литературные премии. В фокусе нашего внимания находятся мотивы, побуждающие писателя добровольно отказаться от своего родного языка в пользу иностранного.

Герой романа Томаса Манна «Волшебная гора», немец Ганс Касторп, воспитанный в строгих традициях, долгое время не может заговорить с понравившейся женщиной. В конце концов, преодолевая стеснение, не чувствуя в себе больше сил сопротивляться любви, он заговаривает с ней на французском. «Как вы могли заметить», комментирует он выбор языка, «я едва говорю по-французски. И всё же, уж лучше я буду говорить с Вами так, чем на моём родном немецком, потому что для меня сказать что-либо по-французски – это как будто ничего толком и не сказать. Никакой ответственности за слова, примерно как мы разговариваем во сне» [1].

Герой романа признаётся в любви на чужом языке, пусть уровень владения и оставляет желать лучшего – возможно, так даже проще.

Антон Шаммас, писатель из Палестины, объяснил журналисту, почему роман «Арабески» он написал на иврите: «Нельзя писать о людях, которых ты любишь, на языке, который они понимают. Невозможно писать свободно. Я выбрал иврит, чтобы не чувствовать, как герои моего романа постоянно дышат мне в спину».

Выбор языка – всегда осознанный шаг, это установка, базой для которой могут служить совершенно разные причины. Не хочется останавли-

ливаться на очевидных, таких как охват большей читательской аудитории, эмиграция или вынужденное изгнание (во время войны, например), хотя и тут не всё так просто. Здесь отдельное поле битвы: начиная от напряжённой внутренней борьбы с самим собой до внешней - борьбы за место под солнцем и признание. Эта тема обширна и требует отдельного исследования, и не одного. Но если говорить не о вынужденной смене языка, а о добровольной, об осознанном отказе от родного в пользу иностранного, то очевидной причиной такого выбора будет эмоциональная составляющая. В буквальном смысле – от любви до ненависти. И если о положительных эмоциях уже было сказано, то на отрицательных стоит остановиться подробнее. Если попытаться охватить транслингвальную литературу одним взглядом, то можно заметить, что в большинстве своём именно отрицательная эмоция является тем, что побуждает автора отказаться от родного языка.

С. Г. Тер-Минасова приводит такой пример. В немецком городке Пассау на стене надпись огромными чёрными буквами «Fuck the Norm! Do what you want». Существительное написано с большой буквы, что позволяет говорить о том, что писали молодые немцы [2]. На чужом языке легче переходить границы, нарушать нормы, ругаться, стыдить... Можно сказать всё, что хочется. Если рассматривать этот поступок в свете бахтинского утверждения, что «поступок человека есть текст», то даже такой маленький пример с английской надписью становится вполне показательным. И подтверждения тому, что «на чужом языке – проще» мы можем найти практически в любом городе, на любой стене. Для фигур покрупнее уличных писателей на заборах масштабы и таланты, соответственно, другие, но смысл остаётся прежним.

Айн Рэнд, урождённая Алиса Розенбаум, не настолько известная у нас в стране, как за рубежом, уехала из России в возрасте около 20 лет, и написала несколько прогремевших на весь мир романов, оставив яркий след в истории литературы. Почти каждый её роман (в числе наиболее известных «Источник» и «Атлант расправил плечи») – не столько роман, сколько средство выражения собственной философской доктрины.

ны. Айн Рэнд испытала потрясение во время революции, когда горячо любимый ею отец потерял всё, вмиг превратившись из состоятельного, преуспевающего торговца в обычного работягу, сражающегося за кусок хлеба. Правда, по словам самой Рэнд, Россию она ненавидела ещё до революции. Она отзывалась о ней брезгливо и презрительно, как о «развращённой», «гнилой» стране, в которой самое место коммунизму. Всё навязанное советской идеологией она презирала, воспевая свободу, индивидуализм и капитализм. Ненавидела она Россию при этом на английском языке, лекции и интервью о безнадежности отказа от себя во имя страны, о всеобщем равенстве, обо всём том, чем запомнилась ей родная страна – всё на английском языке.

Конечно, Айн Рэнд – не самый лучший пример добровольного выбора английского языка. На русском языке ей бы попросту не удалось развернуться во всей широте своей ненависти, при сталинском режиме это, как мы знаем, не приветствовалось. Эмигрировав в США, выбрав раз и навсегда для себя английский язык, Алиса Розенбаум открестилась от своего русского прошлого и продолжала до конца дней отрицать любую свою причастность к русской культуре.

Здесь английский язык выступает как средство говорить о том, о чём на русском не скажешь, причём практически в прямом смысле. Могла ли Айн Рэнд так же хорошо написать свои знаковые романы на русском языке, имея она такую возможность, нам остаётся лишь гадать.

Гораздо показательнее в плане выбора неродного языка другие произведения. В прошлом году в Санкт-Петербургском издательстве вышла книга Кати Петровской «Кажется Эстер. Истории». О художественной ценности мы рассуждать не возьмёмся, оставив это читателям и критикам, для нас интересно другое: родным языком автора является русский, но книга написана на немецком языке. Таков замысел и эта позиция принципиально важна. Речь в романе идёт о трагедии предков, Второй мировой войне – это тема неизменно тяжёлая, снова и снова требующая внимания и заставляющая к себе возвращаться. Выбор языка Катя Пет-

ровская объясняет так: «Я намеренно лишила себя поддержки русского языка, языка победителей» [3].

Немецкий язык здесь даёт возможность посмотреть на историю с другой – противоположной – стороны, не отягощая слова автора родной культурно-семантической нагрузкой. А вот как говорит об этом переводчик книги, Михаил Рудницкий: «Автору было настолько болезненно писать об этом родным языком, что в какой-то момент возникло желание убраться в броню, скафандр. Чужой язык стал средством защиты от того страшного материала, который осваивается в этой книге» [3]. Немецкий язык, по мнению переводчика, явился единственным спасением, преградой от ужаса материала, и эту броню перевод способен взломать, и процесс этот, и результат также оказались «страшными». Чтобы автору захотелось увидеть свою собственную книгу на русском – незащищённую никакой лингвистической маскировкой – потребовалось время.

Следующий пример может показаться чистой иронией. В 2020 году вышел дебютный роман молодой немецкой писательницы Катарины Фолькнер «Встреча», написанный на английском языке. Повествование больше похоже на поток сознания, и откровения, в большинстве своём интимные, которыми молодая пациентка делится со своим врачом (евреем – немаловажный факт), касаются чувства стыда – в том числе и за прошлое Германии. Главная героиня, имя которой не называется, рассказывает о своих фантазиях, в том числе сексуальных, в которых часто фигурирует Гитлер. Молодая женщина выражает презрение по отношению к «странному молчанию, которые немцы упорно хранят, если речь заходит о Холокосте» [4]. Эти рассуждения перемежаются с рассуждениями об отвращении к своему телу, мыслями на тему будущего и прошлого, задаётся вопрос «Можно ли примирить прошлое с настоящим?»

По словам писательницы, «Встреча» не задумывалась как нечто шокирующее или чрезмерно откровенное, но выбор английского языка, конечно же, дал некую свободу. «Когда Фрейд хотел сказать что-то грубое, он переходил на французский», говорит Катарина в интервью и добавляет, что «критиковать свою страну на своём языке – это слишком»

[4], а дистанция, которую обеспечивает чужой язык, необходима, чтобы быть откровенной до конца и выразить мысль беспрепятственно. В интервью после выхода книги К. Фолкнер много рассуждает о прошлом Германии, об отношении немцев к этому прошлому, в частности – к нацистскому режиму.

И снова – о художественной ценности дебютной книги мы говорить не будем, но какой бы она ни была, у автора есть интенция, и есть некий культурно-исторический контекст, говорить о котором она считает возможным, дистанцировавшись на расстояние чужого языка.

Каждый язык отражает мир особым образом; вступая в круг другого языка, автор автоматически выходит из круга, очерченного своим родным языком. Этот переход, хотя и диктует свои условия – например, тщательный выбор и осторожное обращение со словами, необходимость понимания семантических тонкостей – также даёт некую свободу выражения мысли, своеобразную безнаказанность, возможность сказать о том, о чём на родном языке говорить неудобно, неприлично, страшно.

Язык формирует не только индивидуальное сознание, но и национальное, он лежит в основе формирования национальной идентичности. Не значит ли это, что переходя лингвистические границы, человек переходит и национальные? А совершив этот переход, он отчасти перестаёт быть связанным морально-этическими обязательствами по отношению к родной нации и культуре, а вместе с тем к тому «Я», которое осталось в пределах круга родного языка.

Когда автор по каким-либо причинам намеренно выходит за эти пределы, произведение, им созданное, обрастает дополнительными смыслами. Какие-то лежат на поверхности, а о каких-то приходится только догадываться. Разгадки же остаются в поле ведения герменевтики.

Список литературы:

1. Манн Томас, Волшебная гора; [пер. с нем. В. Куреллы, В. Станевич]. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005 (СПб : Печатный двор им. А. М. Горького). - 990 с.

2. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур : Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации: Учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. - Москва, АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. - 286 с.

3. Кобеляцкая М. «Вернуть память». Читаем вместе, №11, 2021, стр.42-44. – Москва.

4. Katharina Volckmer: “Germans say they’ve dealt with their past. But I don’t think you can”. The Guardian [электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/sep/03/katharina-volckmer-the-appointment-interview-germany> (дата обращения 15.02.2022)

References:

1. Mann, Thomas. Der Zauberberg; [translation from German. V. Kurelly, V. Stanevich]. – St.Petersburg : Azbuka-klassika, (SPb : Pechatnyi dvor im. A. M. Gor’kogo). 2005. – 990 p.

2. Ter-Minasova S.G. Voina i mir iazykov i kul’tur [War and Peace of Languages and Cultures]: S.G. Ter-Minasova. - Moscow : AST : Astrel’ : Khranitel’, 2007. - 286 p.

3. Kobeliatskaia M. “Vernut’ pamiat’” [Bringing back the memory]. Chitaem vmeste, [Reading Together] no11, 2021, pp.42-44. Moscow

4. Katharina Volckmer: “Germans say they’ve dealt with their past. But I don’t think you can”. The Guardian [electronic resource] URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/sep/03/katharina-volckmer-the-appointment-interview-germany> (date of the request 15.02.2022)

УДК/UDC 80

Образ реки в романе Дианы Сеттерфилд «Пока течет река»

Линник Анастасия Александровна

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: steisha.al@gmail.com

SPIN-код: 5180-0562

Аннотация

В настоящей статье предпринята попытка анализа роли образа реки в романе британской писательницы Дианы Сеттерфилд «Пока течет река». Автором рассматриваются контексты употребления исследуемого образа на английском языке оригинала, а также в русском переводе. Образ реки как универсальная мифологема занимает ключевую позицию в повествовании романа «Пока течет река», выступая важным структурообразующим элементом сюжета, а также является полноправной участницей нарратива, приобретая свойства человеческой психики. Как элемент природного окружения река отражает внутренний мир и переживания главных героев, служит средством изображения их мыслительной деятельности, и представляется метафорой греха. Репрезентация образа реки в основном осуществляется посредством таких художественных средств выразительности, как прозопопея, сравнения и метафоры.

Ключевые слова: Д. Сеттерфилд, «Пока течет река», образ, роман.

River Image in “Once Upon a River” by D. Setterfield

Linnik Anastasia Aleksandrovna

Candidate of Philological Sciences, Lecturer of the Department of Foreign Languages

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: steisha.al@gmail.com

SPIN code: 5180-0562

Abstract

The article is devoted to the analysis of river image in the novel “Once Upon a River” by the British writer Diane Setterfield. The image is studied within the contexts presented in the English and Russian languages. The image of the river holds a key position in the novel serving as an important structure forming element of the plot. It also participates actively in the narration by acquiring the properties of human mind. As an element of natural environment a river reflects main characters’ inner world and emotions, serves as a means of depicting their mental activity, and is used as a metaphor for distress and misery. The river image is mainly performed through such means of expression as prosopopoeia, similes and metaphors.

Key words: D. Setterfield, “Once Upon a River”, image, novel.

Наряду с другими действующими персонажами, одно из ключевых мест в произведениях Д. Сеттерфилд отводится образам-символам, мифологемам, принимающим непосредственное участие в репрезентации и развитии главных и второстепенных героев. Образ мифологема выступает важным структурообразующим элементом сюжета, импульсом к его движению и развитию. В романе «Пока течет река» такое место занимает образ реки, на что указывает заголовок, обладающий сильной позицией текста. Это одновременно конкретный образ реки Темзы, у берегов которой разворачиваются мистические, мрачные и по-сказочному невероятные события времен викторианской Англии, и всеобъемлющий образ абстрактной реки, что акцентируется в употреблении неопределенного артикля в оригинальном заголовке романа “Once Upon a River”. В исследованиях мотивной структуры романа Дианы Сеттерфилд подчеркивается, что «„речные” ключевые мотивы и образы определяют особую поэтологию романа и его художественное своеобразие», мифологическая река «обуславливает все ключевые мотивы повествования» [1, с. 156].

Прежде всего, отождествление реки с другими героями романа наблюдается в ее антропоморфности, что достигается посредством прозопопеи. Река наделяется свойствами человеческой психики, выступая пол-

ноправной участницей нарратива: она воображает, забывает, дышит, подхватывает, убаюкивает, обладает намерением и т.д.:

... *a spot where the water **seemed to forget** it was a river at all and **idled**, just like a little lake* [2].

[...] река [...] как будто забывала, что является рекой, воображая себя растянутым в длину озером [3, с. 89];

... *and the river that **shifted** and **pressed** beneath her **like a thing alive*** [2].

[...] а снизу давила река, шевелясь, как живое существо [3, с. 92];

1) *With its next **breath**, the river **exhaled** a child* [2].

А чуть погодя река выдохнула ребенка [3, с. 117].

Образ реки используется Д. Сеттерфилд с целью проиллюстрировать течение повествования. Писательница сравнивает истоки реки с первыми страницами любой новой истории; подчеркивает сходство притоков реки с внутритекстовыми рассказами, составляющими в совокупности одну большую историю, заключенную в романе:

1) *A river no more begins at its source than a story begins with the first page* [2].

В действительности река начинается со своего истока не более, чем история начинается с первой страницы книги [3, с. 74];

2) *The Leach and the Churn and the Coln all have their separate journeys before they join the Thames to swell its waters, and in similar fashion the Vaughans and the Armstrongs and Lily White had their own stories in the years and days before they became part of this one* [2].

Луч, Колн и Черн начинаются в разных местах и по отдельности преодолевают путь до слияния с Темзой. Примерно так же Воганы, Армстронги и Лили Уайт имели свои собственные, отдельные истории в годы и дни до того, как они стали частями данного повествования [3, с. 139].

Помимо активного участия в нарративе образ реки как элемент природного окружения традиционно выступает средством репрезентации внутреннего мира главных героев, их переживаний и связанных с ними эмоциональных состояний, тем самым предстает живым эмпатичным существом.

Хелена Воган тоскует по похищенной дочери; она отчуждается от окружающей действительности, переживает дереализацию – весь остальной мир видится ей погруженным под воду и сюрреалистичным, как сон. В мыслях миссис Воган постоянно обращается к прошлому, символом которого для нее становится, в том числе ее девичья фамилия Гревилл:

- 1) *After all those came the coldness of the river. [...] The river came nudging at the boat, draining her of warmth with its lulling, rocking motion [2].*

Далее был еще холод самой реки. [...] Река качала лодку, как колыбель, одновременно вытягивая из Хелены остатки тепла [3, с. 86];

- 2) *And then a lot of other things happened and Helena Greville was swept clean away on the current and even Mrs Vaughan forgot about her [2].*

[...] и Хелена Гревилл была унесена течением событий, так что о ней позабыли все, даже миссис Воган [3, с. 91];

... like the rivers she knew in her dreams. The whole world was drowned, leaving only her cold self and Helena Greville's boat [...] [2].

[...] как реки в ее снах. Весь мир утонул, оставив ее одну замерзающей в лодке Хелены Гревилл [3, с. 92].

Описывая сильные эмоции персонажей, писательница прибегает к метафорам и сравнениям, так или иначе связанным с образом реки и ее атрибутивными свойствами. Чувства и переживания затапливают героев, в своей масштабности они напоминают неисчерпаемый океан.

- 1) *It had seemed then that her daughter's absence **had flooded** Helena, **flooded** them both, and that with their words they were*

trying to bail themselves out. But the words were eggcups and what they were describing was an ocean of absence, too vast to be contained in such modest vessels. She bailed and she bailed, but no matter how often she repeated the effort, she could not get to the end of it [2].

Казалось, осознание потери затапливало Хелену изнутри, затапливало их обоих, и они пытались с помощью слов вычерпать все это из себя. Но слова были как яичные рюмки, а то, что ими описывалось, было размером с океан, слишком большой, чтобы справиться с ним столь жалкими средствами. Она черпала и черпала, но, сколько бы ни старалась, все усилия были напрасны [3, с. 103];

- 2) *Now the banks of the river burst and Vaughan felt the water stream from his eyes [2].*

Тут плотину прорвало, и слезы рекой хлынули из глаз Вогана [3, с. 378].

Подобным образом Д. Сеттерфилд иллюстрирует не только боль и лишения, но и яркое чувство любви, уподобляя его волне и омывающему мощному потоку:

- 1) *It was a flood of love, [...], it washed over Rita and everything it saw [2].*

Это был мощный поток любви, [...], поток между делом омывал и ее, с ног до головы [3, с. 205];

- 2) *She smiled at Rita, who felt once again the tail end of that sweep of mother's love, enchanting and radiant and more than a little troubling [2].*

Она улыбнулась Рите, вновь по инерции накрыв ее волной материнской любви, такой лучезарной, обворожительной – в немалой степени устрашающей [3, с. 209].

Транслируя эмоциональный фон главных героев романа, образ реки также служит средством изображения их мыслительной деятельности и представляется метафорой беды и греха:

- 1) *Her practical experience had developed these **pools of knowledge** into a **deep reservoir of understanding**. [...] She simply waited, with a growing thrill of trepidation and exhilaration, until the conclusion that had been carefully preparing itself **in the depths** came to **the surface** [2].*

А ее практический опыт помог этому бурному потоку информации сочетаться с глубокой и тихой заводью осмысления. [...] ждала, когда вывод, постепенно формирующийся в глубинах ее сознания, сам собой всплывет на поверхность [3, с. 54];

- 2) *“Take me out of the **mire**, that **I sink not**: O let me be delivered out of the **deep waters**. Let not the flood drown me, neither let **the deep swallow me up**.” [2].*

«Молю, вытащи меня из этой трясины, чтобы я в ней не сгинула. Избавь меня от водных глубин. Не дай мне утонуть в потоке, не дай бездне меня поглотить» [3, с. 119].

Данные наблюдения позволяют заключить, что образ реки как универсальная мифологема занимает ключевую позицию в повествовании романа «Пока течет река», выступая важным структурообразующим элементом сюжета, а также является полноправной участницей нарратива. Как элемент природного окружения река отражает внутренний мир и переживания главных героев, служит средством изображения их мыслительной деятельности и представляется метафорой бедствия.

Список литературы:

1. Ишимбаева Г.Г. Мотивная структура романа Д. Сеттерфилд «Пока течет река» // Вестник Башкирск. ун-та. 2022. №1. С. 156-162.
2. Setterfield, Diane. (2018). Once Upon a River : Режим чтения. URL: https://royallib.com/read/Setterfield_Diane/once_upon_a_river.html#593036
3. Сеттерфилд Д. Пока течет река : роман / Диана Сеттерфилд ; пер. с англ. В. Дорогокупли. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 512 с.

References:

1. Ishimbayeva G.G. Motif Structure of D. Setterfield's Novel "Once Upon a River" // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2022. №1. P. 156-162.
2. Setterfield, Diane. (2018). Once Upon a River : Rezhim chteniya. URL: https://royallib.com/read/Setterfield_Diane/once_upon_a_river.html#593036
3. Setterfield D. Once Upon a River / Diane Setterfield ; per. s angl. V. Dorogokupli. – SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. – 512 p.

УДК/UDC 811.111

Полилингвальное общение как один из маркеров инновационной модели образовательной среды аграрного вуза

Аракелян Нина Сергеевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: nina605@rambler.ru

SPIN-код: 95-79-7013

Аннотация

Статья рассматривает проблемы владения иностранными языками, что является неотъемлемым условием прохождения стажировки за рубежом в современных вузах. В настоящее время вузы активно реализуют прохождение практик и программы обмена с иностранными вузами-партнерами, создают языковые центры и языковые курсы по формированию языковой компетенции согласно инновационной направленности целостного образовательного процесса в вузе.

Ключевые слова: иностранные языки, мотивация, профессиональная компетентность, образовательная среда.

Polylingual communication as one of the markers of innovation model of education environment of an agrarian institute of higher education

Arakelyan Nina Sergeevna

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: nina605@rambler.ru

SPIN Code: 95-79-7013

Abstract

The article deals with the problems of foreign language proficiency which is an essential condition for training abroad in modern universities. Currently, universities are actively implementing the training practices and programs of exchange with foreign partner-universities, create language centers and language courses on the formation of language competence according to the innovative orientation of the entire educational process of institutes of higher education.

Key words: foreign languages, motivation, professional competence, educational environment.

В современном обществе, пожалуй, как никогда, знание и владение иностранными языками, вносят особый вклад в формирование профессиональной компетентности обучающегося – будущего специалиста своей отрасли, выявляют и показывают его способности к лидерству в своей сфере, а также «поведение индивида и свойства его характера проявляются во взаимодействии с окружающими как часть сферы межличностных отношений» [1]. Процессы формирования общей образовательной среды, интеграции современного социума, модернизации системы образования в России интерпретируют по-новому языковую политику и использование современных методов в обучении иностранным языкам в неязыковых вузах. Сегодня обществу нужны специалисты, уверенно владеющие иностранным языком в рамках своей профессиональной деятельности, поэтому «будущие специалисты должны не просто владеть иностранным языком, а еще и обладать языковой компетенцией, которая в свою очередь поможет расти человеку в своей профессии, при этом учитывая и опираясь не только на отечественные практику, опыт и знания, но и на зарубежные достижения, а также даст опыт обмена навыками и знаниями с коллегами из-за рубежа» [2]. Повышение академических знаний обучающихся в настоящее время оказывает большое влияние на расширение международных связей, способствует обмену специалистами и опытом, что не менее важно, создает инновационное образовательное пространство. Также стоит отметить, что степень развития современной

образовательной среды зависит от уровня языкового компонента в вузе. В частности, в аграрном вузе гуманитарный уровень обучающихся повышается, в том числе и за счет изучения иностранного языка, это позволяет обучающимся получить дополнительные профессиональные знания, а также дает возможность быть участником международного сотрудничества [3]. Одной из ярких характеристик современной, а именно инновационной модели образовательной среды, считается открытость российских вузов к общению с зарубежными партнерами и сотрудничеству с ними. Так В. А. Митягина утверждает, что современный обучающийся – это «игрок» делового дискурса, а «программа действий», определенная учебным заведением, дает им возможность вписаться в различные дискурсивные ситуации профессионального общения, в том числе и глобализированные [4].

Необходимо отметить, что в Европе уровень подхода к образовательной среде в области иностранного языка довольно высок. Так, общение на иностранных языках у иностранцев происходит не только в профессиональной деятельности, но и в быту, чего, собственно, не скажешь о России, особенно если речь идет о провинциальных городах. Отсюда вытекает низкий уровень владения иностранными языками в России, даже, несмотря на присутствие здесь иностранного бизнеса. Почему же такое происходит? Если «зреть в корень» ситуации, то достижение поставленной цели возможно лишь при соблюдении таких условий, как педагогическая диагностика, то есть «учеба на своих ошибках»; развитие внутренней мотивации к изучению иностранного языка, когда и преподаватель, и обучающийся заинтересованы в совершенствовании; современные подходы в виде дифференцированного и профессионально-ориентированного обучения, разнообразие обучения, активизация внеаудиторной работы по иностранному языку, а также не менее необходимые контроль и самоконтроль. Мы не можем не согласиться с тем, что знание иностранного языка является неотъемлемым условием прохождения стажировки за рубежом, так как вузы активно реализуют прохождение практики и программы обмена с иностранными вузами-партнерами и

создают языковые центры и языковые курсы по формированию языковой компетенции. Например, в зарубежных вузах давно делается акцент на полиязычность образовательных услуг, и, анализируя этот опыт, стоит заметить, что владение иностранными языками (в первую очередь английским языком) является необходимой компетенцией обучающихся, которую они должны подтвердить соответствующим сертификатом при поступлении или во время обучения.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что на базе Кубанского государственного аграрного университета созданы самые благоприятные условия для внедрения вуза к глобализированному образовательному пространству, что включает в себя проекты по привлечению иностранных студентов в вуз, программы обмена и стажировки, участие в международных проектах. Это может и должно способствовать умению осуществлять мыслительную деятельность обучающихся не только на родном языке, но и на иностранном. Данные мероприятия свидетельствуют об успешной языковой политике вуза и предполагают внедрение современных и актуальных подходов в обучении иностранным языкам. Следует отметить, что иностранный язык в неязыковом вузе не является основой подготовки обучающихся. Но с уверенностью можно утверждать, статус языка в общей системе дисциплин станет значительно выше, если рассматривать его как средство расширения профессионального и общеобразовательного кругозора, получения дополнительной научной информации и углубления профессиональных знаний.

Список литературы

1. Донскова Л.А. Развитие коммуникативной толерантности в процессе обучения студентов-менеджеров иностранному языку. Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3 (46). С. 99-100.
2. Зайцева А.Э. Коммуникативная компетентность как фактор развития личности обучающихся. В сборнике: Язык. Образование. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за выпуск А.С. Усенко. Краснодар, 2019. С. 53-58.

3. Машлыкина Н.Д. Иностранный язык в аграрном вузе: Региональное и глобальное измерение // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. С.18-20.

4. Митягина В.А. Изменение стандартов коммуникации и проблема формирования инокультурной компетенции: Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Сб.науч.ст. Выпуск 2. -Волгоград: Изд-во «Волгоград». -2004. –С. 80-85.

References:

1. Donskova L. A. Development of communicative tolerance in the process of teaching management students a foreign language. Cultural life of the South of Russia. 2012. No. 3 (46). Pp. 99-100.

2. Zaitseva A. E. Communicative competence as a factor of personality development of students. In the proceedings: Language. Education. Culture. Proceedings based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Chief of the release A.S. Usenko. Krasnodar, 2019. Pp. 53-58.

3. Mashlykina N. D. A foreign language in an agrarian university: regional and global dimension // Modern problems of science and education. - 2014. No. 4. Pp.18-20.

4. Mityagina V.A. Change of communication standards and the problem of formation of ethno-cultural competence: actual problems of linguistics and intercultural communication. Proceedings. Issue 2. -Volgograd: Publishing house "Volgograd". -2004. Pp. 80-85.

УДК/UDC 81'246.2

Двуязычное образование и перевод

Басте Зара Юсуфовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет

г. Краснодар, Россия

e-mail: zara732@mail.ru

SPIN-код: 7401-6601

Аннотация

Языковое и культурное разнообразие является общей чертой демографической ситуации в языковом мире, однако официальное двуязычие на примере Канады создало уникальные требования и возможности для двуязычного развития и обучения. В этой статье рассматриваются двуязычные и многоязычные потребности, и практика в канадских академических кругах в более широком демографическом, историческом и правовом контексте страны.

Ключевые слова: двуязычие, современные языки, развитие, транслитерационный, контекст, терминологии, лингвистические ресурсы.

Bilingual education and translation

Baste Zara Yusufvna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: zara732@mail.ru

SPIN-код: 7401-6601

Abstract

Linguistic and cultural diversity is a common feature of Canadian postsecondary demographics, yet Canada's official bilingualism has created unique demands and opportunities for bilingual development and instruction. This article first situates bi- and multilingual needs and practices in Canadian academia within the country's broader demographic, historical, and legal contexts.

Key words: bilingualism, modern languages, development, transliteration, context, terminology, linguistic resources.

Для того, чтобы подчеркнуть потенциал перекрестного опыления с современными языками, двуязычным образованием и переводом, а также закрепить теоретическую дискуссию о том, как предлагаемый здесь двуязычный и транслитерационный подход соотносится с транслитеративным подходом.

Например, высшие учебные заведения Канады принимают студентов, отличающихся языковым и культурным разнообразием, стремясь как привлечь иностранных студентов на конкурентном и глобализированном академическом рынке, так и охватить все более разнообразные группы местных студентов. В то же время политика связанная с таким разнообразием, представляет интересные различия в языке к северу и югу от границы. Примечательно, что сосуществование в Канаде двух официальных языков, английский и французский, наряду с федеральной и провинциальной политикой по продвижению французского языка в качестве основного языка высшего образования, создали спрос на двуязычное англо-французское письмо по дисциплинам, по крайней мере, в некоторых частях страны. С этими требованиями возникает ряд проблем не только для студентов-писателей, но и для учреждений и программ, которые должны их поддерживать. Действительно, во многих отношениях проблемы двуязычного развития являются наглядным примером необходимости дисциплинарных и ведомственных границ в обучении, в частности, объединив современные языки, изучение перевода и обучение письму, чтобы адекватно поддерживать развитие академической грамотности на двух или более языках.

Именно с этой конкретной канадской точки зрения предположительно можно изучить трансдисциплинарные и транслингвистические проблемы изучения языка. Хотя каждый национальный и региональный контекст образования сталкивается с уникальными требованиями, что аргументы и стратегии, которые с точки зрения Канады, найдут от-

клик у ученых и преподавателей и в других контекстах. Во-первых, о двуязычных и многоязычных потребностях и практики обучения языкам в канадских высших учебных заведениях в рамках более широкого демографического и правового контекста. Иллюстрируя проблемы двуязычного англо-французского языка в конкретном институциональном контексте при помощи тематического исследования, за которым следует описание педагогической инициативы, есть возможность разработать, чтобы обеспечить учебную поддержку двуязычным студентам. Помимо этого, благодаря знанию иностранных языков можно общаться с зарубежными коллегами, в связи с этим язык является не только объектом изучения, но и средством совершенствования профессиональной компетенции личности [1].

В частности, об использовании “транслонгвального” подхода к основному вопросу, и в этом заключается этот термин, по-видимому, вызвал некоторую путаницу и даже напряженность, особенно в диалоге, который ведется об использовании в области письма на втором языке. Существует также несколько официально двуязычных университетов и колледжей. Опять же, неравный языковой баланс сил отражается в институциональных языковых механизмах и индивидуальном языковом выборе, при этом студенты с преобладанием французского языка, как правило, имеют большую мотивацию и больше возможностей для развития двуязычной (а иногда и трехязычной) академической грамотности, чем студенты с преобладанием английского [2].

Действительно, одна из целей этого обучения состоит в том, чтобы предложить способы продвижения этого диалога вперед путем уточнения терминологии и привлечения других терминов и связанных с ними подходов, таких как перевод и двуязычие, которые считаются более полезными. До этого момента письмо на двух языках называется двуязычным письмом, письмо на трех языках — трехязычным письмом и письмо на нескольких языках как многоязычное письмо. К этим терминам добавляется двуязычие как синоним двуязычной грамотности или двойной грамотности — способность уверенно говорить, читать

и писать на двух языках, а также “транслитерацию” как добавленную способность уверенно и плавно переходить с одного языка на другой для разных целей. Занятия по риторическим знаниям были направлены на то, чтобы способствовать критическому осмыслению работы по контрастивной/межкультурной риторике, попросив студентов сравнить инструкции, приведенные в английских и французских учебниках по композиции о том, как представить статью, с реальными образцами написания. Одна из основных целей состояла в том, чтобы повысить осведомленность о возможности того, что наблюдаемые текстовые отрезки могут иметь большее отношение к жанровым и риторическим ситуациям (например, введение эссе для курса по сравнению с научным журналом, статья для национальной аудитории по сравнению с главой книги для международной аудитории), чем с языком написания. Что касается знания процесса, *activities* обратили внимание на сходства и различия в стратегиях составления текстов L1, L2 и L3, а также на стратегическое использование всего своего лингвистического репертуара для написания на языке, которым человек владеет слабее [3].

Для двуязычных академических писателей в канадском контексте нередко писать на французском языке (например, диссертации) из источников на английском языке (например, опубликованные исследовательские статьи), а затем на другие языки (например, для публикации на английском языке результатов диссертации, написанной на французском языке), все время смешивая, переключая или смешивая языки, когда речь идет о письменных текстах. Это называется постоянное переключение между языками внутри и между режимами “межъязыковой” работой. Понятно, что такая терминология чрезмерно упрощает сложность языкового взаимодействия и участвует в построении, и некоторые могут утверждать, что овеществление и эссенциализация лингвистических ресурсов в четко ограниченных языковых системах — вопрос, к которому можно еще вернуться к более подробному определению, в частности двуязычия. Тем не менее, эта терминология помогает в описании основных аспектов практики обучения в преобладающих лингвистических поряд-

ках, в рамках которых, по-видимому, на примере как работают канадские многоязычные университетские писатели.

Однако на рынке неизменным остается факт востребованности специалистов, обладающих знаниями иностранных языков. Подобная обстановка выступает мотивационным стимулом для студентов к изучению данной дисциплины [1].

Список литературы:

1. Карипиди А.Г., Батурьян Инновационные технологии в процессе обучения иностранным языкам бакалавров и магистров. Современные наукоемкие технологии. 2019. № 5. С. 137-141.
2. Жантиль, Гийом. Различия в целях и видах деятельности для многоязычного письма. В книге Алистера Камминга (ред.) "Цели академического письма: студенты ESL и их преподаватели" (стр. 142-156). Амстердам: Джон Бенджаминс.
3. Розицки, Уильям В., Нагельхаут, Эд, и Коннор, Улла. Контрастивная риторика: переход к межкультурной риторике. Филадельфия, Пенсильвания: Джон Бенджаминс. (2008).
4. Фразеологический словарь русского литературного языка. / Сост. А. И. Федоров. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

References:

1. Karipidi A. G., Baturyan Innovative technologies in the process of teaching foreign languages to bachelors and masters. Modern high-tech technologies. 2019. No. 5. Pp. 137-141.
2. Gentil, Guillaume. (2006b). Variation in goals and activities for multilingual writing. In Alister Cumming (Ed.), Goals for academic writing: ESL students and their instructors Pp. 142-156. Amsterdam: John Benjamins.
3. Rozycki, William V., Nagelhout, Ed, Connor, Ulla. Contrastive rhetoric: reaching to intercultural rhetoric. Philadelphia, PA: John Benjamins. (2008).
4. Phraseological dictionary of the Russian literary language. /Comp. A. I. Fedorov. M.: Astrel: AST, 2008. 87 p.

УДК/UDC 81'246.2

Сигнификативное понятие художественного текста как отображение индивидуального стиля автора

Батурьян Маргарита Аветисовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет

г. Краснодар, Россия

e-mail: margarita_baturyan@mail.ru

SPIN-код: 8262-0135

Аннотация

В статье рассматриваются семантико-лингвистические аспекты художественного текста, используемые автором в произведениях. Художественный текст представляет собой сложную структуру. В нем прежде всего выделяются различные и вместе с языковой как эстетическая речевая система. Воздействие на воображение и чувства читателя, а также информирование его о чём-нибудь. Главная задача лингвистического анализа — изучение изобразительных средств художественного текста, и эстетического эффекта, который дает их синтез.

Ключевые слова: лексическая система, сигнификативное понятие, текст, автор, язык, стилистика, функциональный аспект.

The significative concept of a literary text as a reflection of the author's individual style

Baturyan Margarita Avetisovna

Candidate of Philology, associate Professor

Kuban State Agrarian University

e-mail: margarita_baturyan@mail.ru

SPIN-код: 8262-0135

Abstract

The article investigates the semantic and linguistic aspects of the literary text is used by the author in the works. The literary text is represented a complex structure.

In it, first of all, various and, along with the linguistic, as an aesthetic speech system are distinguished. Influencing the reader's imagination and feelings, as well as informing him about something. The main task of linguistic stylistic analysis is to study the visual means of a literary text, and the aesthetic effect that their synthesis gives.

Key words: lexical system, significative concept, text, author, language, stylistics, functional aspect.

В настоящей статье рассматриваются проблемы интерпретации термина 'концепт', языковой репрезентации и методов его анализа, трудности, связанные с изучением его соотношения с национальным менталитетом и культурой, языком и языковым сознанием. Изучение концептов помогает понять концептуальные и языковые образы мира, определить национальную специфику. Концепт вбирает в себя значения многих лексических единиц и реализует их не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, тексте.

В условиях глобализации, широкого распространения массовой культуры и всепроникающей модернизации язык становится все более важным фактором этнической дифференциации. Разные картины мира складываются у представителей разных языковых культур. Индивид, наделенный языком, организует содержание высказывания в соответствии со своей собственной картиной мира. Именно через эту картину проявляется специфика восприятия мира индивидом, воплощенная в его языке. Особая природа языка заключается в отличительном характере его когнитивной базы, сформированной этнической группой или народом в ходе его развития, его восприятия и овладения окружающим миром. 'Концепции' составляют основу этих когнитивных баз. Изучение "концептов" позволяет нам собрать информацию о таком уникальном явлении, как дух нации [5].

В языковом сознании сфера мировосприятия представлена в виде категорий, которые являются универсальными общечеловеческими концептами. Определение категоризации объектов и явлений действительности устанавливает необходимость выделения словесной единицы. Мы

используем язык, чтобы выразить себя, взаимодействовать с другими и ассоциироваться с нашей историей, а также для понимания окружающего мира. Для определенных людей этот разнообразный языковой мир включает в себя не только один, но и два или три языка. На самом деле двуязычные или многоязычные люди составляют подавляющее большинство населения мира.

Язык был мифологически понят как аспект человечества, который находится вне нашего собственного контроля. Можно думать о лингвистических особенностях как о тексте; точно так же, как человек читает текст, чтобы отличить смысл от произведения, он должен читать особенности языка, чтобы отличить смысл от языка.

Каждый автор имеет свой собственный языковой стиль, который прослеживается во всех его произведениях. Стиль определяется исключительностью персонажей, время и места действия, редкостью используемого языкового элемента, либо своеобразием выбора и совокупности языковых форм [1].

Стиль произведения рождает в восприятии сам образ стиля автора. Лингвистическое разрушение и деконструкция языков не только придают им ощущение значимости в более широком масштабе, но и дают ключ к пониманию каков был процесс создания языков, насколько глубока была работа и какие части были выбраны сознательно, а не бессознательно. Напротив, работа Чейна “Созданные языки в научной фантастике” (2008) отказывается от изучения лингвистических особенностей этих языков и вместо этого указывает литературную цель, которую эти языки выполняют в текстах, в которых они появляются. Например, она классифицирует различные языки по тому, используются ли они для проверки гипотезы Уорфа и используются для характеристики конкретной культуры.

Выделяя одну лингвистическую особенность, будь то синтаксис, морфология или фонология, задаешься вопросом, что эта особенность может сказать о произведении, что не обязательно было бы передано другими аспектами произведения. Поскольку эти языки требуют больших усилий, то можно предположить, что они не были включены в ра-

боту из-за отсутствия цели; и нужно понять, что язык имеет решающее значение для работы.

Автор обладающий даром слова, из этого изменчивого гибкого материала, создает присущую только ему, характерную индивидуальность конструкции текста. Как следствие, частое совмещение двух языков приводит к необходимости ограничить количество времени, которое человек проводит на языке. Это ценный атрибут с коммуникативной точки зрения — может быть трудно интерпретировать сообщение на одном языке, если другой язык постоянно вмешивается. То, как и что он отбирает из общенационального языка и как сплавляет в своем тексте, создает неповторимый облик произведения художественной литературы [3].

В связи с тенденцией лингвистики текста и применением функционально-прагматического подхода к языку тематика односоставных предложений приобретает новый ракурс донесения смысла текста. Становясь на отдалённом месте синтаксического уровня языковых знаков, номинативное предложение владеет огромным потенциалом функциональных, т.е. синтаксико-семантико-стилистических реализаций текста и структурирования художественного текста. Сам процесс осуществляется во взаимодействии синтаксиса и стилистики, тем самым влияет на формирующийся широкий смысл контекста.

В дефиниции каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различительных черт данной языковой среды и структуры мышления читателя, любое явление внешнего мира проецируется на сознание в многомерном виде. Эмоциональная оценка этих явлений лежит в основе ассоциативной соотнесенности признака авторского описания с образом, обладающим в сознании носителей языка, как внешним или внутренним сходством с описываемым автором явлением, ценности определяют важность поведения субъекта, сознания и мировоззрения [2]. Реальная действительность в сознании носителей языка наряду с понятийным содержанием, сигнификатом, выражающее внешнее строение и сущностные характеристики действий в тексте, присутствует

образ, который аккумулирует на понятийном уровне их субъективные признаки и особенности, которые не входят в сигнификативное понятия.

На разность вариантов признака влияют ситуативное окружение образа, его аксиологическое формирование, а также ряд таких грамматических факторов, как родовая принадлежность, часть речи, аналитическая структура и т.д.

В литературно-художественном языке многие слова обозначают определенные чувственные измышления, а в публицистическом стиле эти же слова используются для обобщения некоторых понятий. Таким образом, функциональные стили речи взаимодополняют друг друга. Это мы можем наблюдать в статье Басте З. Ю., она пишет: «В этом плане художественный дискурс уже предстает как продукт одного из самых сложных видов коммуникации. В связи этим реализация антропоцентрической характеристики при анализе художественного дискурса открывает новые форматы, где объектом исследования оказывается персонаж как специфичная языковая личность. Направленность на речевое поведение персонажа, характеризующая процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации, позволяет выявить анализ литературного героя как языковой личности, во всей общности представленных в художественном дискурсе характеристик» [3].

В лингвистических статьях и книгах последних лет учитывается взаимосвязь между языком и мышлением, когда изучаются индивидуальные стили писателей, а также методы, используемые для выражения реалий вне языка, знания о мире и законы, которым следуют в отношении организации картины мира, представленной через язык. Другими словами, художественный текст интерпретируется как сложный знак, выражающий индивидуальную картину мира автора (как изображение представителя того или иного народа). Анализ, направленный на выявление концептуальной информации, которую можно найти в тексте, иногда может быть ограничен только одной задачей – идентификацией и интерпретацией основной "концепции" произведения, или он может

быть направлен на расширение и добавление к анализу конкретной "концепции".

Список литературы:

1. Ароцкера Л. Е., Войнова В. К. Об использовании лингвистической статистики для установления автора анонимного текста. – 1996.
2. Басте З. Ю., Багировов Х.З. Лингвоментальные билингвальные культуры автора в художественном тексте (на материале произведений М. Кандура) В сборнике: Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров. общества. Материалы Международной научно-практической. конференции. Отв. Редактор О. Е. Павловская. 2018. С. 250-254.
3. Басте З. Ю. Художественный дискурс и особенности художественного текста писателя – билингва. Дискурс в различных сферах коммуникации: современные тенденции и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 95-летию КубГАУ имени И.Т. Трубилина и 50-летию кафедры русского языка и речевой коммуникации: текстовое электронное издание. Краснодар, 2017. – С.49-54.
4. Вул С. Н. Теоретические и методические вопросы криминального исследования письменной речи. – М., 1977.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Издательство "Академия" 2001. – 208 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка. / Сост. А. И. Федоров. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

References:

1. Arotskera L. E. and Voynova V. K. on the use of linguistic statics to identify the author of an anonymous text. – 1996.
2. Baste Z.Yu., H.Z. Bagirokov Linguomental bilingual culturemes of the author in a literary text (based on the works of M. Kandur) In the collection: Modern media as a reflection of axiological guidelines. societies. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Exec. editor O. E. Pavlovskaya. 2018. Pp. 250-254.
3. Baste Z.Y. Artistic discourse and features of the literary text of a bilingual writer. Discourse in various fields of communication: current trends and prospects. Materials of the international scientific conference dedicated to the 95th anniversary of the I.T. Trubilin KubSAU and the 50th anniversary of the Department of Russian Language and Speech Communication: text electronic edition. Krasnodar, 2017. – Pp.49-54.

4. Vul S. N. Theoretical and methodological issues of criminal research of written speech. – М., 1977.

5. Maslova V.A. Linguo-culturology: a study manual for students in tertiary education. – Moscow: “Academia” Publishers, 2001. – P. 208.

6. Phraseological dictionary of the Russian literary language. /Comp. A. I. Fedorov. М.: Astrel: AST, 2008. 87 p.

УДК/UDC 81'42

Корреляция концептуальной модели времени и рода деятельности респондента-читателя

Бузина Евгения Игоревна

кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков
педагогического института

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия

e-mail: guzhvenok@mail.ru

SPIN-код: 9831-0551

Аннотация

Настоящая статья посвящена созданию и построению общей концептуальной модели времени, а также выявлению корреляции, одной стороны, восприятия концепта «Время», а с другой стороны, профильной научной направленности читателей литературы. Созданная концептуальная модель времени подразделяется на базовые концепты «Время-вселенная» и «Время-человек». Проведен научный эксперимент в виде опроса, где количественным образом выявлено различие в восприятии концепта «Время» людьми, которые реализуют себя в различных направлениях наук: точные науки, естественные науки, гуманитарные науки. Выявлена связь общего концепта «Время» и художественного концепта «Время», которые отражают аспекты коррелирующие наивную и художественную картины мира читателей.

Ключевые слова: Концепт «Время», концептуальная модель времени, художественный концепт время, темпоральность, темпоральная архитектура художественного текста.

Implementation of the conceptual time model and perception of the concept “Time” by readers from various scientific fields

Buzina Evgenia Igorevna

Candidate of Philological Sciences, Assistant of the Department of Foreign Languages of the Pedagogical Institute

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

e-mail: guzhvenok@mail.ru

SPIN-код: 9831-0551

Abstract

This article is devoted to creation and construction of a general conceptual model of time, as well as to reveal the correlation, on the one hand, the perception of the concept «Time», and on the other hand, the specialized scientific orientation of readers of literature. The created conceptual time model is subdivided into the basic concepts the “Time-Universe” and the “Time-Human”. A scientific experiment was conducted in the form of a survey, where the difference in the perception of the concept “Time” by people who realize themselves in various areas of science: exact sciences, natural sciences, and the humanities sciences was revealed in a quantitative way. The connection between the general concept "Time" and the literary concept “Time” is revealed, which reflect aspects correlating the naive and fiction worldview of readers.

Key words: The concept “Time”, the conceptual time mode, literary concept “Time”, temporality, temporal architectonics of a fiction text.

Изучение текста как совокупность художественных концептов подразумевает, прежде всего, исследования концепта как такового. В настоящее время существует множество определений понятия «концепт». Так, Е. С. Кубрякова под понятием концепт подразумевает «многомерный мыслительный конструкт» [8]. В. А. Маслова определяет концепт как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой» [10], тогда как, Н. В. Александрович предполагает, что концепт является «объясняющей моделью» [1].

В контексте данной статьи под художественным концептом мы будем понимать «компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми

в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [12]. Важно отметить, что «в текстах литературно-художественных произведений физическое время реализуется в виде его художественной проекции» [11], а также отражает «полную картину произведения, в том числе её динамику» [5].

Для создания целостной концептуальной модели времени, нами было выделено два основных типа времени: «время «внешнее», объективное (физическое) и время «внутреннее», субъективное (психологическое)» [2].

А. С. Аскольдов разработал концепцию субъективно-психологического времени, в ней отражалось то, что понятие время – это другое имя изменения, фиксируемое нашим сознанием как прошлое, настоящее и будущее [3].

Объяснение времени с позиции законов вселенной, с минимальным вмешательством человека (человек-наблюдатель), отражено в характеристиках объективного времени. В свою очередь, субъективное время отражает изучение и интерпретацию времени с позиции человека и его восприятия действительности, как в классическом, так и в когнитивном аспектах [4].

Понятие времени с позиции теории языка опирается как на законы объективного времени, так и субъективного (физико-математические расчеты, когнитивная интерпретация, культурно-исторические и генеалогические идеи концептуализации времени [14], формирование моделей внутреннего времени текстового пространства и моделировании лексико-грамматических и онтологических конструктов [9], создание «темпоральных конструкций» [13]).

Для того, чтобы построить концептуальную модель времени, уточним, что мы понимаем под этим понятием. В нашем исследовании мы опираемся на определение, данное В.И. Карасиком о том, что модель – это «исследовательский конструкт реальности <...> рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления» [7].

Концептуальная модель времени, предложенная нами, может быть репрезентирована следующим образом, рисунок 1.

Репрезентация концептуальной модели времени

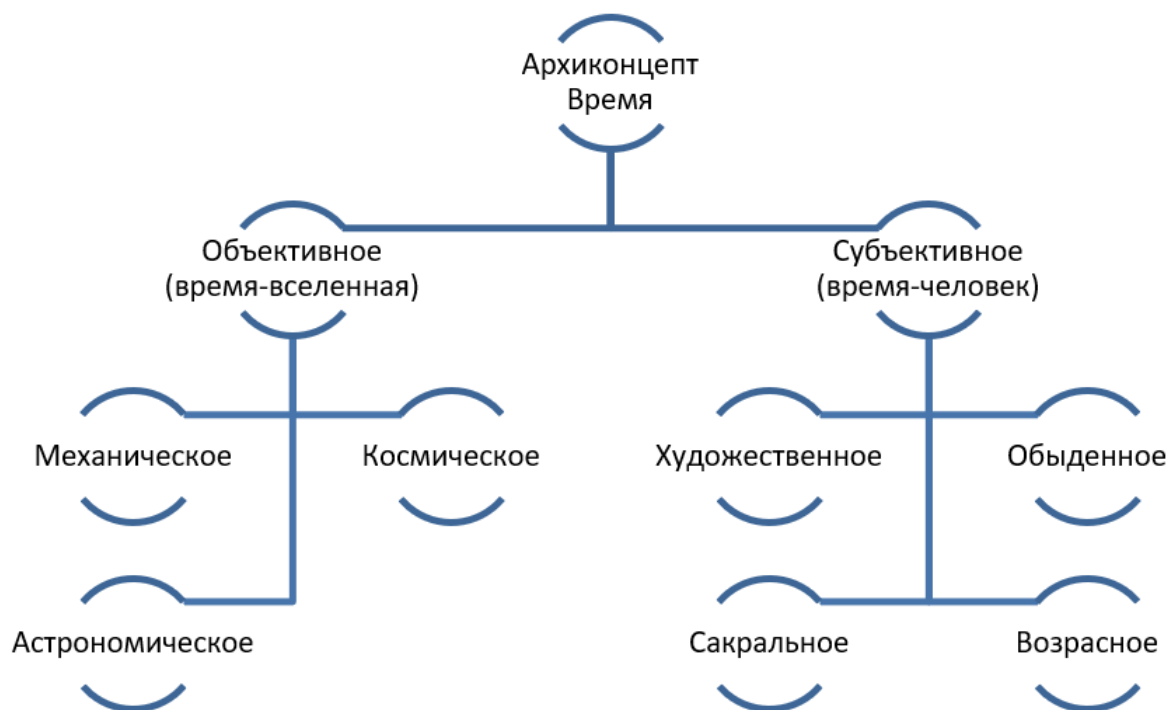

Рисунок 1

Представленный архиконцепт «Время» подразделяется нами на концепты: время-вселенная и время-человек. Первый концепт «Время-вселенная» интерпретируется с позиции универсальных или космических понятий. Второй концепт «Время-человек» отражает экзистенциальные категории.

Представим результаты проведенного социального эксперимента, где респондентам было предложено ответить всего на один вопрос: «Назовите три слова, которые ассоциируются у Вас с понятием «Время»?».

Участники были разделены на три категории:

- специалисты или студенты, изучающие точные науки;
- специалисты или студенты, изучающие естественные науки;
- специалисты или студенты, изучающие гуманитарные науки.

Из каждой отрасли нами было опрошено по 10 человек, которые свободно читают литературу на иностранном языке. Пол и возраст респондентов не учитывались.

Представленный социальный эксперимент поможет провести анализ того, существует ли различие в понимании концепта «Время» у людей из разных направлений научного знания.

Итак, как упоминалось ранее, в каждой группе респондентов было по 10 человек, в результате, в каждой опрашиваемой группе выявлено по 30 лексем, отражающих концепт Время.

Сначала приведем результаты опроса респондентов технического профиля (точные науки). Данные опроса представлены на рисунке 2.

Репрезентация концепта «Время» респондентами, реализующих себя в направлении точных (технических) наук

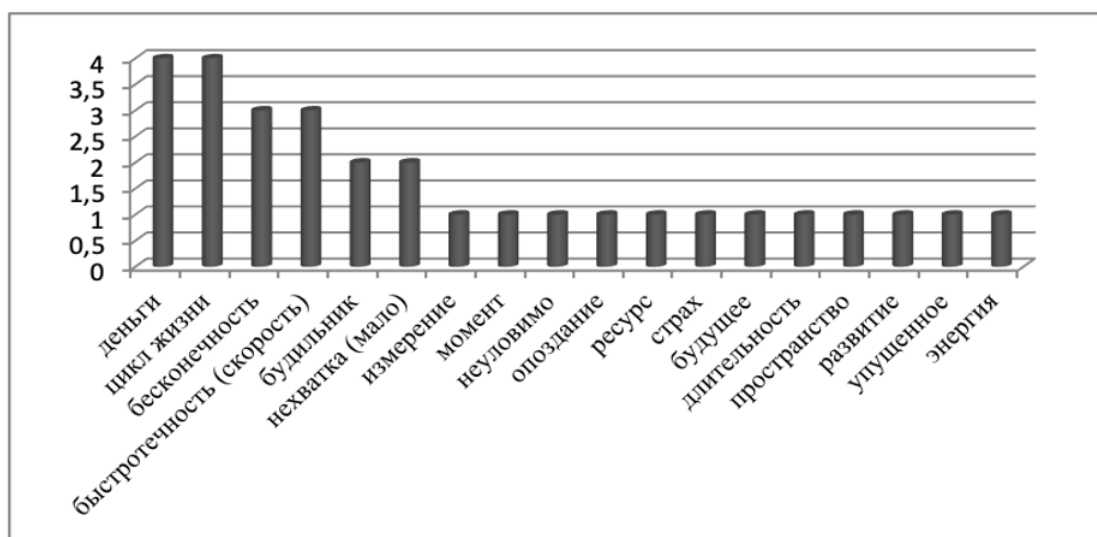

Рисунок 2

Опираясь на полученные данные социального эксперимента нами было выявлено, что преобладающими ответами стали: «деньги» и «цикл жизни» – ответы встречались по четыре раза, наиболее частотными ответами являются «бесконечность» и «быстротечность», каждое из которых встречалось в исследовании по три раза. Лексемы «будильник» и «нехватка» встречались у опрашиваемых дважды. Из единичных отве-

тов также можно выявить направленность, отражающую комплексную языковую картину концепта «Время».

Вторая группа опрашиваемых сформировалась из числа людей, которые изучают естественные науки или же работают в этом направлении научного знания. Для иллюстрации полученных данных представим график, отраженный на рисунке 3.

Репрезентация концепта «Время» респондентами, реализующих себя в направлении естественных наук

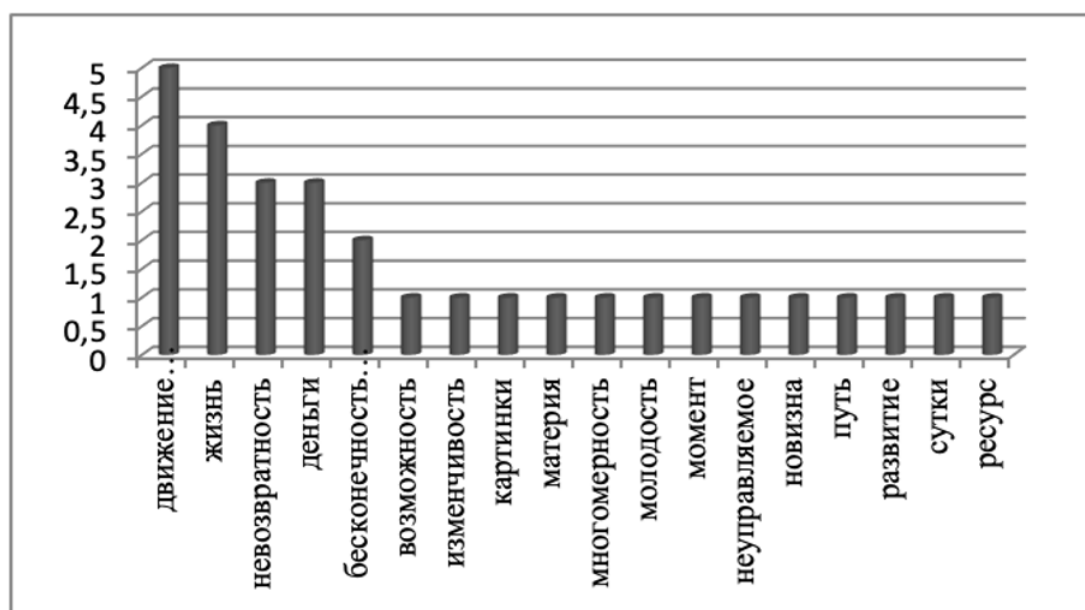

Рисунок 3

Из представленных данных можно отметить, что самым частотным ответом среди представителей естественных наук, является лексема «движение» – встречается у пяти опрашиваемых, за ним следует ответ «жизнь» – четыре ответа, далее по три ответа «невозвратность» и «деньги», ответ «бесконечность» встречался дважды. Единичные ответы также формируют комплексную языковую картину концепта «Время».

В общем и целом, сформировалась картина, где преобладающими являются слова, связанные с движением, длительностью, скоростью, материей, жизнью.

Третья группа респондентов сформировалась из числа опрашиваемых, которые изучают гуманитарные науки или же работают в этом

направлении научного знания. Для отражения полученных данных представим график, отраженный на рисунке 4.

Репрезентация концепта «Время респондентами, реализующих себя в направлении гуманитарных наук

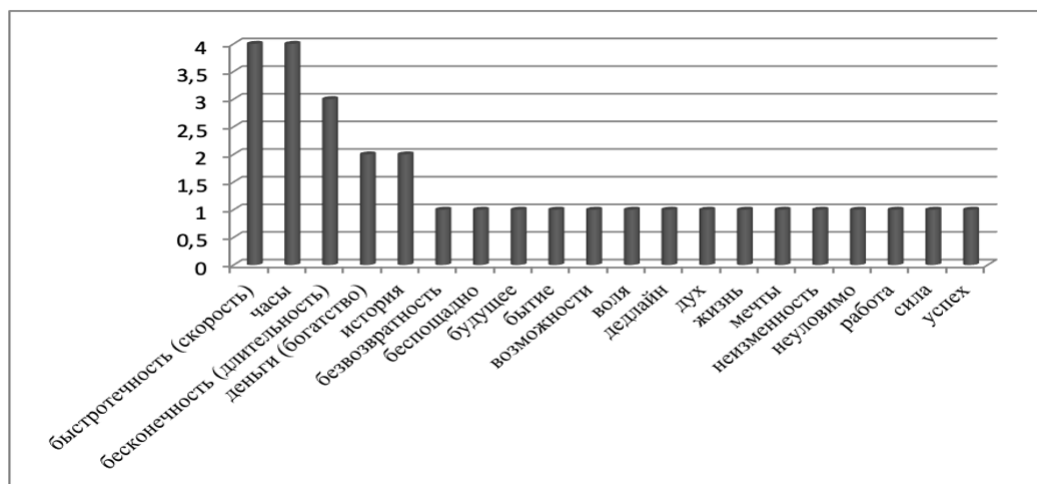

Рисунок 4

Из полученных данных можно отметить, что самым частотным ответом среди представителей гуманитарных наук, являются лексемы: «быстротечность (скорость)» – по четыре ответа, «часы» – также по четыре ответа, «бесконечность» – по три ответа, лексемы «деньги» и «история» упомянуты дважды. Единичные ответы также формируют направленность, отражающую комплексную языковую картину концепта «Время».

Как показывают результаты исследования, ассоциативные слова, представленные респондентами гуманитарного профиля тесно связаны с выражением человека во времени и можно сказать, что они отражены в экзистенциональной проекции.

Данное исследование подчеркивает доказательства выдвинутого предположения о том, что осознание концепта «Время» может быть дифференцировано с позиции людей из разных направлений научного знания. Можно сделать вывод, что, будучи читателями литературных произведений, эти три группы людей по-разному воспринимают художественное время.

Подчеркнем, что понятие времени является основным в формировании системы общей картины мира индивида, а также народа, являясь важнейшей универсалией, формирующей языковую картину мира.

Важно отметить, что «во многом благодаря существованию в языке богатых выразительных средств можно наиболее точно передать динамическую картину бытия, перемещение в историческом и художественном времени, что маловероятно в рамках строгих физико-математических категорий точных наук» [6].

Хотелось бы подчеркнуть, что гуманитарные науки содержат множество научных инструментов, которые являются фундаментом для моделирования темпоральных конструкторов.

Таким образом, была сформирована концептуальная модель времени, где из архиконцепта «Время» были выделены два основных концепта: концепт «время-вселенная» и концепт «время-человек». Далее, был проведен и описан эксперимент в виде опроса респондентов из трех различных отраслей научного знания: гуманитарные науки, точные науки и естественные науки. Изучение различия в восприятии концепта «Время» в трёх группах опрашиваемых, потенциальных читателей иностранной художественной литературы, важно для дальнейшего изучения и установления связи общего концепта «Время» и художественного концепта «Время», которые отражают аспекты коррелирующие наивную и художественную картины мира потенциальных читателей.

Список литературы:

1. Александрович, Н. В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе / Н. В. Александрович: дисс. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.20. – Краснодар, 2010. – 194 с.
2. Антошкина, Е. А. Концептуализация проблемы времени в естественных и гуманитарных науках: Автореф. дис. канд. филол. наук / Е. А. Антошкина. – Москва: 2010. – 14 с. – Текст : электронный. – Режим доступа. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kontseptualizatsiya-problemy-vremeni-v-estestvennykh-i-gumanitarnykh-naukakh> .

3. Аскольдов, С. А. Время и его преодоление / С. А. Аскольдов // Мысль. – 1922. – № 3. – С. 80-83.
4. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10-20. – ISSN 1812-3228.
5. Бузина, Е. И. Частотность темпоральных маркеров в архитектонике концептосферы романа Ш. Бронте “Jane Eyre” / Е. И. Бузина // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия “Филология”. – 2017. – №4. – С. 115-119. – ISSN 1994-3725.
6. Бузина, Е. И. Интерпретативный потенциал текстовых темпоральных моделей (на материале британских романов XIX-XXI вв.: «Jane Eyre» Ш. Бронте, «Rebecca» Д. Дюморье, «Me before you» Дж. Мойес). – 2020. – 207 с. Режим доступа: https://dekanat.bsu.edu.ru/f.php//1/disser/case/filedisser/filedisser/1638_DKN_-BuzinaEI.pdf.
7. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2013. – 320 с. – ISBN 978-5-94244-043-5.
8. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова, В.З . Демьянков и др. // Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с. – ISBN 5-89042-018-1.
9. Ласица, Л. А. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и онтологические модели / Л. А. Ласица // Дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.19 – теория языка. – Оренбург, 2008. – 227 с.
10. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: уч. пособие / В. А. Маслова. – 7-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 296 с. – ISBN 978-5-89349-748-9.
11. Огнева, Е. А. Хронемы в архитектонике когнитивной темпоральной модели текста / Е. А. Огнева // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всеросс. науч. конф. 11-12 апреля 2013 г. / Отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – Вып. XIV. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 821-826.
12. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – 2-е изд. дополн. – Москва: Эдитус, 2013 г. – 282 с. – ISBN 978-5-906162-82-3.
13. Смолина, А. Н. Модели времени и темпоральные конструкции // Философские науки и культурология, исторические науки / А. Н. Смолина. – Волгоград. – 2001. – №3. – Текст : электронный. – Режим доступа. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/smolina-modeli_vreeni.pdf
14. Чугунова, С. А. Концептуализация времени в различных культурах / С. А. Чугунова // Автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.19 – теория языка. – Тверь: ТвГУ, 2009. – 45 с.

References:

1. Aleksandrovich, N. V. Conceptosphere of a work of art in the original and translation / N. V. Aleksandrovich: diss ... cand. philol. Sciences in the specialty 10.02.20. - Krasnodar, 2010. - 194 p.
2. Antoshkina, E. A. Conceptualization of the problem of time in the natural and human sciences: Abstract of the thesis. dis. cand. philol. Sciences / E. A. Antoshkina. - Moscow: 2010. - 14 p. – Text : electronic. - Access mode. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kontseptualizatsiya-problemy-vremeni-v-estestvennykh-i-gumanitarnykh-naukakh> .
3. Askoldov, S.A. Time and its overcoming / S.A. Askoldov // Thought. - 1922. - No. 3. - S. 80-83.
4. Boldyrev, N. N. Cognitive schemes of language interpretation / N. N. Boldyrev // Questions of cognitive linguistics. - 2016. - No. 4. - S. 10-20. - ISSN 1812-3228.
5. Buzina, E. I. Frequency of temporal markers in the architectonics of the concept sphere of the novel “Jane Eyre” by Ch. Bronte / E. I. Buzina // Bulletin of the Tver State University. Series "Philology". - 2017. - No. 4. - S. 115-119. – ISSN 1994-3725.
6. Buzina, E. I. Interpretive potential of text temporal models (based on British novels of the 19th-21st centuries: "Jane Eyre" by C. Bronte, "Rebecca" by D. Du Maurier, "Me before you" by J. Moyes). - 2020. - 207 p. Access mode: https://dekanat.bsu.edu.ru/f.php//1/disser/case/filedisser/filedisser/1638_DKN_BuzinaEI.pdf .
7. Karasik, V. I. Language matrix of culture / V. I. Karasik. - Moscow: Gnosis, 2013. - 320 p. – – ISBN 978-5-94244-043-5.
8. Kubryakova, E. S. Concept / E. S. Kubryakova, V.Z. Demyankov et al. // A Brief Dictionary of Cognitive Terms. - Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1996. - 245 p. – ISBN 5-89042-018-1.
9. Lasitsa, L. A. Internal time of the text: lexico-grammatical and ontological models / L. A. Lasitsa // Dis. ... cand. philol. Sciences, specialty 10.02.19 - Theory of Language. - Orenburg, 2008. - 227 p.
10. Maslova, V. A. Introduction to cognitive linguistics: textbook. allowance / V. A. Maslova. – 7th ed. - Moscow: Flinta: Nauka, 2016. - 296 p. – ISBN 978-5-89349-748-9.
11. Ogneva, E. A. Chronems in the architectonics of the cognitive temporal model of the text / E. A. Ogneva // Cognitive linguistics: results, perspectives: materials of the All-Russian. scientific conf. April 11-12, 2013 / Rep. ed. issue L. A. Furs. - Issue. XIV. - Tambov: Ed. house of TSU im. G. R. Derzhavina, 2013. - S. 821-826.
12. Ogneva, E. A. Cognitive modeling of the concept sphere of a literary text / E. A. Ogneva. - 2nd ed. additional - Moscow: Editus, 2013 - 282 p. – ISBN 978-5-906162-82-3.

13. Smolina, A. N. Models of time and temporal constructions // Philosophical sciences and cultural studies, historical sciences / A. N. Smolina. - Volgograd. - 2001. - No. 3. – Text : electronic. - Access mode. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/smolina-modeli_vreeni.pdf .

14. Chugunova, S. A. Conceptualization of time in different cultures / S. A. Chugunova // Abstract of the thesis. dis. ... cand. philol. Sciences, specialty 10.02.19 - Theory of Language. - Tver: TVGU, 2009. - 45 p.

УДК/UDC 81-2

Лингвистические особенности американского студенческого сленга

Воевода Наталья Борисовна

старший преподаватель

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

г. Томск, Россия

e-mail: voevodanata2018@gmail.com

SPIN-код: 5370-8194

Аннотация

В данной статье рассматриваются лингвистические особенности американского студенческого сленга на основе выборки из словарей американского сленга и соответствующих Интернет-ресурсов. Разграничиваются понятия общего и специального студенческого сленга. Приводится семантическая классификация отобранных лексических единиц, прослеживаются синонимические и антонимические отношения между ними. Подробно анализируется структура сленговых слов и сленговых словосочетаний, выявляются наиболее частотные компоненты.

Ключевые слова: американский сленг, специальный студенческий сленг, общий студенческий сленг, семантика сленгизмов, структура сленгизмов, синонимический ряд.

Linguistic features of american student slang

Voyevoda Natalya Borisovna

Senior Lecturer

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

Tomsk, Russia

e-mail: voevodanata2018@gmail.com

SPIN: 5370-8194

Abstract

This article examines the linguistic features of American student slang based on the selection of American slang dictionaries and related Internet resources. The concepts of general and special student slang are distinguished. The semantic classification of the selected lexical units is given, synonymous and antonymic relations between them are traced. The structure of slang words and slang phrases is analyzed in detail; the most frequent components are identified.

Key words: American slang, special student slang, general student slang, slang semantics, slang structure, synonyms.

На сегодняшний день среди лингвистов не существует однозначного мнения в отношении феномена «сленг». Его границы весьма размыты, что затрудняет определение его положения как в системе общего языка, так и относительно других нелитературных вариантов, что обуславливает актуальность исследований в данной сфере.

Сленг включает в себя особо экспрессивные нелитературные слова, которые либо находятся в широком употреблении (общий сленг), либо используются представителями конкретных социальных групп, например, политиками (специальный сленг). Особенно популярна сленговая лексика среди молодёжи, в частности, в студенческой среде. Целью настоящей статьи является выявление лингвистических особенностей американского студенческого сленга.

Студенческий сленг традиционно считается одним из видов специального сленга. При этом, сам студенческий сленг не является однородным: в нём выделяют специальный студенческий сленг и общий студенческий сленг.

Слова американского общего студенческого сленга представлены единицами общего сленга, который употребляют члены всевозможных социальных групп, и студенты в том числе, и выражают идентичные категории, такие как одежда, внешность, взаимоотношения, развлечения и др., например, англ. *flippys* – рус. *сланцы*, англ. *benjamins* – рус. *стодолларовые купюры*.

Напротив, американский специальный студенческий сленг является сугубо индивидуальным словарём студентов, отделяющим их от людей всех остальных занятий и профессий. Он представлен словами и выражениями, связанными с учебным процессом в колледже и исключительно университетскими реалиями. Данные единицы составляют ядро студенческого сленга американцев и позволяют говорить о существовании американского студенческого сленга как такового.

Методом сплошной выборки из словарей американского сленга и тематических Интернет-ресурсов [5-6] было отобрано 240 слов и словосочетаний, относящихся к специальному студенческому сленгу.

Проанализированные в ходе исследования лексические единицы можно отнести к следующим семантическим группам:

1. Сленгизмы, отражающие ход учебного процесса в колледже.

Они составили 34% от общего числа отобранных сленговых слов и словосочетаний, к примеру: англ. *to rock (an exam)* – рус. *сдать на «отлично» (экзамен)*, англ. *to pull an all-nighter* – рус. *зубрить всю ночь (перед экзаменом)*.

2. Сленгизмы, характеризующие занятия, тесты, экзамены и учебные университетские курсы в разных аспектах.

К данной группе относятся 17% отобранных сленговых слов и словосочетаний, например, англ. *GPA killer* – рус. *сложный тест или курс*, англ. *underwater basket weaving* – рус. *лёгкий и бесполезный курс*.

3. Сленгизмы, описывающие жизнь американских студенческих землячеств.

Данные сленгизмы включают 15% отобранных сленговых слов и словосочетаний, например, англ. *rushee* – рус. *студент, желающий присоединиться к студенческому землячеству*, англ. *mixer* – рус. *закрытая вечеринка (между членами одного женского и одного мужского землячества)*.

4. Сленгизмы, называющие студентов.

К данной группе относятся 13% отобранных сленговых слов и словосочетаний, например, англ. *fab fresh* – рус. *потрясающий и вы-*

сокомотивированный первокурсник, англ. *chundergrad* – рус. *студент-тусовщик (который скоро окончит университет)*.

5. Сленгизмы, называющие учебные университетские курсы.

Они составили 9% от общего числа отобранных сленговых слов и словосочетаний, к примеру: англ. *Poll* (сокращ. от *Political Science*) – рус. *курс политологии*, англ. *O-chem* (сокращ. от *Organic Chemistry*) – рус. *курс органической химии*.

6. Сленгизмы, относящиеся к университетскому городку, студенческим общежитиям и другим учреждениям при колледже.

В данную группу входят 7% от общего числа отобранных сленговых слов и словосочетаний, к примеру: англ. *libes* – рус. *библиотека*, англ. *to live in a birdcage* – рус. *жить в студенческом общежитии* [6].

7. Сленгизмы, не вошедшие в перечисленные группы.

Они составили 5% от общего числа отобранных сленговых слов и словосочетаний, например, англ. *freshman 15* – рус. *15 фунтов* (которые набирает первокурсник за первый год обучения из-за неправильного питания).

Также в результате анализа смыслового содержания отобранных 240 специальных студенческих сленгизмов были составлены синонимические ряды со значениями «лёгкий курс», «сложный курс», «упорно учиться», «отлично ответить на экзамене», «плохо ответить на экзамене», «прогулять занятие», «первокурсник», «очень умный студент», «член мужского студенческого землячества», «женское общежитие».

Например, одним из самых больших из приведённых выше синонимических рядов оказался синонимический ряд со значением «лёгкий курс», включающий в себя следующие единицы: *butter*, *slide*, *easy A*, *gravy*, *bird class*, *breeze*, *cakewalk*, *snap*, *no-brainer*, *gut class*, *fluff course*, *underwater fire prevention*, *cheese class*, *pipe*, *Mickey Mouse course*, *netflixer* и др. [3]

Помимо синонимических связей, между некоторыми студенческими сленгизмами существуют и антонимические отношения, к примеру: англ. *big sis* (рус. старший член женского студенческого землячества) и

little sis (рус. младший член женского студенческого землячества), англ. *fruit* (рус. добрый преподаватель) и англ. *heathen* (рус. строгий преподаватель) [4].

С точки зрения структуры специальные студенческие сленгизмы могут представлять собой как одно, так и несколько слов. Сленгизмы-слова составили больше половины сделанной выборки (61%). 71% единиц от данного числа оказались существительными, остальные 29% – глаголами. Сленгизмы-существительные, в свою очередь, могут быть:

1. простыми, например, англ. *stars* – рус. *курс астрономии*.
2. производными, например, англ. *cramin**n**ation* – рус. *зубрёжка*.

Особо продуктивными аффиксами в данном случае оказались суффиксы –er (*fresh**e**r*, *kill**e**r*, *netflix**e**r*, *mix**e**r*, *wind**e**rs*, *sleep**e**r*) и –ie / –ee (*town**i**e*, *agg**i**e*, *fresh**i**e*, *rus**h**ee*).

3. сложными, например, *racetrack* от существительных *race* и *track* – рус. *собрание студентов* (для подготовки шпаргалок).

В составе сложного сленгизма-существительного, чаще всего, происходит соединение либо двух существительных (как в приведённом примере), либо прилагательного и существительного, например, англ. *biochem* от прилагательного *biological* и существительного *chemistry* – рус. *курс биологической химии*.

Наряду с аффиксацией и словосложением, весьма распространённым способом образования сленговых слов, относящихся к студенческой среде, является метафоризация – более 60% отобранных сленгизмов-слов являются результатом переосмысления слов литературного языка [2].

В меньшем объёме представлены сленгизмы-слова, образованные иными способами, например, посредством конверсии, к примеру: англ. *a grind* (сущ.) (рус. *студент-заучка*) – *to grind* (гл.) (рус. *усердно зубрить*); посредством усечения основы слова, к примеру: англ. *prof* (сокращ. от *professor*) – рус. *профессор*; посредством антономазии, к примеру, вместо выражения «член студенческого землячества» можно употребить слово *Greek*, и др.

Сленгизмы-словосочетания, в свою очередь, составили 39% сделанной выборки. Данные словосочетания бывают двух видов:

1) глагольные, например, англ. *to give the ax* – рус. *исключить кого-либо из университета*.

Наиболее частотными глаголами при образовании настоящего вида словосочетаний являются глаголы *to get (to get the ax, to get senioritis, to get a full-ride), to be (to be caught red-handed, to be ploughed), to go (to go on general principles, to go hard core)*.

2) субстантивные, например, англ. *quack shack* – рус. *медпункт (при колледже)*.

Чаще всего они включают два или три элемента. Рассмотрим наиболее распространённые морфологические модели субстантивных сленговых словосочетаний:

а) существительное и существительное, например, англ. *college widow* – рус. «студентка-вдовушка» (встречающаяся со студентами нескольких поколений, на которой никто не хочет жениться).

б) прилагательное и существительное, например, англ. *bloody paper* – рус. «кровавая» работа (с большим количеством исправлений).

с) неличная форма глагола (чаще всего, причастие I) и существительное, например, англ. *reading day* – рус. *день, выделенный для зубрёжки*.

Необходимо отметить, что в данных сленговых словосочетаниях с прилагательными и причастиями главным элементом является существительное, а в морфологической модели «существительное + существительное» функцию стержневого компонента выполняет второе существительное.

Наиболее частотными элементами, входящими в состав субстантивных сленгизмов-словосочетаний, оказались существительные *class, course, fresh* и *week*, например, *dead week, add week, drop week, Greek week, rush week* [5].

Таким образом, в семантическом плане проанализированные специальные студенческие сленгизмы могут выражать как схожие, так и

противоположные понятия. Большинство из них – это лексические единицы, отражающие ход учебного процесса в колледже (34%). В структурном отношении большая часть специальных студенческих сленгизмов представлена словами-существительными, простыми, производными или сложными по своему составу. Наиболее распространённые морфологические модели сленговых словосочетаний представлены существительным в качестве стержневого слова и прилагательного, причастия или другого существительного в качестве зависимого слова.

Исходя из этого, можно сказать, что слова и выражения американского студенческого сленга всесторонне описывают жизнь студентов университетов в США. Им свойственны весёлость, выразительность, ироничность и недолговечность, последним обеспечивается быстрое обновление американского студенческого словаря. Следует отметить неоднородную структуру американского студенческого сленга: помимо специального студенческого сленга, являющегося его стержнем, в него также входит общий студенческий сленг, то есть единицы общего сленга. Ввиду их наличия нельзя рассматривать студенческий сленг исключительно как вид специального сленга, но как неразрывную совокупность единиц и специального, и общего сленга [1].

Список литературы:

1. Мозжухин, К. Е. Сленг в речи студентов американских университетов (на примере анализа газеты "The Koala Калифорнийский университет в Сан-Диего): дис. ... канд. филол. наук. Москва. 2005. 194 с.
2. Мужикова, О. Н. Метафора и метонимия в сленге английского языка на примере лексемы BLUE // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11. С. 354-356.
3. Drucker, J. What's Up? A guide to American College Speak. Slang Idioms for TOEFL Students. Lawrenceville: Peterson's, 2003. 183 p.
4. Eble, C. Slang Sociability. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996. 228 p.
5. A College Slang Cheat Sheet. URL : <http://blog.dictionary.com/college-slang/> (дата обращения: 18.07.22).

6. American College Slang. URL : <https://shorelight.com/student-stories/a-guide-to-american-college-slang-words-in-2022/> (дата обращения: 26.07.22).

References:

1. Mozzhukhin, K. E. Slang in the speech of students of American universities (on the example of the analysis of the newspaper "The Koala University of California at San Diego): dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow. 2005. 194 p.

2. Muzhikova, O. N. Metaphor and metonymy in the slang of the English language on the example of the lexeme BLUE // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. No. 11. pp. 354-356.

3. Drucker, J. What's Up? A guide to American College Speak. Slang Idioms for TOEFL Students. Lawrenceville: Peterson's, 2003. 183 p.

4. Eble, C. Slang Sociability. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996. 228 p.

5. A College Slang Cheat Sheet. URL : <http://blog.dictionary.com/college-slang/> (дата обращения: 18.07.22).

6. American College Slang. URL : <https://shorelight.com/student-stories/a-guide-to-american-college-slang-words-in-2022> (access date: July 26, 2022)

УДК/UDC 811.111

Язык как основа самоидентификации личности в англоязычном обществе

Донскова Людмила Александровна

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет

г. Краснодар, Россия

e-mail: donl67@mail.ru

Science index: 7229-3122

Аннотация

Цель данной статьи – рассмотреть проблему самоидентификации личности через речь, акцентируя внимание на этнокультурных особенностях, присущих англоязычному обществу. Автором выявлены когнитивно-коммуникативные особенности, присущие именно англосаксам. Прослеживается взаимосвязь между специфическими для англичан поведенческими особенностями и менталитетом, и отражением этих особенностей в их речи. Самоидентификация языковой личности наглядно выражается в англосаксонском обществе, что выражается и на уровне выбора грамматических конструкций, и на семантическом уровне, и в лексике.

Ключевые слова: языковая личность; речевая культура, английский язык.

Language as the basis of personal self-identification in english-speaking society

Donskova Lyudmila Alexandrovna

Senior lecturer of the department of foreign languages

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: donl67@mail.ru

SCIENCE INDEX: 7229-3122

Abstract

The purpose of this article is to consider the problem of self-identification of a person through speech, focusing on the ethnocultural features inherent in the English-speaking society. The author has identified cognitive and communicative features inherent in the Anglo-Saxons. The relationship between the behavioral features and mentality specific to the British, and the reflection of these features in their speech, is traced. The self-identification of a linguistic personality is clearly expressed in Anglo-Saxon society, which is expressed both at the level of choice of grammatical constructions, and at the semantic level, and in vocabulary.

Key words: linguistic personality; speech culture, English.

Актуальность всестороннего изучения проблемы языковой личности обусловлена тем, что самоидентификация человека четко взаимосвязана с понятием языковой личности. Изучение английского языка затруднительно без глубокого осмысления взаимосвязи, существующей между национальным менталитетом и поведенческими стереотипами, с одной стороны, и отражающими эти особенности речевыми решениями носителей английского языка, с другой стороны.

Исследователи данной проблемы структурируют проявление языковой личности по трем основным уровням, на которых их следует рассматривать [1, с. 211]:

- вербально-семантический уровень ЯЛ определяется нормальным владением определенным естественным языком (то есть достаточно традиционных средств для выражения ключевых понятий); на данном уровне в качестве единиц выступают слова и простые предложения, словосочетания;
- когнитивный уровень ЯЛ определяется индивидуальной картиной мира человека, его уникальными ценностными и смысловыми установками в восприятии; при этом изучению подлежит именно вариативная (особенная) часть восприятия человека, поскольку в любом социуме на личные установки будут

также неизбежно влиять национальные и семейные традиции, идеология общества и пр.;

- мотивационный уровень ЯЛ определяется теми целями, которые стимулируют развитие речевого поведения человека, продвигают его к созданию текстов, а «началом же мотивации является потребность, считающаяся зачастую решающим фактором реакции и поведения человека» [2].

Действительно, вербально-семантический уровень обращается непосредственно к анализу значений используемых слов и словосочетаний; когнитивный уровень анализирует концепты. В данном ракурсе мотивационный уровень следует признать высшим, так как благодаря ему можно выявить цель и намерения языковой личности – для чего он выбирает именно эти слова, какую мысль намеревается передать своей речью.

В англоязычном обществе существует деление на носителей «элитного языка» и «слабого языка». Основными речевыми параметрами, которые определяют данное различие, являются тембр голоса и четкость дикции, интонационные особенности и паузация, грамотное произношение. Кроме того, с точки зрения определения языковой личности большое значение имеют также способность человека выбрать правильные лексические и фразеологические решения, подобрать соответствующие семантико-грамматические показатели, и общая степень владения речевыми компетенциями, позволяющая демонстрировать определенную степень владения языком.

Исследователи проблемы языковой самоидентификации личности подчеркивают, что некоторые параметры языка следует отнести к специфичным для определенной национальности (то есть к лингвокультурным) [3, с. 194]:

- грамматические стереотипы, присущие речевому поведению англоязычного человека, когда из всего диапазона сложившейся языковой системы человек выбирает одно конкретное грамматическое средство для того, чтобы выразить нужный ему грам-

матический смысл – в каждом конкретном национальном языке отражается специфика семантических форм восприятия носителей этого языка;

- лексические модели, присущие конкретному языку – например, в словаре и грамматике английского языка имеются тесные взаимосвязи между каузацией и волей, в то время как в русском языке (в словаре и грамматике) подобные связи отсутствуют;
- культурная семантика определенного языка – присущие ему значения отдельных языковых единиц, которые из поколения в поколение передают особенности природы, социального устройства и истории, фольклора и национального искусства, образа жизни и пр. Согласимся с высказыванием Аракелян Н.С. о том, что «вхождение в чужую культуру должно начинаться с овладения языком, его богатейшими формами» [4];
- манера произнесения речи также имеет огромное значение для англоязычного общества и определяет уровень речевой культуры и личностной самоидентификации конкретного человека.

С точки зрения коммуникативно-когнитивных черт, которые присущи англоговорящей языковой личности, наиболее узнаваемой является всячески поощряемая и одобряемая обществом способность гибко приспосабливаться к меняющейся ситуации. Подтверждение тому можно найти, например, в английском фольклоре: народная пословица «It's a silly fish that is caught twice with the same bait; it's a poor mouse that has only one hole» (Глупая рыба попадает дважды на одну наживку, бедная мышь знает только один ход) отражает уважительное отношение англичан к человеку, способному отступить от однажды выбранного способа действий и найти новые выигрышные варианты.

Еще одна характерная для англоязычного общества когнитивно-коммуникативная черта – это стремление к самоуважению, которое расценивается как залог уважения со стороны окружающих. Это также отражается в народных поговорках, например, «Respect yourself, or no one will respect you» (Уважай себя, или никто не будет уважать тебя).

Если говорить о языковых проявлениях национальной самоидентификации личности, то можно привести пример формулирования просьбы в английском языке. Для английского языка наиболее приемлемая форма просьбы – это косвенная просьба, которая выражена вопросом; это отражает культурную особенность англоязычного общества (собеседнику неловко не выполнить просьбу).

Таким образом, понятие «языковая личность» выводится в междисциплинарную область, объединяющую философские, психологические и социологические подходы на то сочетание в человеке физических и духовных свойств, которые определяют качественные характеристики его как личности. С этой точки зрения языковую самоидентификацию личности можно рассматривать как совокупность следующих компонентов [5, с. 123]:

- 1) Речевая личность – как способность носителя языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с присущими ему психофизическими индивидуальными особенностями, как способность создавать собственные речевые произведения и воспринимать созданные другими людьми речевые произведения.
- 2) Коммуникативная личность – как комплекс специфических характеристик вербального поведения человека, который использует язык для осуществления коммуникации.
- 3) Этносемантическая личность – закрепленный в речи носителя какого-либо языка фундаментальный национально-культурный прототип, некий «семантический отпечаток» заложенного в привычном коммуникативном пространстве речевых приоритетов, привычек и поведения.

Речь каждого человека будет неизбежно отражать его собственные представления о внешнем мире и передавать особенности его внутреннего мира – в этом и состоит самоидентификация личности. Поэтому ЯЛ фиксирует непосредственную связь языка и персонального мировоззрения каждой личности, проявляясь через общение с другими людьми.

Таким образом, с точки зрения теоретических подходов к понятию языковой личности следует учитывать два значения: сам носитель языка, а также характеристика языковой способности конкретного человека описывать посредством речи свои мысли. В антропоцентрической лингвистике данный термин определяется как способность человека совершать самостоятельный речевой выбор. Приходим к выводу, что с точки зрения науки вполне обоснованным будет изучение речевых моделей, характерных для англоязычного сообщества, поскольку существует прямая взаимосвязь между национальным менталитетом, англосаксонским историческим и культурным контекстом, с одной стороны – и со специфическими речевыми особенностями, присущими носителям английского языка, с другой стороны. Также рассмотрев уровни проявления языковой личности, приходим к выводу, что самоидентификацию личности с точки зрения языка следует изучать на трех основных уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и наиболее значимом – мотивационном. Только при комплексном их рассмотрении возникает возможность составления целостного представления о языковой личности.

Подытоживая сказанное, мы видим, что английский язык действительно является основой для самоидентификации личности, отражая и культурный, и эмоциональный, и социальный аспект, присущий англоговорящему сообществу. Перспективы дальнейшего рассмотрения проблемы состоят в необходимости изучения трансформации языковой личности применительно к англоговорящему обществу под влиянием современных условий.

Список литературы:

1. Седых А. П., Квитко М. С. Языковая личность в науке // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. – 2021. – № 3. – С. 209-217.
2. Зайцева А.Э. Коммуникативная компетентность как фактор развития личности обучающихся. В сборнике: Язык. Образование. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за выпуск А.С. Усенко. Краснодар, 2019. С. 53-58.

3. Григорян А. Р. Лингвокультурные характеристики современного англоязычного общества // Вестник Адыгейского гос. университета. – 2020. – № 4 (49). – С. 191-198.

4. Аракелян Н. С. Язык как феномен обеспечения социальной коммуникации в полиэтническом пространстве. В сборнике: Язык как зеркало культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; ФГОУ ВО Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. Краснодар, 2021. С. 21-25.

5. Оборина М.В. Об инструментальности понятия языковой личности // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). – С. 119-125.

References:

1. Sedykh A. P., Kvitko M. S. Linguistic personality in science // Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov. - 2021. – No. 3. – pp. 209-217.

2. Zaitseva A. E. Communicative competence as a factor of personality development of students. In the proceedings: Language. Education. Culture. Proceedings based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Chief of the release A.S. Usenko. Krasnodar, 2019. Pp. 53-58.

3. Grigoryan A. R. Linguistic and cultural characteristics of modern English-speaking society // Bulletin of the Adygea State University. 2020. No. 4 (49). Pp. 191-198.

4. Arakelyan N. S. Language as a phenomenon of ensuring social communication in a multiethnic space. In the proceedings: Language as a mirror of culture. Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference. Ministry of Agriculture of the Russian Federation; Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin. Krasnodar, 2021. Pp. 21-25.

5. Oborina M. V. On the instrumentality of the concept of linguistic personality // Questions of psycholinguistics. – 2019. No. 3 (41). Pp. 119-125.

УДК/UDC 811.161.1'3373.2:378.09-057.875-054.6:8

Использование ономастического материала в подготовке иностранных студентов-филологов

Евдокимова Ольга Константиновна

кандидат филологических наук, доцент

Чувашский госуниверситет, кафедра русского языка и литературы

г. Чебоксары, Россия

e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

SPIN-код: 2370-3340

Романова Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

Чувашский госуниверситет, кафедра русского языка и литературы

г. Чебоксары, Россия

e-mail: romanovatn1@mail.ru

SPIN-код: 9623-1224

Аннотация

Статья посвящена проблеме повышения эффективности овладения студентами-иностранцами, обучающимися по специальности «Отечественная филология», русским языком и русской литературой за счёт привлечения ономастического материала. В связи с поставленной проблемой в работе проводится анализ роли имён собственных разных разрядов и групп как «методически показательной группы слов», выявляются особенности их использования в устной и письменной речи на всех этапах освоения русского языка и русской литературы для повышения мотивации иностранных студентов к углублённому и успешному изучению языка специальности. Помимо теоретической и методической разработки языкового и литературного материала в статье предлагаются примеры заданий разного уровня сложности, направленных на закрепление усвоенных иностранными студентами знаний по ономастике, комментируются возможные варианты правильных ответов. В заключении статьи сделаны выводы о роли имён собственных как наиболее презентативной группе слов в обучении иностранных студентов русской литературе и русскому языку как языку специальности.

Ключевые слова: русская филология, иностранные студенты, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, ономастика, имя собственное.

The use of onomastic material in the training of foreign students in philology

Evdokimova Olga Konstantinovna

Candidate of Philology, Associate Professor

Chuvash State University, Department of Russian Language and Literature

Cheboksary, Russia

e-mail: evdokimova.ok@mail.ru

SPIN-код: 2370-3340

Romanova Tatyana Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor

Chuvash State University, Department of Russian Language and Literature

Cheboksary, Russia

e-mail: romanovatn1@mail.ru

SPIN-код: 9623-1224

Abstract

The article is devoted to the problem of improving the effectiveness of mastering foreign students studying in the specialty “Russian philology”, Russian language and Russian literature due to the attraction of onomastic material. In connection with the problem posed in the work, an analysis of the role of the names of the own different categories and groups as a “methodically indicative group of words” is carried out, the features of their use in oral and written speech at all stages of the development of the Russian language and Russian literature are revealed to increase the motivation of foreign students to in -depth and the in -depth and Successful study of the language of the specialty. In addition to the theoretical and methodological development of linguistic and literary material, the article proposes examples of tasks of different levels of complexity aimed at consolidating the knowledge assimilated by foreign students on onomastics, and possible options for the correct answers are commented. In the conclusion of the article, conclusions were drawn about the role of their own names as the most presentable group of words in teaching foreign students Russian literature and the Russian language as a language of specialty.

Key words: Russian philology, foreign students, cultural linguistics, intercultural communication, onomastics, proper name.

Работа с иностранными студентами имеет свои особенности, обусловленные необходимостью подготовки грамотных специалистов, что напрямую связано с овладением языка специальности. В современной методической литературе широко представлены исследования, посвященные изучению принципов, методов и способов преподавания русского языка иностранным студентам гуманитарных специальностей. Так, в целом ряде работ анализируются трудности, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы в процессе обучения, и намечаются пути их преодоления [1; 2; 3]. Особая зона ответственности возникает тогда, когда речь идёт о профессиональных знаниях по русской филологии, поскольку в этом случае востребованность русского языка возрастает вдвойне. Перед студентами-иностранцами, поступающими на факультеты русской филологии в нашей стране, в первую очередь встает задача овладения коммуникативными и лингвистическими компетенциями, обеспечивающими не только языковую адаптацию в стране обучения, но и владение языком как средством получения профессиональных знаний и как специальностью. Как показывает опыт работы со студентами-иностранцами на факультете русской филологии, сложности, прежде всего, появляются на стыке «язык обучения – специальность» [4].

Цель данной статьи – привлечь внимание к проблеме подготовки иностранных студентов именно по русской филологии и предложить свои пути решения возникающих трудностей, опираясь на собственный практический и методический опыт работы со студентами-иностранцами по направлению «Филология».

Актуальность проблемы обуславливается её практической составляющей, поскольку интерес к русскому языку и его преподаванию в странах ближнего и дальнего зарубежья, несмотря на быстро меняющуюся политическую обстановку в мире, остаётся неизменным: диалог с Россией в мировом сообществе вряд ли когда-нибудь утратит свою значимость.

Научная новизна данной работы состоит в подходе к проблеме и привлечении нового фактического материала: усиление качественной подготовки студентов-иностранцев по русской филологии в результа-

те обращения к различным разрядам имён собственных позволит существенно конкретизировать представления иностранных студентов о стране изучаемого языка.

Материалы и методы, использованные в данной статье, обусловлены необходимостью анализа особенностей усвоения современного русского языка и литературы студентами-иностранцами на факультетах русской филологии. Наблюдение и последующий анализ с применением межпредметных связей позволит рассмотреть систему подготовки студентов-иностранцев в виде единого комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Принципы синергетического подхода использованы для исследования причин и побудительных мотивов, способствующих профессиональному росту иностранных студентов.

Как известно, освоение основ будущей специальности начинается для студентов уже на первом курсе, где закладываются направления работы по разным дисциплинам, устанавливаются междисциплинарные связи. Для иностранных студентов трудности возникают, по сути, с первого дня обучения, поскольку языковой барьер и барьер коммуникативный – существенная преграда [5]. В этой связи большую роль в подготовке иностранных студентов-филологов играет знакомство с именами собственными, являющимися значительной частью лексического состава русского языка и представляющими собою «наиболее интересные и методически показательные группы слов с национально-культурным компонентом значения» [6]. Однако обращение к ономастической лексике в процессе подготовки студентов-филологов рассматривается в основном на материале основных разрядов имён собственных антропонимов или топонимов, способствующих «расширению ономастического компонента в структуре языковой личности студента» [7; 8; 9]. Между тем имена собственные используются во всех областях человеческой жизнедеятельности, поэтому изучение широкого спектра онимов способствует не только формированию у студентов, будущих преподавателей русского языка, определённых знаний о языке, но и повышению мотивации к углублению знаний о культуре и лингвокультуре страны изучаемого языка. Как

известно, именно мотивация является, прежде всего, залогом успешного освоения будущей профессии, независимо от направления обучения [10].

Знакомство со страной изучаемого языка нередко начинается со знакомства с её людьми. В этой связи фамилия, имя, отчество становятся своеобразной «визитной карточкой» не только отдельного человека, но и целого мира иной для иностранца жизни («свой» – «чужой») [11]. Здесь важно всё: и значение имени, и его варианты, и устное бытование, и письменное оформление. Во все времена и у всех народов имя было сакральным. Так, нередко своё подлинное имя человек старательно скрывал, потому что с именем связывалось представление о собственной судьбе, особенно о её будущем.

Подобное понимание находит отражение в отечественной литературе, где имя героя или его фамилия, как правило, соответствуют его характеру, выражая авторское отношение к персонажу и в то же время являясь элементом ментальных представлений нации. Вспомним, например, главного героя комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) – *Александра Андреевича Чацкого*, который в финале покидает дом Фамусова, где он так и не нашёл единомышленников. Формально Чацкий побеждён «веком минувшим», но он до последнего момента, несмотря на все злоключения, настойчиво отстаивал свои взгляды. В этой связи невольно возникает вопрос: случайно ли автор назвал своего героя Александром? В переводе с греческого имя *Александр* означает «защитник людей». Именно защитником «молодых людей», как называет их А. С. Грибоедов в комедии, своих единомышленников, и своих взглядов на протяжении всего сюжета выступает Чацкий. Как видим, значение имени полностью соответствует основной функции данного персонажа, что понимали, прежде всего, современники драматурга и что чутко уловил И. А. Гончаров, блестяще проанализировав комедию в статье «Миллион терзаний» (1872).

Не менее интересно и другое имя в этом же произведении – *Софья*. Так зовут дочь Павла Афанасьевича Фамусова, ради которой Чацкий после долгих странствий возвращается в этот дом. Как известно, А. С.

Пушкин о героине Грибоедова сказал, что она «начертана не ясно». Действительно, Софью нельзя отнести ни к единомышленникам Чацкого, ни к фамусовскому обществу, а именно «век нынешний» и «век минувший» противопоставлены в комедии. Какова функция этого персонажа, можно ли ограничить роль Софьи только её местом в любовном треугольнике? И здесь на помощь, для создания полноты картины, приходит имя героини А. С. Грибоедова, которое в переводе с греческого означает «мудрость». В чём мудрость Софьи: в том, что она распустила сплетню о сумасшествии Чацкого, или в том, что в отличие от своего отца она не боится общественного мнения? Софья действительно «начертана не ясно». Тем не менее, в финале пьесы мы видим Софью разоблачающей Молчалина, не страшась, в отличие от своего отца, никого и ничего. Софья «мудра», что и выявляется в её финальных поступках, когда автор совершенно очевидно позиционирует свою героиню вне фамусовского общества.

Особый интерес представляют фамилии литературных героев, неслучайно литературоведение в анализе художественных произведений оперирует таким приёмом, как «говорящие фамилии»: *Ляпкин-Тяпкин*, *Хлопов* («Ревизор» Н. В. Гоголя); *Онегин*, *Ленский* («Евгений Онегин» А. С. Пушкина); *Печорин* («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова); *Обломов* («Обломов» И. А. Гончарова); *Раскольников* («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского). И этот ряд литературных фамилий можно было бы продолжить, не ограничиваясь произведениями XIX века.

Таким образом, знание русских имён и их значений, безусловно, поможет иностранному студенту в изучении русской литературы, позволит понять авторскую позицию и глубокий нравственный смысл художественных произведений отечественной словесности. Однако ещё важнее то, что освоение литературных имён и фамилий поможет студенту-иностранцу узнать шире страну изучаемого языка, попытаться углубить своё представление о менталитете русского человека благодаря этнокультурной информации, содержащейся в семантике имени. Неслучайно одна

из номинаций «Пушкинского диктанта – 2022» – «Что в имени тебе моём. . .» – стала одной из самых востребованных как составителями заданий этой Международной просветительской акции, так и её участниками [12].

Таким образом, обращение к антропонимам как средству освоения языка специальности студентами-иностранцами с разных позиций представляет несомненный методический, практический и теоретический интерес. Прежде всего, обратим внимание на содержательную составляющую антропонимов. Так, помимо основной информации, заключающейся в трехчленной формуле русского именования (фамилия, имя, отчество), антропонимы могут содержать дополнительную информацию, выполняя, кроме назывной, еще и эмоционально-экспрессивную функцию, подчёркивая отношение говорящего к тому или иному лицу с помощью суффиксов субъективной оценки (*Николка, Сашенька*), или стилистическую функцию, указывая на сферу функционирования антропонима: фамилия, полная форма личного имени и отчество в различных комбинациях употребляются при официальном обращении (*Абрамов Николай, Александр Владимирович*), гипокористическая форма личного имени (*Колян, Сашка*) или только отчество для обозначения человека старшего возраста (*Ивановна, Семёныч*) – в неформальной коммуникации при условии близкого общения.

Формированию информационной культуры иностранных студентов способствует изучение так называемых коннотативных имён собственных, которые, по мнению исследователей, «являются одной из ономастических универсалий, присущей лексике большинства языков»: Иван ‘простак, деревенщина’, Пушкин ‘кто-то другой, неизвестно кто’ и т. п. [13]. К таким онимам с обобщённым значением, в которых закреплены определенные черты, особенности внешности или характера человека, относятся имена, входящие в состав национального русского антропонимикона и выступающие как символы за счёт широкого распространения (*Иван, Марья, Иванов, Петров, Сидоров*). К ним также относятся ставшие частью российской истории имена реально существовавших лиц

(*Иван Грозный, Пётр I*), имена библейского происхождения (*Иуда*), мифонимы (*Геракл*), имена героев русского былинного эпоса (*Илья Муромец*), литературных персонажей (*Плюшкин, Обломов, Очумелов*).

Методически целесообразным представляется детализированное знакомство с прецедентными именами в процессе изучения такого раздела современного русского языка, как лексика и фразеология. Выявление во фразеологическом составе устойчивых оборотов с компонентами – именами собственными, обязательных для усвоения иностранными студентами, установление межъязыковых фразеологических параллелей, подбор соотносительных по смыслу пословиц родного языка позволит сформировать «общие мировоззренческие установки, которые могут получать национально-специфическую интерпретацию и соответствующую объективацию в каждом из языков» [14; 15].

Очень важный этап работы, связанной с освоением ономастической лексики, – изучение имён-символов: если, к примеру, зоонимы в разных языках могут совпадать в своём образном восприятии (змея – символ коварства, осёл – глупости и упрямства и т.д.), то антропонимы в большей степени позволяют «раскрыть специфическое в каждом языке» [16].

Огромный пласт ономастической лексики составляют топонимы географические названия, изучение которых поможет иностранным студентам не только познакомиться с историей, бытом и традициями, особенностями мировосприятия русского и других народов, населявших нашу страну, но и научиться устанавливать ономастические параллели за счёт выявления общих закономерностей образования различных видов топонимов. К примеру, иностранным студентам, которые обучаются по специальности «Отечественная филология» и для которых родной язык узбекский, туркменский или любой другой, относящийся к тюркской языковой группе, можно предложить исследовательскую работу, посвящённую географическим названиям тюркского происхождения, составляющим значительный пласт российского топонимикона.

Помимо употребительных разрядов онимов рекомендуем привлекать к исследованию имена собственные, составляющие периферию оно-

мастического пространства (годонимы, эргонимы, геортонимы, идеонимы, хрононимы и др.). Студенты знакомятся с новыми терминами, устанавливают их происхождение, самостоятельно подбирают примеры, выполняют систему упражнений. Так, в частности, в одной из исследовательских работ приводятся примеры заданий, связанных с изучением студентами-иностранцами такого разряда антропонимов, как псевдонимы [17].

Мы считаем, что закрепление новых знаний по ономастике предполагает, прежде всего, работу с текстами, в которых используются различные разряды онимов, до- и послетекстовыми упражнениями – теоретическими вопросами и практическими заданиями.

Приведем примеры таких заданий.

1. Прочитайте текст. Выпишите все имена собственные, установите их разряд:

«Самым популярным и любимым праздником в России можно назвать Новый год. Русские новогодние традиции берут начало в Петровскую эпоху, с 1699 года. Именно тогда Петр I распорядился праздновать в ночь на 1 января по юлианскому календарю наступление нового года. Большие народные гуляния продолжались в течение недели. Каждый вечер около Кремля звучали залпы орудий, а вместо праздничного салюта поджигали бочки со смолой, висящие на столбах. Символом является Дед Мороз – старик с густой белой бородой, у которого, в отличие от заокеанского «деда» Санта Клауса, есть помощница (внучка) Снегурочка. Современные русские новогодние традиции включают посещение резиденции Деда Мороза в городе Великий Устюг.

Новый год в России принято праздновать дома, в кругу семьи или с близкими друзьями. По традиции за новогодний стол садятся заранее, за 23 часа до полуночи. Нарядные гости и хозяева «проводжают» старый год, смотрят фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!», ждут традиционного поздравления президента и боя курантов». (По материалам Интернета)

Возможный вариант ответа: *Россия, Великий Устюг* – топонимы; *Новый год* – геортоним; *Петровская эпоха* – хрононим; *Дед Мороз, Снегурочка, Санта Клаус* – антропонимы; «*Ирония судьбы, или С легким паром!*» – идеоним.

2. Как образованы термины, называющие разряды онимов, встречающихся в тексте (например, геортоним (от греч. праздник) – название праздника, памятной даты)?

3. Приведите примеры установленных разрядов онимов (например, геортоним *День Победы*; топоним *Нижний Новгород*; идеоним «*Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика*»).

4. Найдите в тексте «говорящие» имена собственные (например, *Дед Мороз, Снегурочка, Новый год, Петровская эпоха*).

5. Назовите известные вам литературные произведения, в которых используются имена собственные из данного текста (например, роман А. С. Пушкина «Арап Петра Великого», поэма А. С. Пушкина «Медный всадник», поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос», пьеса А. Н. Островского «Снегурочка»).

6. Разграничьте значение слов Снегурочка и снегурочка. Приведите свои примеры (*Снегурочка* сказочный персонаж; человек, одетый как этот персонаж; *снегурочка* игрушка, фигура из снега; город *Орёл* – птица орёл).

7. Установите разряды онимов:

1) Мы посмотрели пьесу «*Снегурочка*». 2) Белокожую и светловолосую Машу все называли *Снегурочкой*. 3) В нашем городе открыли кафе «*Снегурочка*», фирменный десерт тоже называется «*Снегурочкой*». 4) Дед и баба слепили из снега дочку *Снегурочку*.

Ответ: 1 – библионим; 2 – прозвище (вид антропонима); 3 – эргоним (название делового объединения людей; прагматоним – имя собственное, связанное с практической деятельностью людей; 4 – поэтоним (литературный антропоним) – имя персонажа художественного произведения.

8. Приведите свои примеры «говорящих фамилий» героев пьес А.Н. Островского (например, *Дикой* из драмы «Гроза»; *Незнамов* из мелодра-

мы «Без вины виноватые»; *Самсон Силыч Большой* из комедии «Свои люди – сочтёмся!»).

9. В каком(-их) ряду(ах) есть лишние слова:

1) Чебоксары, Самара, Волга, Казань; 2) Горький, Тургенев, Достоевский, Пушкин; 3) «Тихий Дон», «Война и мир», «Мастер и Маргарита»; 4) Пасха, Рождество, Курбан-байрам; 5) Водяной, Русалка, Леший, Кикимора?

Ответ: 1 – гидроним *Волга*; 2 – псевдоним *Горький*.

10. Приведите антропонимические межъязыковые параллели к имени Клаус (например, англ. Nickolas (Николас), белор. Мікалай (Микалай), болг. Никола, венг. Miklos (Миклош), исп. Nicolas (Николас), итал. Nicolo (Николо), пол. Mikołaj (Миколай), рус. Николай, укр. Микола (Мыкола), франц. Nicolas (Николя), швед. Niklas (Никлас) и др.).

Проведённый анализ ответов заданий базового уровня (задания 1 – 4) и заданий повышенной сложности (5 – 10) позволил выявить необходимость привлечения ономастического материала, а также изменения его объема в зависимости от поставленных задач на всех этапах изучения русского языка и литературы студентами-иностранцами с учётом специфики в подаче материала (установление этимологии онимов, проведение сопоставительного анализа, обязательный учёт контекста, самостоятельная работа, исследовательская работа). Разработка системы методических приёмов и практических заданий по ономастике для овладения русским языком иностранными студентами, обучающимися по специальности «Отечественная филология», сделает обучение интересным, мотивированным и результативным, что в итоге позволит упрочить профессиональную компетентность студента и сформировать навыки профессионального общения, необходимые дипломированному специалисту для исполнения своих профессиональных обязанностей.

Список литературы:

1. Анисимова И. Н., Никитина А. Ю., Петрова О. А. Обучение русскому и иностранным языкам // Актуальные вопросы интернализации высшего образова-

ния: опыт и перспективы. материалы XIII Междунар. учебно-метод. конференции, посвящённой 30-летию международной образовательной деятельности Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2021. С. 276–280.

2. Бакина И. Н. Лингвострановедческий комментарий текста в иноязычной аудитории // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры: сб. ст. регион. научн. конф. Чебоксары, 2020. С. 17–22.

3. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900135>.

4. Евдокимова О. К., Романова Т. Н., Фёдорова Н. А. Особенности дистанционного обучения иностранных студентов-филологов // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Междунар. учебно-метод. онлайн-конф. Чебоксары, 2020. С. 96–101. С. 99.

5. Бахтина С. И. Развитие коммуникативной компетенции студентов-инофонов в процессе комплексного подхода к обучению // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Междунар. учебно-метод. конф. Чебоксары, 2019. С. 78–82. С. 82.

6. Ушакова Н. И. Русская ономастика в курсе лингвострановедения для иностранных студентов-филологов // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: мат. III Междунар. конф. М.: Изд-во Высш. шк. перевода МГУ, 2013. С. 291–299. С. 294.

7. Жданова Е. С. Ономастический компонент в структуре языковой личности студента-билингва // Научные записки. №16. Нальчик, 2019. С. 38–42. С. 41.

8. Муратова М. И. Изучение антропонимов иностранными студентами-филологами в рамках лингвокраеведческого элективного курса // Вестник педагогических наук. 2021. №8. С.7–11.

9. Черкасова Е. В. Обучение иностранных студентов-филологов русским антропонимам (продвинутый этап): дис. ... канд. пед. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 230 с.

10. Andreev V. V., Gorbunov V. I., Evdokimova O. K., Rimondi G. Transdisciplinary approach to improving study motivation among university students of engineering specialties // Education and Self Development. 2020. V. 15, № 1. P. 21–37.

11. Сарбаш Л. Н. Иноязычное слово как кодификатор этнического в произведениях русских писателей XIX века // Язык и слово: сборник научных трудов. Чебоксары, 2021. С. 27–31. С. 28.

12. Сайт: АССУЛ – «Пушкинский диктант – 2022» // Электр. ист.: <https://uchitel-slovesnik.ru/previews/pushkinskij-diktant-2022-a-s-pushkin-i-narody-rossii-sostoyalsya> (дата обращения 14.07.22).

13. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55–72. С. 56.

14. Романова Т. Н., Фёдорова Н. А. Отражение правосознания русских и украинцев в пословицах и поговорках // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сборник статей Всерос. научн. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения доктора филол. наук, проф. Г.Е. Корнилова. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2016. С. 76–82. С. 82.

15. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136>.

16. Петухова М. Е., Симулина И. А. Зоохарактеристики в русской и арабской языковой картине мира // Язык и слово: сборник научных трудов. Чебоксары, 2021. С. 74–76. С. 76.

17. Мартыненко Ю. Б. Использование псевдонимов при обучении иностранных студентов-филологов // Наука и школа. 2022. № 2. С. 213–225. С. 222–223.

References:

1. Anisimova I. N., Nikitina A. Yu., Petrova O. A. Teaching Russian and foreign languages // Actual issues of internalization of higher education: experience and prospects. Materials of the XIII Intern. educational method. conference dedicated to the 30th anniversary of the international educational activities of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Cheboksary, 2021, pp. 276–280.

2. Bakina I. N. Linguistic and regional commentary of the text in a foreign language audience // Readings dedicated to the days of Slavic writing and culture: Sat. Art. region. scientific conf. Cheboksary, 2020, pp. 17–22.

3. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future

specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900135>.

4. Evdokimova O. K., Romanova T. N., Fedorova N. A. Features of distance learning for foreign students-philologists // Higher education in the context of globalization: trends and development prospects: materials of the XII Intern. educational method. online conf. Cheboksary, 2020, pp. 96–101. P. 99.

5. Bakhtina S. I. Development of the communicative competence of foreign students in the process of an integrated approach to learning // Development of the export potential of higher education: content, experience, prospects: materials of the XI Intern. educational method. conf. Cheboksary, 2019, pp. 78–82. P. 82.

6. Ushakova N. I. Russian onomastics in the course of linguistic and regional studies for foreign students-philologists // Russian language in the modern world: traditions and innovations in teaching Russian as a foreign language and in translation: mat. III Intern. conf. M.: Publishing house of the Higher. school translation of Moscow State University, 2013, pp. 291–299. P. 294.

7. Zhdanova E. S. Onomastic component in the structure of the linguistic personality of a bilingual student // Nauchnye zapiski. No. 16. Nalchik, 2019, pp. 38–42. P. 41.

8. Muratova M. I. The study of anthroponyms by foreign students-philologists within the framework of a local linguistics elective course // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2021. No. 8. pp. 7–11.

9. Cherkasova E. V. Teaching foreign students of philology Russian anthroponyms (advanced stage): dis. ... cand. ped. Sciences. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University im. A. I. Herzen, 2003. 230 p.

10. Andreev V. V., Gorbunov V. I., Evdokimova O. K., Rimondi G. Transdisciplinary approach to improving study motivation among university students of engineering specialties // Education and Self Development. 2020. V. 15, №1. P. 21–37.

11. Sarbash L. N. A foreign word as an ethnic codifier in the works of Russian writers of the 19th century // Language and Word: a collection of scientific works. Cheboksary, 2021, pp. 27–31. P. 28.

12. Site: ASSUL - “Pushkin Dictation - 2022” // Electr. Ist.: <https://uchitel-slovesnik.ru/previews/pushkinskij-diktant-2022-a-s-pushkin-i-rossii-sostoyalsya> (Application date 14.07.22).

13. Otin E. S. Connotative onyms and their derivatives in the historical and etymological dictionary of the Russian language // Questions of linguistics. 2003. No. 2. S. 55–72. P. 56.

14. Romanova T. N., Fedorova N. A. Reflection of the legal consciousness of Russians and Ukrainians in proverbs and sayings // Readings dedicated to the Days of Slavic Literature and Culture: collection of articles of All-Russia. scientific conf., dedicated 80th anniversary of the birth of Dr. Philol. sciences, prof. G.E. Kornilov. Cheboksary: Publishing House of the Chuvash State University, 2016, pp. 76–82. P. 82.

15. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136>.

16. Petukhova M. E., Simulina I. A. Zoocharacteristics in the Russian and Arabic language picture of the world // Language and word: collection of scientific works. Cheboksary, 2021, pp. 74–76. P. 76.

17. Martynenko Yu. B. The use of pseudonyms in teaching foreign students of philology // Science and School. 2022. No. 2. Pp. 213–225. pp. 222–223.

УДК/UDC 811.111

Языковая личность и некоторые аспекты ее изучения

Зайцева Анна Эдуардовна

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет

г. Краснодар, Россия

e-mail: anyuta_zaytseva76@mail.ru

SCIENCE INDEX: 7674-3028

Аннотация

Цель данной статьи – определить некоторые аспекты изучения языковой личности, связанные с её развитием в современном коммуникативном пространстве англоговорящего общества. Автор предпринимает попытку выявить факторы, воздействующие на формирование языковой личности со стороны коммуникативной среды. В статье указывается, что при изучении языковой личности применительно к носителям английского языка необходимо учитывать мировоззренческие аспекты, а также состояние коммуникативной среды англоязычного общества. Это позволит выявить характеристики, присущие языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная среда, английский язык.

Language personality and some aspects of its study

Zaitseva Anna Eduardovna

Senior lecturer of the department of foreign languages

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: anyuta_zaytseva76@mail.ru

Science index: 7674-3028

Abstract

The purpose of this article is to identify some aspects of the study of the linguistic personality associated with its development in modern communicative space of English-

speaking society. The author attempts to identify the factors influencing the formation of a linguistic personality from communicative environment. The article indicates that when studying a linguistic personality in relation to native English speakers, it is necessary to take into account ideological aspects, as well as the state of communicative environment of English-speaking society. This will reveal the characteristics inherent in the linguistic personality.

Key words: linguistic personality, communicative environment, English.

Актуальность всестороннего изучения проблемы языковой личности обусловлена противоречивой ситуацией, сложившейся к настоящему времени в англоязычном речевом пространстве и ведущимися спорами о возможностях трансформации современного английского языка. Подобные процессы оказывают значительное влияние на формирование и развитие языковой личности.

Традиционно в понятие «языковая личность» принято включать два аспекта:

- сам носитель языка (с точки зрения адекватного выражения им в речи и текстах собственного видения окружающего мира, используя при этом имеющиеся в языке системные средства);
- характеристика языковой способности конкретного человека описывать посредством речи свои мысли.

Язык по природе своей напрямую связан с личностными характеристиками человека. Согласимся с тем, что «мы не только говорим на языке, но и мыслим на этом языке» [1, с. 36]. Многие естественные языки, к которым относятся в том числе английский др., в самой грамматической системе имеют закрепленное отношение к личности человека. Тем не менее, в научно-теоретическом аспекте понятие «языковая личность» стало рассматриваться только во второй половине XX века, с развитием антропологической лингвистики. Попад в фокус научного внимания, языковая личность как понятие заняло центральное место в новой науке – лингвистической персонологии.

В.В. Виноградов ввел в антропоцентрическую лингвистику термин языковой личности (ЯЛ) и определил его как способность человека совершать самостоятельный речевой выбор [2, с. 4]. Ученый рассматривал языковую личность через сопоставление различных образов, отраженных в художественной литературе (художественный образ, образ автора). Он соотносил влияние данных аспектов на подачу и стиль художественного произведения и впервые описал воздействие конкретных образцов языковой личности на создаваемые ими тексты.

Один из ключевых аспектов в изучении языковой личности – это анализ присущего ей авторского стиля. Такой подход дает возможность трактовать языковую личность именно с точки зрения лингвистической специфики, то есть выявляя особенности психических, социальных, национальных, этико-моральных компонентов, которые отражаются в языковых решениях личности.

Речь каждого носителя английского языка будет неизбежно отражать его собственные представления о внешнем мире и передавать особенности его внутреннего мира. Поэтому языковая личность фиксирует непосредственную связь языка и персонального мировоззрения каждой личности, проявляясь через общение с другими людьми.

Исследователи небезосновательно считают, что человека невозможно изучить в отрыве от его речи – даже в повседневной жизни сложно сделать какие-либо выводы о человеке до тех пор, пока он не заговорит, пока не выразит своё мнение по тому или иному поводу [3, с. 120]. Поэтому и английский язык рассматривать отдельно от его носителей попросту невозможно, так как в таком ракурсе он представляет собой не более чем абстрактную систему знаков.

Через анализ языковой личности носителя английского языка можно составить полноценное и комплексное представление о нем, включая психологические и социальные аспекты типичного быта англосаксонского общества, образовательные и национальные компоненты, а также культурно-исторические составляющие, присущие англоговорящим странам.

Это делает понятие языковой личности важным исследовательским инструментом, позволяющим научной лингвокультурологии произвести анализ некоего обобщенного портрета носителя английского языка, отразив через характеристики речевого поведения его ментальность и менталитет.

Благодаря этому можно воссоздать в должной мере прототипический образ «человека говорящего» применительно именно к английскому языку, целенаправленно выделив его специфические черты: характерные речевые концепты, связанные с пониманием англичанами юмора (передача комического с позиции *fancy*), выраженным стремлением дистанцировать личную жизнь от внешнего мира (*privacy*, а также *retreat*), культуру вежливой недосказанности (*understatement*) [4, с. 107].

Ряд исследователей обращаются к вопросу постепенной трансформации портрета языковой личности у носителей современного английского языка. Подобные исследования ожидаемо связывают изменения с объективными культурными и социальными процессами, происходящими в мире сегодня, и в первую очередь с повсеместным распространением информационных технологий [6, с. 55]. Они сравнивают изменения в характеристиках языковой личности англоговорящего общества с тем, как меняется мода в одежде, еде, дизайне жилища, и акцентируют внимание на неосознанном копировании и передаче языковых привычек от одних людей к другим. Следует заметить, что «понимание мира как картины, превращение мира в языковую картину – это отличительная черта нового времени» [5].

В результате личных контактов языковые формы английского языка, неологизмы и даже акцент может переноситься между разными языковыми личностями. Это постепенно переходит в языковую социальную осведомленность, и с течением времени новые для английского языка речевые стандарты могут вытеснить традиционную норму использования устоявшихся слов и выражений.

Таким образом можно сделать обобщающие выводы:

– Понятие языковой личности закрепляет тесную связь языка и уникального мировоззрения каждой личности, проявляясь через коммуникативные процессы в англоязычном обществе.

– В англоязычном коммуникативном пространстве существуют два взгляда на возможности трансформации языка: последователи одной позиции настаивают на том, чтобы «зафиксировать» классический английский язык, по мнению других, язык следует воспринимать как гибкую и многофункциональную систему, которая постоянно трансформируется. Вторая позиция дает возможность языковой личности творчески самовыражаться через выбор некоторых индивидуальных речевых решений.

Независимо от используемых в научных кругах теоретических подходов к трансформации английского языка, в реальной жизни язык проявляет себя как развивающаяся система, реагируя на воздействие многих факторов: глобализации, информатизации, изменения социальной и политической жизни, культурные тренды и пр. Языковую личность невозможно полноценно изучать без учёта коммуникативной среды в её развитии.

Перспективы исследования данной темы видятся в изучении влияния современной информационной среды на изменение узнаваемых национальных черт, присущих языковой личности в англоязычном обществе.

Список литературы:

1. Донскова Л.А., Багираков Х.З. Психолингвистические основы коммуникативной толерантности языковой личности // Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 1 (192). С. 34-38.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2013. – 365 с.
3. Яковлева С.А. Базовые характеристики языковой личности в англосаксонском обществе // Вопросы психолингвистики. - 2019. № 3 (41). С. 119-125.
4. Храброва В.Е. О некоторых тенденциях в современном английском языке // Studia Humanitatis. 2021. № 4. С. 106-111.
5. Аракелян Н. С. Язык интолерантности в современной публицистике (по материалам статей Роберта Бриджа). Политематический сетевой электронный на-

учный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 89. С. 1357-1369.

6. Swan, M. What is happening in English? // English Teaching Professional. – 2019. - № 11. P. 55.

References:

1. Donskova L. A., Bagirokov H. Z. Psycholinguistic foundations of communicative tolerance of a linguistic personality // Bulletin of Adygea State University. Series 2: Philology and Art History. – 2017. No. 1 (192). Pp. 34-38.

2. Vinogradov V. V. Selected works. About language of fiction. – 3rd ed., added – M.: Nauka, 2013. – 365 p.

3. Yakovleva S. A. Basic characteristics of the linguistic personality in the Anglo-Saxon society // Questions of psycholinguistics. 2019. No. 3 (41). Pp. 119-125.

4. Khrabrova V. E. On some trends in modern English // Studia Humanitatis. 2021. No. 4. Pp. 106-111.

5. Arakelyan N. S. The language of intolerance in modern journalism (based on articles by Robert Bridge). Multidisciplinary online electronic scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2013. No. 89. Pp. 1357-1369.

6. Swan, M. What is happening in English? // English Teaching Professional. 2019. No.11. P. 55.

УДК/UDC 81

Способы переводов диалектизмов с русского языка на английский (на материале сказа «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова)

Караулова Елена Вячеславовна

студент

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Челябинск, Россия

e-mail: elenakaraulova749@gmail.com

ORCID-код: 0000-0002-7105-9056

Аннотация

Текст аннотации. Статья посвящена исследованию методов перевода безэквивалентной лексики, в частности диалектизмов, с русского языка на английский, так как это влияет на восприятие текста читателем. Тем не менее, единого решения данной проблемы пока не существует, и каждый переводчик изменяет текст так, как считает нужным, иногда жертвуя значением оригинала или игнорируя его. На материале перевода Е. Мэннинг сказа «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова были обнаружены и проанализированы разные способы перевода, выявлена частотность их употребления, а также достоинства и недостатки. В заключение был предложен собственный вариант перевода без утраты колорита произведения. Также кратко описывается отражение других особенностей сказа в переводе и отмечается важность корректного подбора слов при работе с безэквивалентной лексикой.

Ключевые слова: перевод, безэквивалентная лексика, диалектизм.

Ways of translating dialect words from Russian into English (based on the scaz “Malachite casket” by P. P. Bazhov

Karaulova Helen Vyacheslavovna

student

The South-Ural State Pedagogical University

Chelyabinsk, Russia

e-mail: elenakaraulova749@gmail.com

ORCID code: 0000-0002-7105-9056

Abstract

The article deals with the translation methods of non-equivalent vocabulary, especially dialect words, from Russian into English since it means a lot for readers. There is no single solution to this problem and every translator makes his own experiments despite the fact that it can effect on the meaning of the text. As the title implies the article gives an analysis of dialect words translation based on the scaz “Malachite casket” by P. P. Bazhov which includes its frequency, advantages and disadvantages. Then one way of qualitative translation is proposed. It is also described in a short how other features of scazes are translated and why they are important.

Key words: translation, non-equivalent vocabulary, dialect word.

В эпоху глобализации и развития межкультурных связей все больше растет потребность в переводе, в частности, переводе текстов культурологического характера. Хорошему переводчику важно не только правильно передавать смысл переводимого текста, но и заложенные в нем культурные особенности, ведь это способствует развитию мультикультурности и более полному пониманию заложенной темы реципиентом. Однако, нередко в художественных произведениях встречается безэквивалентная лексика и, в частности, диалектизмы, перевод которых нередко содержит разные трудности.

Настоящая научная статья посвящена особенностям перевода сказов и разных типов диалектизмов на иностранный язык, так как данный процесс – одна из составляющих работы переводчика. *Актуальность* работы обусловлена влиянием перевода текста на восприятие читателем и отсутствием единого стандарта решения *проблемы* перевода безэквивалентных единиц, которыми являются диалектизмы.

Нами были рассмотрены особенности перевода диалектизмов на примере сказа «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова на английский язык Е. Мэннинг.

Целью данной статьи в широком смысле является изучение влияния методов перевода сказов на восприятие текста в языке перевода и в узком – исследование способов переводов диалектизмов на английский язык в таких произведениях русской литературы как сказы. Для достижения поставленной цели нами были предприняты шаги:

1. Раскрыто понятие сказа и выявлены его особенности;
2. Раскрыто понятие диалектизмов и проведена их классификация;
3. Выделены слова и словосочетания, наиболее ярко выражающие местный колорит, и способы их передачи на английский язык;
4. Выявлена частотность их использования и влияние на итоговый текст;
5. Проанализировано отражение других особенностей сказа в переводе.

В словаре С. И. Ожегова сказ определяется как «1. Род народно-поэтического сказания, повествования. 2. В литературоведении: повествование, ведущееся от лица рассказчика» [1].

Одними из наиболее популярных сказов в России являются сказы П. П. Бажова. Их главные особенности проявляются в употреблении диалектизмов уменьшительно-ласкательного форм существительных (милостинка, старичонко), отражении местного уральского говора в словообразовательных диалектизмах (убери-ко, ослабу-де, Степанова-то), ударе в глаголах прошедшего времени на первый слог (нашивала, хаживала), частом употреблении кратких форм прилагательных и причастий (тятиня памятка, материнско сердце) и употреблении диалектизмов [2].

Диалектизм – это слово или оборот речи из какого-нибудь диалекта [3] (диалект представляет собой разновидность языка, распространение которой ограничено определенной территорией. Одна из основных функций диалекта заключается в отражении национально-культурной специ-

фики того или иного народа, закреплённой в лексических единицах). В литературе они используются для отражения местного говора, описания быта людей и создания картин природы, и именно поэтому важно их сохранение при переводе текста для иноязычного читателя.

При переводе сказов переводчик сталкивается с определёнными трудностями, так как диалектизмы, как правило, относятся к безэквивалентной лексике. При этом переводчику необходимо передать не просто смысл диалектизма, но и его экспрессивную окраску. Для этой цели нельзя использовать диалектные формы языка перевода, т. к. они относятся к совершенно иной группе людей, и это приводит к отсутствию единого стандарта решения.

Согласно В. С. Виноградову, диалектным словам оригинального художественного произведения в переводе соответствуют «неполные эквиваленты, у которых утрачены социолокальная информация слов оригинала» [4]. Подобные информативные потери восполняются либо с помощью просторечия, либо общелитературными словами, а утраченную информацию, обычно связанную, например, в художественных текстах, с речевой характеристикой героя или с описанием той или иной среды, компенсируют какими-либо другими языковыми средствами в том же микроконтексте или в другом месте широкого контекста.

Профессор Н. А. Мещерский делит все диалектизмы на следующие наиболее общие группы: собственно-лексические, лексико-словообразовательные, фонематические, семантические, морфологические, грамматические и фонетические [5]. Однако, в нашем исследовании мы дадим конкретные определения только обнаруженным нами группам:

1. Собственно-лексические диалектизмы - местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или производные от корней, представленных в литературном языке, имеющие в говорах свои особые значения: басенька (хорошенькая), гарусинка (шерстяная нитка), дока (мастер);
2. Лексико-словообразовательные диалектизмы – слова, отличающиеся от соответствующих им эквивалентов литературного

языка своим морфологическим составом; слова с теми же корнями и имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но с другими аффиксами: буски - «бусы»;

3. Фонематические диалектизмы – слова, совпадающие по значению с соответствующими словами литературного языка и отличающиеся от них одной фонемой, причем эти фонематические различия не связаны с существующими в современных говорах фонетическими и морфологическими закономерностями, в этих словах произошла лексиколизация какого-нибудь фонетического явления: патрет (портрет), робята (ребята);
4. Фонетические диалектизмы – цоканье, оконье, яканье: пущай-де (пускай) и др.

Для выявления частотности перевода диалектизмов и их влияния на итоговый текст на английском языке необходимо выделить используемые способы перевода в переводе Е. Мэннинг сказа «Малахитовая шкатулка П. П. Бажова [6]:

1. Подбор соответствующего эквивалента: мотоватый - spendthrift, played ducks and drakes with his money, оболванить - got hold off, шмыгало - take your breath away (общее количество - 5);
2. Гипонимический перевод (генерализация) - замена видового понятия на родовое, то есть передача реалии некоторой языковой единицей, имеющей более широкое значение, чем переводимая: голбец - cellar (общее количество - 11);
3. Подбор нейтрального эквивалента: впотай держит - hid it away from, что ты косоплетки плетешь, барину в глаза песком бросаешь - You don't know what you're talking of, пировля - feasting and drinking (общее количество - 48);
4. Использование описательных соответствий: пословные - good and obedient, с нашим-то ремьем не наденешь эко место - It's only gentry and merchants buy such like (общее количество - 2).

Описательный перевод не наносит ущерба художественному переводу в целом, однако приводит к частичным стилистическим потерям;

5. Опускание или пропуск слова - это опускание тех или иных слов, предполагающее игнорирование некоторых семантически избыточных слов, которые не несут важной смысловой нагрузки, а их значение зачастую комплексно восстанавливается в переводе или отсутствие перевода как такового: живехонько срядилась - she dressed herself up, на пригревинке сидишь - sitting in the sun (общее количество - 7).

Такое опускание реалий приводит к искажению смысла, или недостаточной передаче всей полноты информации, заложенной в значении реалии.

Также в тексте были обнаружены примеры искажения оригинального смысла: гарусинка - bead, сойкнул - cried out, бассенька - jimp; использование изобразительного средства, но отличного от оригинальной лексики (перефокус): не мотни эту шкатулку за пустяк - don't sell that casket for naught, побегала много-мало по хозяйству - did a few bits of work (общее количество - 9).

Процентное соотношение вышеизложенных способов перевода диалектизмов представлено в диаграмме 1:

Прочие особенности сказов П. П. Бажова (диалектизмы уменьшительно-ласкательного значения, ударение в глаголах прошедшего времени на первый слог, частое употребление кратких форм прилагательных и причастий) не нашли отражения в переводе за исключением транскрибирования имен собственных (Tanyushka, Nastasya, Polevaya). Стилистически маркированные просторечия (пошто, вишь) нейтрализуются в нем, полностью утрачивая авторскую экспрессию (общее количество - 34). Также переводчик часто меняет коннотацию лексических единиц (а к бродяжке прилипла - but hugs a tramp, стала спрашивать - she plucked up courage) и добавляет рассказчика, отсутствующего в оригинале (не тем будь помянут, покойна головушка - though I should speak no ill of the dead, Степан

Процентное соотношение способов перевода диалектизмов в сказе «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова при переводе на английский язык Евой Мэннинг

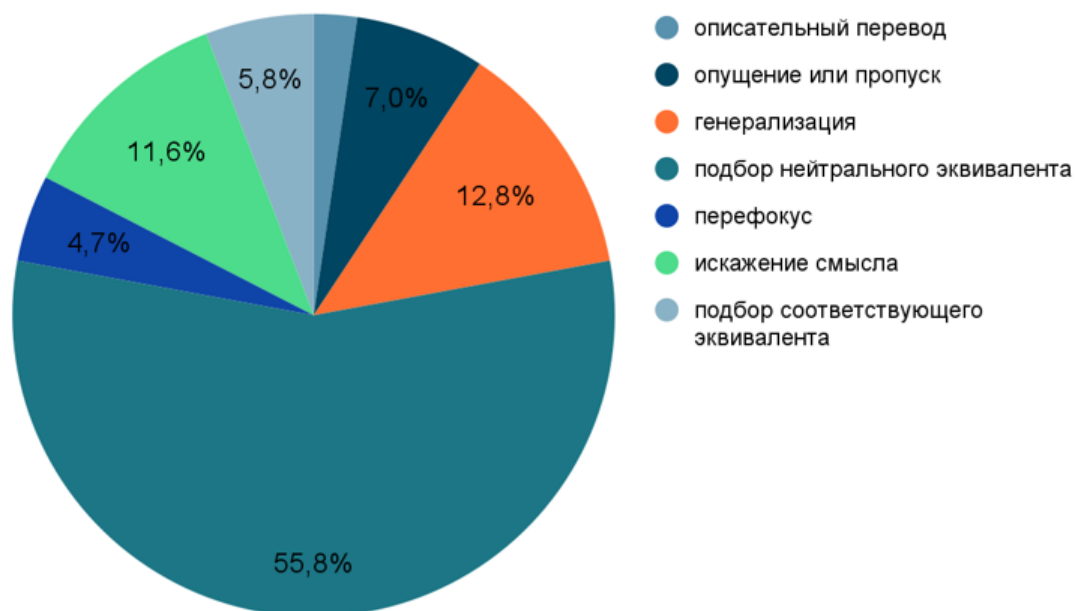

Диаграмма 1

хорошее обеспечение семье оставил - Stepan had left his family well off as I say).

Однако следует заметить, что иногда переводчик подбирает соответствующий фразеологизм: на черный день - for a rainy day, не на ту попали - caught a wrong bird.

Таким образом, исследование показало, что художественные произведения П. П. Бажова богаты реалиями разного рода, что создает определенные трудности при переводе его произведений на английский язык. Слова-реалии служат для создания культурного фона произведения и способствуют наиболее полному воплощению замысла автора, но практически все особенности языка уральских жителей утрачиваются при переводе, что приводит к отдалению от живой разговорной стихии.

Несмотря на использование разных переводческих трансформаций колорит произведения был не полностью передан переводчиком. Поскольку каждый из приемов передачи слов-реалий имеет свои достоинства и недостатки (например, достоинством гипонимического перевода

(генерализации) является отсутствие лишней нагрузки на читателя, выражающейся в применении автором специфических реалий, недостатком - потеря оттенков значения и коннотаций), то следует использовать комбинированные способы перевода, не ограничиваясь одним приемом, а сочетая два или три, например, транскрипцию и описательный перевод (например, гарусинка - *garusinka as a woolen thread*), или же давать пояснение или комментарий каждой реалии.

В заключение хотелось бы отметить, что диалектизмы являются неотъемлемой частью русской культуры, они отражают национально-культурную специфику отдельного языкового коллектива, их мировоззрение, особенности жизни и быта. Используя диалектизмы в своих произведениях, авторы передают национальный колорит того или иного народа. В связи с этим, основная задача переводчика художественных произведений с фольклорной составляющей заключается в сохранении языковых особенностей, в частности, диалектизмов, при переводе, что может быть достигнуто с помощью рассмотренных средств перевода.

Список литературы:

1. Ожегов, С.И., 1988. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, pp: 640.
2. Эйдинова, В.В., 2003. Стил П. П. Бажова. Электронный научный архив УРФУ, 28. Date Views 18.06.2022 dombazhova.ru/books/science/33STILY
3. Ожегов, С.И., 1988. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, pp: 146.
4. Виноградов, В.С., 2006. Перевод: Общие и лексические вопросы. Москва: КДУ, pp: 86.
5. Мещерский, Н.А., 1972. Русская диалектология. Москва: "Высшая школа" pp: 126.
6. Bazhov P. Malachite casket. Tales from the Urals [transl. E. Manning]. Date Views 03.06.2022 freebooksforkids.net/malachite-casket.html.
7. Бажов, П.П., 2015. Медной горы хозяйка. Москва: Эксмо, pp: 15-40.

References:

1. Ozhegov, S., 1988. Slovar russkogo iazyka. Moskva: "Russkii i-azyk p.640.

2. Bazhov, P., n.d. The Malachite Casket. P.Bazhov. [online] Freebooksforkids.net. Available at: <<http://freebooksforkids.net/malachite-casket.html>> [Accessed 3 June 2022].
3. Ozhegov, S., 1988. Slovar russkogo iazyka. Moskva: "Russkii i-azyk p.146.
4. Vinogradov, V., 2006. Translation: General and lexical questions. Moskva: KDU, pp: 86.
5. Meshchersky, N., 1972. Russian dialectology. Moskva: "Higher School p.126.
6. Bazhov, P., n.d. The Malachite Casket. P.Bazhov. [online] Freebooksforkids.net. Available at: <<http://freebooksforkids.net/malachite-casket.html>> [Accessed 3 June 2022].
7. Bazhov, P., 2015. The mistress of the copper mountain. Moskva: Eksmo, pp: 15-40.

УДК/UDC 811.111

Языковая личность автора в дискурсивном пространстве постмодерна

Кудрявцева Мария Игоревна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания

Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: mia@sfedu.ru

SPIN-код: 4559-0850

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению специфики манифестирования языковой личности автора в постмодернистском художественном тексте как репрезентанте дискурсивного пространства постмодерна. Цель статьи состоит в выявлении и описании наиболее важных параметров функционирования образа автора, системы авторских масок в романе А. Битова «Пушкинский дом». Методы исследования применяются к языковому материалу комплексно, предпочтение отдано индуктивно-дедуктивному методу, методу когнитивно-семантического анализа, методу лингвистического моделирования. Определено, что дискурсивное пространство постмодерна характеризуется интертекстуальностью, т.к. вбирает в себя эстетические практики предшествующих эпох, а автор постмодернистского художественного текста включен в процесс формирования коммуникативного пространства: не только диалогичность сознания автора, но и диалогическое общение автора и читателя, автора и персонажа продуцируют различные коммуникативные ситуации и обеспечивают декодирование художественных смыслов. Образ автора может образовывать синтез с повествователем/рассказчиком, а также может быть включен в систему авторских масок, что реализовано с помощью различных языковых и текстовых средств – прежде всего, лексем и лексических сочетаний, а также маркеров текстовой модальности.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, дискурсивное пространство, автор, читатель, постмодерн

Language person of the author in the discourse space of postmodern

Kudryavtseva Maria Igorevna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a foreign
language and his teaching methods

International Institute for Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: mia@sfedu.ru

SPIN code: 4559-0850

Abstract

The article is devoted to the specific manifestation of the author's linguistic personality in a postmodern literary text as a representative of the postmodern discursive space. The purpose of the article is to identify and describe the most important parameters of the functioning of the author's image, the system of author's masks in A. Bitov's novel "Pushkin House". The research methods are applied to the linguistic material in a complex way, preference is given to the inductive-deductive method, the method of cognitive-semantic analysis, the method of linguistic modeling. It is determined that the discursive space of postmodernity is characterized by intertextuality, as well. incorporates the aesthetic practices of previous eras, and the author of a postmodern literary text is included in the process of forming a communicative space: not only the dialogical nature of the author's consciousness, but also the dialogical communication of the author and reader, author and character produce various communicative situations and ensure the decoding of artistic meanings. The image of the author can form a synthesis with the narrator / narrator, and can also be included in the system of author's masks, which is implemented using various linguistic and textual means - primarily lexemes and lexical combinations, as well as text modality markers.

Key words: linguistic personality, discourse, discursive space, author, reader, postmodern

Понятие языковой личности, предложенное и введенное в научный оборот Ю.Н. Карауловым [4], – одно из самых востребованных в современной науке о языке. Ю. Н. Караулов определяет языковую личность в

широком смысле – как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» [4, с. 245] различной степени сложности, а также как «личность, выраженная в языке (текстах)», которая может быть «реконструирована в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с. 38]. Позднее дефиниция термина претерпевает определенные трансформации: это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [6, с. 671]. Приведенные определения позволяют говорить о языковой личности в нескольких ракурсах, важных для анализа художественного текста:

- «языковая личность» выступает лингвистическим инструментом моделирования представлений индивида или социальной группы о мире, которые обнаруживаются в его речевом поведении и фиксируются в дискурсивно-текстовом пространстве;
- особенности личностного и/или коллективного мировидения выявляются на основании применения этого лингвистического инструментария к результатам дискурсивной деятельности.

Модель языковой личности имеет вероятностный характер, т.к. представления разных членов социо- и лингвокультурного коллектива могут различаться, вариативны такие представления и в разные периоды жизни конкретного человека.

Исходным постулатом для описания языковой личности стало представление о языковой компетенции как о «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [4, с. 27]. Рассмотрение феномена языковой личности с позиций различных методологических подходов привело к активному функционированию понятий «человек говорящий», «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность» [5, с. 51].

Идеи о языковой личности, различным образом репрезентирующей себя в дискурсе, впервые были высказаны М. Фуко, трактовавшим дискурс как «набор позиций, возможных для субъекта открытая для повторения материальность» [8, с. 211]. Параметры дискурсивного пространства, приложимые к языковой личности, позволили выявить целый ряд ее аспектов, среди которых приоритетными стали динамический характер проявлений языковой личности в дискурсе и интердискурсивность, свойственная такому проявлению [3], в том числе, возникающая на основании множественности ценностных парадигм, свойственных современному миру.

Один из важнейших ракурсов изучения языковой личности – это процессуальность ее проявлений в социокультурном взаимодействии, которая оказывается одной из основных при выявлении базовых дискурсивных параметров. Л. Н. Синельникова справедливо отмечает в этой связи, что знание языка (иностранного, например) вовсе не обеспечивает дискурсивности конкретной личности, если эта языковая личность не проявляет культурологических компетенций, знаний специфики взаимодействия с представителями конкретной лингвокультуры [7, с. 457]. Языковая личность и дискурсивная личность дифференцированы, если «человек, уже занявший позицию в языковом пространстве, начинает производить имеющие смысл сообщения – дискурсы – и создавать из них свое дискурсивное пространство» [7, с. 458]. Ценностные координаты языковой картины мира приобретают особую значимость на мотивационном уровне языковой личности, имея в дискурсивном пространстве постмодерна принципиально динамический характер.

Языковая личность автора художественного текста – сложный объект исследования по причине гетерогенности этого феномена: писатель в своих текстах – не единая языковая личность, а некая совокупность ее проявлений, говорящих и понимающих личностей (рассказчик, повествователь, герои). Все это позволяет исследовать в художественном тексте не маркеры индивидуальной репрезентации общенационального языка, а показатели языка соответствующей эпохи [См.: 1]. Индивидуально-

авторский выбор языковых единиц обусловлен «характером отображаемой автором действительности, особенностями избираемой тематики, специфическими чертами персонажей», но, как совершенно справедливо подчеркивает Ю. Н. Караулов, «тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъективации, индивидуального присвоения» [4, с. 172].

Очевидно, что и сами закономерности продуцирования дискурса оказывают влияние на выбор таких языковых средств и структур, которые участвуют в формировании текста как результате дискурсивной деятельности языковой личности автора. Кроме того, коммуникативное поведение личности детерминировано также ментальными доминантами и стереотипами, и эти когнитивные по своему характеру феномены участвуют в создании дискурсивного пространства, будучи им же предписаны. Языковая личность автора в процессе создания художественного текста совершает отбор таких языковых средств, которые соответствуют цели эстетической коммуникации, а также реализует модели речевого поведения, наиболее соответствующие художественному замыслу, коммуникативные стратегии и тактики, необходимые для конкретного эстетического высказывания.

Постмодерн как новая культурно-историческая эпоха активно осмысливается сейчас не только филологией, но и философией, психологией, социологией, а постмодернизм, представляя собой собственно дискурс постмодерна, кодирование смыслов этой эпохи в различных сферах жизнедеятельности человека, обнаруживает особый интерес к миру в состоянии кризиса, в отсутствие веры в Разум и прогресс. Дискурсивное пространство постмодерна и, в частности, литература постмодернизма находятся в поиске способов усложнения структуры художественного текста. В художественном тексте теперь может функционировать несколько равноправных в смысловых объемах параллельных повество-

ваний, совмещающих различные временные периоды, разные по своим целям и характеру.

Дискурсивное пространство постмодерна обнаруживает принципиальную диалогичность языкового сознания: это закономерно, потому что эстетическая коммуникация осуществляется на основании представления об адресате дискурса и текста как о воплощенном сознании Другого, который способен осуществить корректное декодирование эстетического сообщения, продуцируемого автором. Для постмодерна приоритетным является соотнесение личности с текстом, который манифестирует личностно-бытийное сознание, а также с культурными кодами, образующими контекстуальную систему.

Особое место в дискурсивном пространстве постмодерна отводится автору, который одновременно является и создателем текста, и повествователем, и персонажем. Так, в романе А. Битова «Пушкинский дом» (1964 – 1971) [2] дискурсивное пространство постмодерна оказывается «разомкнутым» не только в эстетические практики предшествующих литературных эпох, а значит, создающим возможность для функционирования интертекстуальности, но и сам автор оказывается включенным в формирование коммуникативного пространства художественного текста. А. Битов создает образ автора, который может образовывать единство с повествователем/рассказчиком, одновременно дистанцируясь от него, например: *«Как ни странно, именно в наше время существует тенденция некоторой идеализации и оправдания аристократии: мол, не все там были нравственные уроды, были и умные, честные люди, более того, не все даже были враги. Это сытая либерально-каннибальская справедливость в отношении наверняка поверженного и даже переваренного противника: покойничек был неплох на вкус...»* [2, с. 110]. Приведенный макротекст содержит оценочные по своему характеру лексические единицы (выделены курсивом), характеризующие языковую личность автора как совмещающую в себе сознание собственно автора и своего героя, а также стереотипы социальных групп (введенное лексемой *мол*), при этом данный микроконтекст дается А. Битовым как включенный во внутреннюю

речь персонажа, однако далее читатель уже наблюдает дифференцирование сознания героя и сознания автора: «Они уступили брезгливо и высокомерно, лишь в буквальной борьбе, по нормам достоинства и чести, не подозревая длинноты предстоящей жизни. И за это автор нее уважает аристократию всей сутью своего плебейства, неизжитого и благоприобретенного, которому не досталось...» [2, с. 111]. Это разграничение наиболее отчетливо эксплицировано употреблением в контексте лексемы *автор*, которая, тем не менее, не дает полной уверенности в том, что именно с образом автора мы имеем здесь дело. В такой множественности интерпретаций и состоит природа дискурсивного пространства постмодерна, который различными способами обыгрывает различные коммуникативные ситуации, в том числе, не только диалогичность самого сознания художника в широком смысле, но и диалогическое общение автора и читателя.

Однако неверно было бы предполагать, что в дискурсивном пространстве постмодерна и, в частности, в постмодернистском художественном тексте автор будет представлен только образом автора или неким синтезом автора и повествователя/рассказчика. Мы согласны с К. Мальмг্রেмом, который вводит термин *авторская маска* [9], подразумевая под ней некий центр, который упорядочивает разрозненный материал, повествовательный «хаос», создаваемый постмодерном преднамеренно для иллюстрации восприятия мира, лишённого смысла. Постмодернистский автор, по правомерному утверждению К. Мальмгрема, стремится лишить читателя возможности продуцировать собственный метатекст: метатекстуальный комментарий навязывает адресату авторскую интерпретацию, часто ироничную, а сам автор ставит под сомнение понятия авторства, вымысла, текстуальности и ответственности читателя [9]. Например, в следующем контексте «Тут наблюдался один эффект, который наводит нас на одну легкую мысль о природе прозы, и мы не можем удержаться от этого намека... Эффект этот заключается в том, что, внезапно наткнувшись на страничку человека, хорошо знакомого или даже близкого, но про которого мы не знали, что он *«пописывает»*,

и с непонятной жадностью прочтя ее, мы тут же начинаем знать о нем как бы во много раз больше, чем знали до сих пор путем общения» [2, с. 137] автор выступает в роли повествователя, отождествляющего себя с не только с писательской (в первой части высказывания), но и читательской аудиторией: маркерами выступает местоимение *мы*, а также модальные частицы *даже*, *бы*. Кроме того, ирония, репрезентированная в приведенном контексте имплицитно, также позволяет утверждать, что перед нами именно не образ автора, а очередная авторская маска (иронический контекст выделен в приведенном фрагменте курсивом).

Дискурсивное пространство постмодерна не только не имеет своей целью отражение объективной действительности, но и намеренно создает иную реальность, воплощаемую в речемыслительной деятельности субъекта повествования. Эта иная реальность различными способами преобразуется на разных уровнях языковой личности автора, а основным признаком постмодернистского дискурса в художественном тексте становится функционирование в нем симулякров – копий без оригиналов, что является следствием дистанцирования автора от мира, направленностью его деятельности исключительно на воплощение самого себя в тексте и, что важно, на наблюдение за разворачиванием дискурса со стороны. При этом автор может образовывать некое дискурсивное единство с персонажем без обращения к средствам авторской оценочности, например: «Все остыло в прошлом, и легко доступное будущее крошится под его резцом. Раскаленная стружечка настоящего обжигает бумагу. Мы – не знаем. Только версия и вариант, версия и вариант тасуются перед взором автора при приближении к настоящему времени его героя. Что же думает сам Лева, поражаясь тому, как его жизнь день за днем отъезжает в прошлое, нигде не останавливаясь, все время проскакивая полустанки настоящего по дороге из будущего – в отсутствие его?» [2, с. 240]. В приведенном фрагменте также оказывается важным ассоциативный фон, вне которого невозможно воссоздание иллюзии проникновения во внутренний мир персонажа.

Языковая личность автора характеризуется многоуровневостью ввиду введения в повествование метатекстовых влечений, отсутствия авторской оценочности, образования ситуативного синтеза автора и повествователя, автора и персонажа, наличия нескольких авторских масок. Так происходит потому, что в постмодернистском художественном тексте, в частности, в романе А. Битова «Пушкинский дом», границы реальности и вымысла лабильны. Авторские повествовательные стратегии воплощаются в разных героях, однако сам автор находится как бы над текстом, находясь в поиске рамок собственно эстетической деятельности, собственного внутреннего мира, который и есть, в сущности, единственная истинная реальность, ради которой воплощается в романе художественный замысел.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Битов А. Пушкинский дом: роман. СПб: Изд-во «Азбука», 2000. 499 с.
3. Иссерс О. И. Дискурсивные практики нашего времени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. стереотип. М.: Комкнига, 2006. 254 с.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
6. Русский язык: энциклопедия. М.: БРЭ, 1997. 704 с.
7. Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия дискурсивной личности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 2, Ч. 1. С. 454–463.
8. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; университетская книга, 2004. 416 с.
9. Malmgren C.D. Fictional space in the modernist and postmodernist American novel. Lewisburg, 1985. 240 p.

References:

1. Bakhtin M.M. Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 336 p.
2. Bitov A. Pushkin's house: a novel. St. Petersburg: Azbuka Publishing House, 2000. 499 p.
3. Issers OI Discursive practices of our time. M.: Knizhny Dom "LIBROKOM 2019. 264 p.
4. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Ed. stereotype. M.: Komkniga, 2006. 254 p.
5. Krasnykh V.V. "Own" among "strangers": myth or reality? M.: Gnosis, 2003. 375 p.
6. Russian language: encyclopedia. M.: BRE, 1997. 704 p.
7. Sinelnikova L.N. On the scientific legitimacy of the concept of discursive personality. V. I. Vernadsky. Series "Philology. Social Communications". 2011. V. 24 (63), No. 2, Part 1. S. 454-463.
8. Foucault M. Archeology of knowledge. St. Petersburg: Information Center "Humanitarian Academy"; university book, 2004. 416 p.
9. Malmgren C.D. Fictional space in the modernist and postmodernist American novel. Lewisburg, 1985. 240 p.

УДК/UDC 81'316.772.2

Выражение условных отношений в русском и китайском языках на уровне сложноподчинённого предложения: сравнительный анализ

Петрова Лиллия Геннадиевна

кандидат педагогических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: petrova_l@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-5760-5591

Аннотация

В статье рассматриваются способы выражения условных отношений в русском и китайском языках на уровне сложноподчинённого предложения. Выявляются языковые средства, участвующие в передаче значений русских условных конструкций на китайский язык посредством возможностей синтаксиса сравниваемого языка. Приводится ряд примеров, где для актуализации условных отношений используются одиночные союзы, парные союзы, а также рамочные конструкции, что характерно для китайского языка. Все примеры переводятся на русский язык. Результаты сопоставления показывают, что в сравниваемых языках обнаруживается много общего в плане способов выражения значений условия на уровне сложноподчинённого предложения, хотя русский и китайский языки не являются схожими по грамматическому построению.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, условные отношения, сложноподчинённое предложение, способы выражения.

The expression of conditional relations in Russian and Chinese at the level of a complex sentence: comparative analysis

Petrova Lilliya Gennadievna
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Belgorod State University
Belgorod, Russia
E-mail: petrova_l@bsu.edu.ru
ORCHID: 0000-0002-5760-5591

Abstract

The article discusses the ways of expressing conditional relations in Russian and Chinese at the level of a complex sentence. The linguistic means involved in the transfer of the meanings of Russian conditional constructions into Chinese through the capabilities of the syntax of the compared language are identified. A number of examples are given where single conjunctions, paired conjunctions, and framework constructions are used to actualize conditional relations, which is typical for the Chinese language. All examples are translated into Russian. The results of the comparison show that the compared languages have a lot in common in terms of ways of expressing the meanings of the condition at the level of a complex sentence, although Russian and Chinese are not similar in grammatical structure.

Key words: Russian language, Chinese language, conditional relations, complex sentence, ways of expression.

Несмотря на то, что русский и китайский языки принадлежат к разным языковым группам, обоим языкам присущи схожие синтаксические отношения. Так, в обоих языках имеются сложные предложения с придаточным условия, в которых условные отношения выражаются при помощи союзов или других языковых средств. Далее попытаемся продемонстрировать это при помощи сравнения и примеров.

В русском языке в сложном предложении условная придаточная часть содержит указание на условие, от которого зависит осуществление того, о чем говорится в главной части. Придаточные условные относятся ко всему составу главной части сложного предложения и присоединяется к ней при помощи союзов и союзных сочетаний: *если, если бы, в случае если, в том случае если, на случай если, на тот случай если, при усло-*

вии если, при условии что, при том условии если, при том условии что, когда, раз, ежели, ежели бы, когда бы, коли (коль) бы, коль скоро.

Условие, от которого зависит реализация события, заключается в придаточной части.

Сложные предложения с придаточным условия по выражаемому значению и по структуре делятся на два основных типа: условные придаточные без частицы *бы* и условные придаточные с частицей *бы*.

Условные придаточные без частицы *бы* указывают на **реальное условие**, при котором может или могло осуществиться действие главной части предложения; чаще всего присоединяются к главной части союзом *если*, который наиболее отчетливо передает условные отношения между частями сложного предложения: ***Если** ты придёшь ко мне в гости, я покажу тебе свои свежие фотографии.*

Для выражения реально осуществимого условия в главной и придаточной частях обычно употребляются формы глагола изъявительного наклонения, а иногда и инфинитив: ***Если** хорошо **учиться**, реально **окончить** университет с красным дипломом.*

Придаточные условные с частицей *бы* выражают **нереальное условие**; они обозначают неосуществленное в прошлом условие или же неосуществимое для будущего и настоящего времени предположение, желание, возможность: ***Если бы** выкопали лук вовремя, он **бы** не почернел.*

В придаточных условных с частицей *бы* сказуемые обычно выражаются формами глагола сослагательного наклонения, реже в роли сказуемого употребляется форма императива: ***Помоги** ты мне **убрать** квартиру, мы **успели бы** погулять.*

Нереальное условие может выражаться и бессоюзной конструкцией: *Одна минута в пробке, и мы **бы** не успели на поезд.*

В китайском языке на уровне сложного предложения условные отношения встречаются часто, и способы их выражения могут быть весьма разнообразными. Схему сложного китайского условного предложения можно представить следующим образом:

Субъект + 要 + 想/能 + условие (的话), + (就/也) + результат

Выражаться условные отношения в данном случае могут при помощи условных союзов, которых насчитывается немалое количество.

К условным союзам относятся следующие: 要 yào, 若 ruò, 倘 tǎng, 要是 yàoshì, 若要 ruòyào, 倘然 tǎngrán – *если, если бы*; 如果 rúguǒ – *если действительно*; 倘使 tǎngshǐ, 假如 jiǎrú – *если предположить*; 既然 jìrán – *раз, коль скоро*; 就是 jiùshì – *если даже*; 即使 jíshǐ – *даже если допустить*; 只要 zhǐyào – *если только*; 如..... 则 rú.....zé, 要是.....那 yàoshì.....nà, 如果.....那么 rúguǒnàmè – *если ... то*; 既然.....于是 jìrányúshì – *раз ... то* и др.

Эти союзы употребляются в сложноподчинённом предложении с придаточной частью.

Кроме того, в китайском языке есть **союзные единства**: 要是.....话 yàoshì..... huà, 如果.....话 rúguǒhuà – *при том условии, если*; 假如 时 jiǎrú.....shí – *в том случае, если*. Союзные единства представляют собой сочетания служебного и знаменательного слов.

В. И. Горелов союзы китайского языка по употреблению подразделяет на три разряда: «одиначные союзы, парные союзы, рамочные конструкции.

1. Одиначные союзы: 即使 jíshǐ – *даже если*

Этот союз употребляется самостоятельно. Он не образует сочетаний с другими союзами.

2. Парные союзы: 要.....那 yào..... nà – *если ... то*; 不是.....就是 bùshìjiùshì – *если не ... то*; 如果.....则 rúguǒ.....zé – *если ...то*; 既然.....那么 jìrán..... nàmè – *раз ... то*.

Парные союзы представляют собой сочетания разных союзов. Иногда встречаются парные сочетания, в состав которых входят союзные фразеологические единства, например: 如果.....话.....那么 rúguǒ..... huà..... nàmè, 假若.....话.....那jiǎruò..... huà..... nà и др. – *при условии если*.

3. Рамочные конструкции. Их компонентами служат союзы и специальные лексические элементы. Эти словосочетания, называемые союзными фразеологическими единствами, являются показателями границ придаточных предложений условия и причины. Их компоненты,

неизменно помещаясь в начале и в конце придаточного предложения, как бы замещают его с двух сторон.

如果.....的话 [3:42-44]»:

如果他们都不能陪她的话, 她就找白茶, 大言不惭地说, 我救了你的命, 你总不能眼睁睁看着我孤独致死吧。 (*придаточное предложение условия*)

Rúguǒ tāmen dōu bùnéng péi tā dehuà , tā jiù zhǎo bái chá , dà yán bù cán dì shuō , wǒ jiù le nǐ de mìng , nǐ zǒng bùnéng yǎn zhēng zhēng kàn zháo wǒ gūdú zhìsǐ ba.

Если они все не могли быть с ней, она искала Бай Ча и говорила ей, не преувеличивая: «Я спасла тебе жизнь, ты не можешь позволить, чтобы я умерла от одиночества у тебя на глазах».

Далее, рассмотрим способы выражения условных отношений в китайском сложном предложении более подробно, приведём китайские примеры и их русскоязычные аналоги.

要是yào = 若ruò = 倘tang = 要是yàoshì = 若要ruòyào = 倘然tǎngrán – если, если бы;

要是yàoshì – если

要是你不喜欢这个工作, 你可以出去再另外找一个工作。

Если вам не нравится эта работа, вы можете пойти и найти другую работу.

我喜欢暑假是因为我可以外出玩耍;**要是**下雨, 我就可以在室内下棋。

*Мне нравятся летние каникулы, потому что я могу гулять, а **если** идет дождь, можно играть в шахматы в помещении.*

要是可以选择座位的话, 要坐在面试者桌子的侧面, 而不要坐在正对面。

。

Если у Вас есть возможность выбрать место, Вы должны сидеть рядом с интервьюером, а не прямо напротив него.

要是yào – если

明天**要**晴天, 我就和你一起出去。

Míngtiānyàolíngtiān, wǒjiù hé nǐ yìqǐ chūqù.

Если завтра будет солнечная погода, я пойду с тобой.

若ruò – если

你若害羞就不必和他说话，你迎接他的时候只须站在门边。

Если ты стесняешься, тебе не нужно с ним разговаривать, ты просто должен стоять у двери, когда встречаешься с ним.

以我的经验，若是你工作了很长的时间，又没有休息你工作的质量就会下滑，更不要说你的效率了。

По моему опыту, **если** вы долго работаете без отдыха, качество вашей работы ухудшится, не говоря уже об эффективности.

倘若tang = 倘若Tǎng·ruò – если

倘若他没有信仰，他也不认为自己没有信仰。

Tǎngruò tā méiyǒu xìnyǎng, tā yě bù rènwéi zìjǐ méiyǒu xìnyǎng.

Если у него нет веры, он о вере даже и не думает.

倘若你要更换学校的名称，你会遭到多人的反对。

Tǎngruò nǐ yào gēnghuàn xuéxiào de míngchēng, nǐ huì zāo dào duō rén de fǎnduì.

Если вы хотите изменить название школы, многие будут протестовать

若要ruòyào – если

若要一天不得安，请客；若要一年不得安，盖房；

Ruò yào yītiān bùdé ān, qǐngkè; ruò yào yī nián bùdé ān, gài fáng;

Если вы хотите найти себе проблемы на один день, идите в гости, **если** вы хотите найти себе проблемы на год, постройте дом (Лян Шицю).

若要功夫深，铁杵磨成针。

Ruò yào gōngfū shēn, tiě chǔ mó chéng zhēn

Если вы достаточно практиковали кун-фу, вы сможете измельчить кусок железа в порошок.

倘然tǎngrán=假如jiǎ rú – если бы

倘然你再早到十分钟，就能见到她了。

Tǎngrán nǐ zài zǎo dào shí fēnzhōng, jiù néng jiàn dào tāle.

Если бы вы приехали на десять минут раньше, вы бы могли увидеть ее.

如果rúguǒ – если действительно;

如果我们真的想的话，我们甚至可以知道韩国总统在想什么。

Rúguǒ wǒmen zhēn de xiǎng dehuà, wǒmen shènzhì kěyǐ zhīdào hánguó zǒngtǒng zài xiǎng shénme.

Если действительно понадобится, мы узнаем, что думает президент Южной Кореи.

倘使tǎngshǐ= 假如jiǎrú – если предположить;

假如她已经结婚并且有了孩子呢?

Jiǎrú tā yǐjīng jiéhūn bìngqiě yǒule háizi ní

А **если** предположить, что она выйдет замуж и у неё будут дети?

保护的义务 (倘使存在) 当然是行为义务, 而不是结果义务。

Bǎohù de yìwù (tǎngshǐ cúnzài) dāngrán shì xíngwéi yìwù, ér bùshì jiéguǒ yìwù.

Обязанность по защите – **если** предположить, что таковая существует, – наверняка является обязательством поведения, а не результата.

既然jìrán – раз, коль скоро;

既然不知道这个词, 就要查字典。

Jìrán bù zhīdào zhège cí, jiù yào chá diànzǐ zìdiǎn.

Раз не знаешь этого слова, загляни в словарь.

就是jiùshì –если даже;

就是再难, 也要尝试。

Jiùshì zài nán, yě yào chángshì.

Постарайтесь, **если даже** будет тяжело.

即使jíshǐ –даже если, если допустить;

但是, 这工作即使没那么困难, 他也不应该谈论它。

Dànshì, zhè gōngzuò jíshǐ méi nàme kùnnán, tā yě bù yìng gāi tánlùn tā.

Но **если даже** работа была не такой сложной, ему не следовало об этом говорить.

我总是购买最优质的产品, 即使它有点贵。

Wǒ zǒng shì gòumǎi zuì yōuzhì de chǎnpǐn, jíshǐ tā yǒudiǎn guì.

Я всегда покупаю продукты самого высокого качества, **даже если** это немного дороже.

只要zhǐyào – если только;

只要我们分享, 东西大家都够。

Zhǐyào wǒmen fēnxiǎng, dōngxī dàjiā dōu gòu.

Всего хватит для всех, **если только** мы будем делиться.

没什么, **只要你**了解自己在做什么。

Méishénme, zhǐyào nǐ liǎojiě zìjǐ zài zuò shénme.

Ничего, **если только** ты понимаешь, на что идешь.

无论您从事什么工作, **只要**努力工作, 您都会有未来。

Wúlùn nín cóngshì shénmegōngzuò, zhǐyào nǐ lì gōngzuò, nín dūhuì yǒu wèilái.

Независимо от того, какую работу вы делаете, у вас будет будущее, если только вы будете усердно работать.

Парные союзы используются в предложениях, типа:

如双方没有任何异议, **则**该条约默认生效。

Rú shuāngfāng méiyǒu rènhé yìyì, zé gāitiáoyuē mòrènshēngxiào.

Если нет возражений между двумя сторонами, **то** договор вступает в силу по умолчанию.

要是.....那yàoshì.....nà- **если ... то**

人要是自高自大, 瞧不起别人, **那**就不能进步。

Rén yàoshi zìgāozìdà, qiáobùqǐ biérén, nà jiù bùnéng jìnbù.

Если люди высокомерны и смотрят свысока на других, **то** они не могут продвигаться вперед.

如果.....那么rúguǒnàme,- **если ... то**

如果你喜欢保持你的性格, **那么**, 你就无权拒绝你的处境。

Rúguǒ nǐ xǐhuān bǎochí nǐ dì xìnggé, nàme, nǐ jiù wú quán jùjué nǐ de chǔjìng.

Если вы хотите что-то изменить, **то** вам следует изменить свой характер (Роман Роланд).

既然.....就jìránjiù, =既然.....那么jìrán..... nàme – **раз ... то.**

既然你今天不想来, **就**下周来吧。

Jìrán nǐ jīntiān bùxiǎng lái, jiù xià zhōu lái ba

Раз не хочешь прийти сегодня, **то** приходи на следующей неделе.

既然谁都不反对, **那么**我也只好同意。

Jìrán shéi dōu bù fǎnduì, nàme wǒ yě zhǐhǎo tóngyì.

Раз никто не возражает, **то** придется и мне согласиться.

不是.....就是 bùshìjiùshì- **если не ... то;**

在这个世界上不是你影响别人, **就是**别人影响你。

Zài zhège shìjiè shàng bùshì nǐ yǐngxiǎng biérén, jiùshì biérén yǐngxiǎng nǐ.

***Если** вы не оказываете влияния на других в этом мире, то они влияют на вас.*

В следующих предложениях используются парные сочетания, в состав которых входят союзные **фразеологические единства**, например:

如果不合适的话, 那么我们可以给你换新的。

***При условии если** это не подходит, **то** мы можем заменить.*

假若你无论如何也不配合我们的工作, 那么我们将会采取强制措施。

Jiǎruò nǐ wúlùn rúhé yě bù pèihé wǒmen de gōngzuò, nàme wǒmen jiāng huì cǎiqǔ qiángzhì cuòshī

***При условии если** вы так и не будете с нами сотрудничать, мы примем меры принуждения.*

Далее приведём примеры предложений с рамочными конструкциями, компонентами которых являются союзы и специальные лексические элементы. Эти словосочетания, называемые союзными фразеологическими единствами, являются показателями границ придаточных предложений условия и причины. Их компоненты, неизменно помещаясь в начале и в конце придаточного предложения, как бы обрамляют его с двух сторон:

如果.....的话rúguǒ....dehuà

如果你提出书面申请的话, 他们就会拨给你资金。

Rúguǒ nǐ tíchū shūmiàn shēnqǐng dehuà, tāmen jiù huì bō gěi nǐ zījīn.

***Если** вы подадите письменное заявление, они выделяют вам средства.*

如果你不能改变你的容貌的话, 那么就改变你的行为吧!

Rúguǒ nǐ bùnéng gǎibiàn nǐ de róngmào dehuà, nàme jiù gǎibiàn nǐ de bǎoqíng ba!

***Если** вы не можете изменить свою внешность, **тогда** измените свое поведение!*

Таким образом, отметим, что сравнивая пары условных сложноподчиненных предложений в контактирующих языках, мы заметили, что русские сложноподчиненные предложения схожи по семантическому признаку и средствам выражения с их китайскими

коррелятами. Однако встречаются расхождения количественного порядка касательно союзных синонимов, семантизирующих в языках сравнения тот или тип условного значения.

Список литературы:

1. Бай Сяохун. Служебные слова китайского языка. – Пекин, 2007. (白晓红, 汉语虚词. –北京, 2007.
2. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. Перевод с китайского. – М.: Иностранная литература, 1954. – 245 с.
3. Горелов В. И. Грамматика китайского языка – М.: Просвещение, 1982. – 280 с.
4. Коротаева Э.И. Условные предложения. – Ученые записки ЛГУ. – С. 180. Серия филологических наук. Вып. 21. Исследования по грамматике. –Л., 1955, С. 291-341.
5. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. – М., 1980, 563 с.
6. Степаненко, С. Л.Выражение условных отношений в простом и сложном предложениях: пособие для иностранных учащихся экономического профиля обучения / С. Л. Степаненко, А. С. Степаненко. – Минск: БГУ, 2013 – 66 с.

References:

1. Bay Syaokhun. Sluzhebnyye slova kitayskogo yazyka. – Pekin, 2007.
2. Van Lyao-i. Osnovy kitayskoy grammatiki. Perevod s kitayskogo. – М.: Inostrannaya literatura, 1954. – 245 с.
3. Gorelov V. I. Grammatika kitayskogo yazyka – М.: Prosveshcheniye, 1982. – 280 s.
4. Korotayeva E.I. Uslovnyye predlozheniya. – Uchenyye zapiski LGU. – S. 180. Seriya filologicheskikh nauk. Vyp. 21. Issledovaniya po grammatike. –L., 1955, S. 291-341.
5. Russkaya grammatika. T.2. Sintaksis. – М., 1980, 563 s.
6. Stepanenko, S. L.Vyrazheniye uslovnykh otnosheniy v prostom i slozhnom predlozheniyakh: posobiye dlya inostrannykh uchashchikhsya ekonomicheskogo profilya obucheniya / S. L. Stepanenko, A. S. Stepanenko. – Minsk: BGU, 2013 – 66 s.

УДК/UDC 81:572

Ценностно-смысловое пространство художественного текста В.Н. Крупина «Мария Сергеевна»

Покручина Майя Юрьевна
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Лицей № 32»
г. Белгород, Россия
e-mail: pokru4ina@list.ru
SPIN-код: 8379-9356

Аннотация

В данной статье представлен лингвистический анализ рассказа В.Н. Крупина «Мария Сергеевна» как художественного текста, репрезентирующего национально-культурные коды русской ментальности. Этнокультурная маркированность текста влияет на его стилистическую модальность и обуславливает особенности наррации. Пространство текста представляет собой индивидуально-авторское речемыслительное отображение действительности в чувственно-ассоциативном восприятии, доминантами которого становятся ценностные универсалии веры и доброты. Апперцепция памяти выступает в качестве связующего звена в лирикопрозаическом тексте, память репрезентирует сложное явление апперцепции и трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями.

Ключевые слова: лирический прозаический текст, ценностные доминанты, прецедентный центр, смысловое развертывание текста, апперцепция памяти, ценностно-смысловое пространство текста.

Value-semantic space of v.n. krupin's literary text
Maria Sergeevna

Pokruchina Maya Yurievna
teacher of Russian language and literature
MBOU "Lyceum No. 32"
Belgorod, Russia
e-mail: pokru4ina@list.ru
SPIN: 8379-9356

Abstract

This article presents a linguistic analysis of V .N. Krupin "Maria Sergeevna" as a literary text representing the national and cultural codes of the Russian mentality. The ethno-cultural markedness of the text affects its stylistic modality and determines the features of narration. The space of the text is an individual-author's speech-thinking reflection of reality in sensory-associative perception, the dominants of which are the value universals of faith and kindness. The apperception of memory acts as a link in the lyrical prose text, memory represents the complex phenomenon of apperception and is transformed, supplementing the updated perception with various individual-sensory nominations.

Key words: lyrical prose text, value dominants, precedent center, semantic development of the text, apperception of memory, value-semantic space of the text.

Творчество В. Н. Крупина продолжает традиции русской классической литературы, его художественное миропонимание близко в повествовательном и смысловом изображении прозе И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, И. Н. Шмелева. На первом плане в прозе писателя – духовные христианские ценности, причем для автора «важна не просто религиозная, а *духовная* проблематика» [3: 242]. Именно эта особенность, определяемая этнокультурной маркированностью его текстов, создает особое ценностно-смысловое пространство, константой которого является Вера.

Т. А. Кошурникова отмечает, что рассказы В. Н. Крупина отличаются особенной лиричностью [2], эта же мысль прослеживается в работах И. Ю. Седых [6], Л. Н. Скаковской [7]. Особенности смыслового развертывания и наррации рассказа «Мария Сергеевна» позволяют категоризировать его как лирикопрозаический текст, то есть, как указывает

Е. Г. Озерова, как текст, своеобразие которого «заключается в особом духовно-чувственном мышлении на грани поэтического нарратива и художественного философствования о смысле и ценности жизни, панорамной репрезентации действительности через преломление Я-пространства и культурно-исторической действительности» [4: 5]. Данный рассказ репрезентирует культурные, православные и социально-психологические принципы поведения человека – представителя русской лингвокультуры. Кроме того, пространство текста представляет собой субъективное рече-мыслительное отображение действительности в авторском чувственно-ассоциативном восприятии: *«В этом году была такая длинная и такая теплая осень, что, казалось, и зима не наступит. Нет, наступила. Уже и приходила несколько раз, были даже метели, заморозки, но все потом таяло, хлюпало под ногами. Московские мостовые были как лотки с грязной снежной жижей. Воздух города и без того тяжелый прессовался еще и выхлопными газами, которых зимой становилось больше»*. В данном контексте чувственно-ассоциативное восприятие репрезентируется с помощью глагольных лексем *таяло*, *хлюпало*, *(воздух) прессовался*, сравнительного образа лотков *с грязной снежной жижей*. Следующая далее погодная антиномия (*грязная серая жижа – пушистый снег*) выстраивается на основе авторского отображения действительности в восприятии обывателей, которое обладает особой поэтичностью и образностью: *«Все поверили, что наступила зима, когда однажды утром город покрыл пушистый снег. Он шел тихо и празднично. Дети вытаскивали ладошки из варежек и ловили снежинки. Снег все шел и шел, будто небо так долго копило его запасы, именно такого, легкого узорного, копило до тех пор, пока не увидело, что земля готова его принять и сохранить»* – такое образное представление в тексте создается на основе перцептивных эпитетов *пушистый*, *легкий*, *узорный*, наречных форм *тихо* и *празднично*, создающих аудиальную и визуальную составляющие, олицетворения *небо копило запасы*, *земля готова сохранить*. Однако художественное изображение действительности яв-

ляется лишь ступенькой для формирования смысловой архитектоники текста.

Сюжет и ценностная доминанта рассказа разворачиваются на основе изображения бездомной старухи Марии Сергеевны, которая *«не могла сказать о себе, что очень набожна»*, но никто ее не трогал, ведь *«старуха молилась за всех»*. Основой формирования аксиологической составляющей текста становится художественно-образная интериоризация лексемы *чистота*, лингвокогнитивный перенос номинации в процесс речемышления [12: 7] и художественно-образная модификация в этнокультурный компонент «Чистота», имплицитно связанный с концептом «Вера». О важности данного этнокультурного компонента в тексте говорит его номинативная плотность (компонент представлен лексемами *чистота, чистенько, нечистота, чистюля, чище, чистый, чистоначисто*) и высокая частотность (10 употреблений). Трансформация семантики лексемы происходит в контексте, где она имплицитно приобретает коннотативное значение чистоты духовной, наивности, простоты, что отображается в образе старушки.

Прецедентный центр рассказа – два места из Священного Писания, которые помнила и повторяла Мария Сергеевна: 1) *«и Спаситель не имел места, где голову приклонить»*, 2) *«Господь их любит, что нищие ничего не имеют, но всем обладают»*. Автор вкладывает в уста героини, не понимающей до конца значение их, слова, иллюстрирующие ее жизненные обстоятельства, тем самым образуется имплицитная связь, репрезентирующая православное мировосприятие. Национально-культурная специфика рассказа «Мария Сергеевна» эксплицируется через культурный концепт «Вера», обладающий этноязыковой маркированностью. Этнокультурное пространство текста актуализируется стилистически разнообразно – это синтез прецедентной лексики в сочетании с разговорно-просторечными вкраплениями: *«Старуха давно не была в церкви. Куда она пойдет, такая? С ней рядом и стоять-то, наверное, стыдно. Наверное, и запах от нее нехороший. Вот чего больше всего боялась старуха, того, что ее будут сторониться. Конечно, она*

как могла держала чистоту. Даже ухитрилась стирать у Николая в кочегарке. В старом ведре, стараясь не касаться стенок. Сушила на горячих трубах. Но вот самой было вымыться негде. И для нее, бывшей необыкновенной чистюлей в прошлой жизни, телесная нечистота была самым ужасным испытанием» – достаточно нетипичным представляется выражение *держать чистоту*, внутренняя форма данного устойчивого выражения (полагаем, что его можно приравнять к фразеологическому сращению) имплицитно ссылается на церковный фразеологизм *держать пост*, тем самым в контексте оно претерпевает вторичную семантизацию. Коннотативное значение возникает как результат смысловой градации: церковь – стыд – страх. Использование в этом же контексте разговорной лексики *ухитрилась*, *чистюля* способствует, во-первых, снижению пафоса текста, во-вторых, созданию эффекта сопричастности и доверительного отношения у читателя. Именно эта особенность обеспечивает воспитательный потенциал текста для читателя, поскольку этнокультурная составляющая текста не только демонстрирует культуру духовных ценностей, но и способствует формированию языкового сознания русского православного человека.

Стилистическая фигура антитезы становится основой смыслового развертывания текста:

- *холодная грязная жижа – белый пушистый снег*,
- *старуха – девочка*: актуализируется субъективное воспоминание: «*тоже когда-то была девочкой, и в ее жизни были такие радостные снега*». Коннотативная репрезентация образа снега также строится на основе контраста: снег в детстве, в «прошлой жизни» – это радость (*радостные снега*), снег в нынешней жизни – испытание на выживание;
- чистота духовная – телесная нечистота (старуха) и наоборот, телесная чистота и духовная нечистота, телевизионная «зомбированность»;
- нищета, отсутствие даже самого необходимого, и чрезмерное изобилие в квартире у Кожемякиных: «*Обилие флаконов, бу-*

тылочек, тюбиков, тяжелые махровые халаты, висящие на бронзовых крючках, прозрачная, сияющая занавесь, электрические зайчики на узорных плитках стены и потолка из рифленого белого металла».

Апперцепция памяти выступает в качестве связующего звена в художественном тексте, память преобразует прошлое в образы [5: 21], тем самым активизирует лирическую архитектуру текста. Важна аксиологическая составляющая апперцепции памяти в рассказе, именно образное воспоминание и повторное его проживание, «узнавание» в старухе умершей бабушки подвигло Сергея Николаевича на совершение доброго дела. Нравственная потребность в доброте прослеживается на протяжении всего текста, это превалирующая авторская интенция – важность добрых взаимоотношений. Мария Сергеевна не стала терпеть недоброе отношение в доме престарелых и предпочла остаться на улице, однако пьющий кочегар Николай, узнав в ней старую учительницу своих детей, проявил доброту и привел в кочегарку. Доброту проявляет и Сергей Николаевич, но ее причина – жалость к старухе («*посмотри на ту старуху, ветром шатает*») и сходство женщины с умершей бабушкой, воспитавшей его детей. Временная характеристика и ценностная доминанта семантически приближают этот текст к рождественской новелле «Дары волхвов» О’Генри, однако говорить об интертекстуальных отсылках не приходится, произведения объединяет лишь понимание, что счастье именно в духовных ценностях, а не в материальном воплощении.

Завершается рассказ также образной репрезентацией памяти: «*Но теперь он уже всегда вспоминал ее, и особенно вспоминал, когда шел снег. Новогодний, легкий, кружевной снег, снежинки которого дети ловили своими маленькими ладошками*». На наш взгляд, в данном контексте следует говорить о характерном для лирического прозаического текста ассоциативном рессентименте, «новом переживании, вызванном ассоциативным восприятием прошлой действительности, благодаря которому прежнее чувство усиливается» [4: 107]. О том, что перед нами воспоминание прошлого, свидетельствуют глаголы прошедшего време-

ни *вспоминал, ловили*. О том, что перед нами новое переживание, и чувство это усиливается, говорит, во-первых, смена героя, глазами которого автор изображает снег, во-вторых использование лексемы *всегда*, репрезентирующей значение бесконечности. Таким образом, реализуется такая особенность лирического прозаического текста, как эмоционально-содержательная целостность и завершенность: рассказ заканчивается все тем же образом снега.

Итак, ценностно-смысловое пространство рассказа «Мария Сергеевна» порождается на основе национально-культурных универсалий веры и доброты, духовно-нравственные факторы чувственного восприятия обусловлены апперцептивными установками индивидуально-авторского мировосприятия, культурная коннотация которого раскрывает имплицитные смыслы. Таким образом, в тексте репрезентируется когнитивная имманентная система культурных кодов православного сознания, которая репрезентирует духовную самобытность русского народа.

Список литературы:

1. Алефиренко, Н. Ф. Лирикопрозаический речевой жанр: феноменологическое обоснование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131). С. 5–11.
2. Кошурникова, Т. В. Жанровые модификации в творчестве В. Н. Крупина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. В. Кошурникова. – Москва, 2008. – 254 с.
3. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья / А. М. Любомудров; Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 271 с.
4. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография / Е.Г. Озерова. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.
5. Озерова, Е. Г. Когнитивные аспекты апперцепции памяти / Е. Г. Озерова, Н. В. Попиль // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6 (203). С. 21-27.
6. Седых, И. Ю. Рассказы о детях и для детей современного прозаика В. Н. Крупина / И. Ю. Седых // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы V Международной научной конференции, Казань, 20–23 марта 2019 го-

да. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Молодой ученый», 2019. С. 5-9.

7. Скаковская, Л. Н. Проза Владимира Крупина (Проблематика и поэтика) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. Н. Скаковская. – Тверь, 1994. – 181 с.

References:

1. Alefirenko, N. F. Lyric and prosaic speech genre: phenomenological substantiation / N. F. Alefirenko // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities. - 2012. No. 12 (131). Pp. 5–11.

2. Koshurnikova, T.V. Genre modifications in the work of V.N. Krupin: specialty 10.01.01 "Russian literature": dissertation for the degree of candidate of philological sciences / T. V. Koshurnikova. - Moscow, 2008. 254 p.

3. Lyubomudrov, A. M. Spiritual realism in the literature of Russian abroad / A. M. Lyubomudrov; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). - St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 271 p.

4. Ozerova E.G. Russian lyric-prose text: discursive-cognitive aspect: monograph / E.G. Ozerov. - Belgorod: IPK NRU "BelGU". 2012. 276 p.

5. Ozerova, E. G. Cognitive aspects of memory apperception / E. G. Ozerova, N. V. Popil // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities. 2015. No. 6 (203). Pp. 21-27.

6. Sedykh, I. Yu. Stories about children and for children of the modern prose writer V. N. Krupin / I. Yu. - Kazan: Limited Liability Company "Publishing House Young Scientist 2019. Pp. 5–9.

7. Skakovskaya, LN Prose of Vladimir Krupin (Problematics and Poetics): specialty 10.01.01 "Russian Literature": dissertation for the degree of candidate of philological sciences / LN Skakovskaya. - Tver, 1994. 181 p.

УДК/UDC 811.111

Особенности трансформации современного английского языка

Селейдарян Элина Михайловна

преподаватель кафедры иностранных языков

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: elina_badalova@mail.ru

SPIN-код: 8496-3106

Аннотация

В данной статье автором предпринимается попытка обобщить те подходы к пониманию особенностей трансформации английского языка, которые бытуют в научных кругах в настоящее время.

Ключевые слова: английский язык, изменения языковой среды, трансформация английского языка.

Transformation features of the modern English language

Selejdaryan Elina Mikhajlovna

Lecturer of Foreign Languages Department

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: elina_badalova@mail.ru

SPIN-code: 8496-3106

Abstract

In this article the author attempts to generalize those approaches for understanding the peculiarities of the transformation of the English language that exist in scientific circles at the present time.

Key words: the English language, changes in the language environment, transformation of the English language.

Язык следует рассматривать, как динамический процесс. Он постоянно находится под влиянием различных социальных преобразований, и это приводит к его развитию, обновлению и трансформации на всех временных отрезках его существования. Согласимся, что «люди смотрят на мир через свой язык. Язык образует вокруг человека круг, и выйти за пределы этого круга можно только, освоив новый язык» [1].

Например, современный английский язык имеет значительные отличия от того английского языка, на котором писал Шекспир, и чтение классических произведений XVI-XVII становится непростым испытанием даже для носителей британского английского. В качестве примера можно привести фразу из «Кентерберийских рассказов» (Д. Чоссер, XIV век): в оригинале читается как “Whan that Aprille with his shoures soote <...>”; в современном английском было бы сформулировано “When April with its sweet showers <...>”.

Еще Джонатан Свифт [2] в 1712 году категорично протестовал против изменений в английском языке и взывал к необходимости «зафиксировать» его и тем самым обеспечить его сохранность (адресованное лорду Оксфорду эссе на эту тему вызвало широкий положительный отклик в британском обществе). В данной статье автор утверждал, что языку лучше оставаться несовершенным, чем беспрерывно подвергаться изменениям. В качестве примера трансформации языка в негативную сторону Свифт привел опыт римлян, которые стали усложнять свой язык и наполнять его изощренными тонкостями, в результате чего язык фактически потерял свою простоту и привлекательность для выражения мыслей.

Концепция «зафиксированного» языка в настоящее время имеет поддержку как в научных кругах, так и в высшем обществе Британии. Однако существуют и альтернативные точки зрения. В частности, известный ученый-лингвист Д. Кристал [6] еще в 1960-х годах утверждал,

что академический английский язык можно сравнить с жадным людоедом, который живет в университетских замках и колдует над созданием различных вербальных абоминаций, чтобы промывать студентам мозги. Он склонялся к мнению, что носители английского языка естественным образом запускают процессы трансформации языка, и это должно оставаться свободным творческим процессом, который сам собой инициируется в социуме как ответ на меняющиеся условия жизни людей.

В своей статье Д. Кристал выдвигал также следующие идеи:

- языки и диалекты невозможно субъективно сравнивать, поскольку они являются результатом естественных и постоянных изменений под влиянием социальных условий;

- в рамках одного языка существует множество стилей, продиктованных разными условиями и сферами применения, поэтому использование конкретных формулировок будет уместным в одной ситуации и совершенно не соответствовать другой;

- неприятие к особенностям использования языковых средств какой-то социальной группой (или отдельным человеком) – это крайний эгоцентризм, не учитывающий все многообразие лингвистического пространства;

- пустословие и краснобайство заслуживают порицания.

К настоящему времени многие исследователи поддерживают идею Кристала о том, что язык следует воспринимать как гибкую и многофункциональную систему, которая постоянно трансформируется.

Однако существует и мнение о «монолитности» английского языка, о его неделимости как системы. В пользу этой концепции приводятся следующие доводы:

- человеческое восприятие ограничено, и поэтому невозможно анализировать происходящие в языке объективные изменения в режиме реального времени;

- стандартизированный язык является неотъемлемым достоянием нации, а также имеет статус ключевого элемента традиционной культуры образования.

В данной формулировке не случайно упоминается образование – именно британская образовательная система активно продвигает идеи «монолитности» современного английского языка и настаивает на том, что нужно закреплять исторически сложившиеся литературные нормы. Таким образом, предполагается сохранить целостность и чистоту английского языка.

Существует также идея «плюралистического» английского, которая зародилась на основании анализа влияния глобализации на трансформацию национальных языков. Помимо объективных интегративных процессов, которые происходят во всем мире в результате развития современного цифрового общества, следует учитывать также и широкое распространение английского языка в глобальных масштабах, что закономерно повлекло за собой возникновение многих его вариантов. Исследователи сходятся во мнении, что попытки продвижения единого «правильного» варианта английского не приведут к успеху, поскольку стандартизация не способствует эффективной транснациональной коммуникации.

Уточним, что практика преподавания английского языка в разных странах подтверждает, что в условиях глобализации образования обучать «стандартизированному» английскому будет недостаточным для налаживания нормальной коммуникации, так как «одним из путей обучения иностранным языкам является изучение языка на основе коммуникации» [3]. Необходима информация страноведческого характера, которая помогает лучше понять действительность и национальные особенности страны, региона, города, в котором живут, поскольку без достаточного знания языка партнера по коммуникации, а также страноведческой информации полноценное общение носителей разных этнических социумов невозможно, а это, в свою очередь, «раздвигает рамки картины мира обучающихся, способствует развитию и расширению межкультурных связей» [4].

Ряд исследователей трансформации современного английского языка ожидаемо связывают изменения с объективными культурными и

социальными процессами, происходящими в мире сегодня, и в первую очередь с повсеместным распространением информационных технологий, поэтому «необходимо обратить внимание на такие направления развития, которые наглядно демонстрируют направленность на коммуникативную культуру и гуманистические ценности» [5].

Они сравнивают изменения в языке с тем, как меняется мода в одежде, еде, дизайне жилища, и акцентируют внимание на неосознанном копировании и передаче языковых привычек от одних людей к другим.

В результате личных контактов языковые формы, неологизмы и даже акцент может переноситься между разными социальными группами. Это постепенно переходит в языковую социальную осведомленность, и с течением времени новые языковые стандарты могут вытеснить традиционную норму использования устоявшихся слов и выражений. В качестве примера можно привести длящийся многие века спор о том, следует ли использовать в академическом английском языке разделенного инфинитива – сочетания препозитивного наречия, либо заменять его адвербиальной конструкцией с постпозитивным инфинитивом.

Таким образом, можно сделать следующий обобщающий вывод: независимо от используемых в научных кругах теоретических подходов к трансформации английского языка, в реальной жизни язык проявляет себя как развивающаяся система, реагируя на воздействие многих факторов: глобализации, информатизации, изменения социальной и политической жизни, культурные тренды и пр. В результате возникают семантические сдвиги, у привычных слов появляются дополнительные коннотации, а полноценные словесные конструкции сокращаются для удобства их использования в современных мессенджерах. Широко распространены неологизмы, набирают популярность пиктографические формы коммуникации. Все эти тенденции можно отметить как общие направления трансформации английского языка в современном мире.

Список литературы:

1. Донскова Л. А. Мультилингвизм в социокультурном пространстве. В сборнике: Язык как зеркало культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; ФГОУ ВО Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. Краснодар, 2021. С. 80-85.
2. Свифт Дж. Предложение об исправлении, улучшении и закреплении английского языка [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.Com. 2015. URL: <http://goo.gl/pci1LW> (дата обращения: 18.10.2021).
3. Донскова Л. А. Изучение иностранного языка как способ развития коммуникативной компетенции. В сборнике: Язык. Культура. Общество. Сборник статей по материалам межвузовской научно-методической конференции, посвященной 85-летию образования кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета. Министерство сельского хозяйства РФ; Кубанский государственный аграрный университет. 2016. С. 140–146.
4. Аракелян Н. С. Учебная экскурсия как способ формирования лингвострановедческой компетенции у иностранных учащихся. В сборнике: Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 7-10.
5. Зайцева А. Э. Коммуникативная компетентность как фактор развития личности обучающихся. В сборнике: Язык. Образование. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за выпуск А. С. Усенко. Краснодар, 2019. С. 53–58.
6. Crystal D. A Language must change, to keep pace with society // Liverpool Daily Post. 1963. May, 16. Pp. 9–10.

References:

1. Donskova L.A. Multilingualism in the socio-cultural space. / In the collection: Language as a mirror of culture. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference. Ministry of Agriculture of the Russian Federation; the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. Krasnodar, 2021. Pp. 80–85.
2. Swift J. Proposal to correct, improve and consolidate the English language [Electronic resource] // Electronic Library RoyalLib.Com. 2015. URL: <http://goo.gl/pci1LW> (access date: October 18, 2021).
3. Donskova L. A. Learning a foreign language as a way of developing communicative competence. / In the collection: Language. Culture. Society. Collection of articles based on the materials of the interuniversity scientific and methodological

conference dedicated to the 85th anniversary of the formation of the Department of Foreign Languages of the Kuban State Agrarian University. Ministry of Agriculture of the Russian Federation; Kuban State Agrarian University. 2016. Pp. 140–146.

4. Arakelyan N.S. Educational excursion as a way of formation of linguistic and cultural competence among foreign students. / In the collection: Actual problems of theoretical and applied linguistics. Collection of articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza, 2021. Pp. 7–10.

5. Zaitseva A.E. Communicative competence as a factor of personality development of students. / In the collection: Language. Education. Culture. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Responsible for the release is A.S. Usenko. Krasnodar, 2019. Pp. 53–58.

6. Crystal D. A Language must change, to keep pace with society // Liverpool Daily Post. 1963. May, 16. Pp. 9–10.

УДК/UDC 8.1.1

Изучение Эргонимов Строительной Сферы в Структурно-Семантическом Аспекте

Хохлова Анна Алексеевна

Преподаватель

Самарский Государственный технический Университет

Самара, Россия

e-mail: khokhlova.anna@mail.ru

SPIN-код: 3358-1240

Аннотация

В статье дается описание изучения эргонимов Самарской области строительной сферы в структурно-семантическом аспекте. В статье отмечается междисциплинарное изучение эргонимов в лингвистических исследованиях в рамках различных аспектах. Автор делает попытку классифицировать и описать эргонимы строительной сферы в зависимости от структурных компонентов. Описание и характеристика эргонимов обнаруживает различные тематические группы данной сферы.

Ключевые слова: эргоним, имя собственное (ИС), ономастика.

The Study of Ergonyms of the Construction Sector in the Structural Semantic Aspect

Khokhlova Anna Alekseevna

Teacher

Samara State Technical University

Samara, Russia

e-mail: khokhlova.anna@mail.ru

SPIN code: 3358-1240

Abstract

The article describes the study of ergonyms of Samara region of the construction sector in the structural and semantic aspects. The article notes the interdisciplinary study of ergonyms in linguistic research in various aspects. The author makes an attempt to

classify and describe the ergonyms of the sphere depending on the structural components. The description and characterization of ergonyms reveals various thematic groups of the sphere.

Key words: ergonym, proper name, onomastics.

Изучения эргонимов, как разновидности онимов, поднимался в работах отечественных и зарубежных лингвистов в различных аспектах. Работа Б. З. Букчиной посвящена словам на вывесках (1968). С. А. Копорский исследовал лексико-семантические особенности названий (1969). Работа А. В. Суперанской по общей теории ИС является базовой для онимастических исследований 1973. Термин эргоним вводится Н. В. Подольской на основе классификации А. В. Суперанской (1988). Комплексное описание эргонимов отмечено в работах М. Я. Крюковой Н. Н. Крюковой, Ф. Ф. Алистановой (2011), А. М. Емельяновой. Семантика и прагматика эргонимов описана в работе М. Г. Курбановой (2015). В. А. Крыжановская (2017) выполнила исследование в структурно-семантическом и прагматическом аспектах. Работы Т. П. Романовой, Н. В. Шимкевича (2002) связаны с прагматическим и коммуникативными аспектами. Т. М. Шмелева проводит исследование в функционально прагматическом аспекте. Эргонимия регионов России изучалась И. А. Астафьевой (1996), Т. Н. Николаевой и В. А. Корпункова (1997), С. В. Земсковой (1996), Д. А. Яловец-Коноваловой (1997), Е. А. Яковлевой (1999), Р. И. Козлова (2000), Н. А. Янко - Триницкой (1997). В рамках лингвокультурологического подхода выполнены исследования, Н. О. Григорьевой, Ю. В. Железновой, И. Ю. Русановой, Ю. Н. Шаталовой, А. Н. Медведевой, С. А. Питиной, В. А. Романенко, В. Т. Мизернюк. В социолингвистическом, лексико-семантическом, структурно-грамматическом, риторическом аспектах выполнены работы А. М. Емельяновой (2007), Носенко Н. В. (2007), Г. Н. Алиевой (2008-2011).

Следует отметить, что ученые определили, что эргонимы являются микросистемой [Алистанова 2011], представляют отдельную группу оним-

мов [Курбанова 2015], отражают изменения в социальной сфере [Крыжиновская 2017] Кроме того, автор считает, что существует языковая мода на эргонимы и выделяет 3 типа: американизацию, архаизацию и символизацию. В нашем исследовании мы связываем американизацию с необоснованной контаминацией русского языка. Эргонимы с невысокими коммуникативными признаками характеризуются как «непрагматические» [Шимкевич 2002]. И.Н. Кайгородова, М.Г. Курбатова полагают, что эргоним определяется как «разновидность полисемиотичного текста массовой коммуникации, целью которого является оказание прагматического воздействия на адресата, заключающееся в том, чтобы побудить его к приобретению товара» [Кайгородова, Курбатова, 2012: 26]. М.А. Петрова считает, что значительная группа эргонимов способна функционировать как «единица лингвистического пространства города» [Петрова 2011:97], «идентифицировать объект в пространстве города» [Прокудина 2012:214], «обладать отдельными признаками топонима урбанистического пространства, относясь при этом к разряду коммерческих именованных» [Прокудина 2012:215]; «являться частью пространства города» [Арустамян 2014:44], «конкретизировать пространственную составляющую» [Питина 2020:91]. Территориально и регионально обусловленные эргонимы отличаются обширным прагматическим потенциалом: «характеризуют доминирующие в общественном сознании символические маркеры» [Назукина 2019:66] и выступают в качестве «средства, формирующего социально-культурное пространство города и прямо влияют на языковую личность» [Косаренко, 2016:54]. Кроме того, высказано предположение, что эргоним является обобщенным понятием, так как каждый из объектов (научных, учебных, производственных учреждений и т.п.) выполняет свои функции и «номинация любого из названных объектов должна быть мотивирована в зависимости от цели функционирования конкретного объекта», [Федотова, 2016: 86].

Для современного этапа изучения эргонимов характерен акцент на частных видах и типах данных имен, таких, как фирмоним, бизнесоним, коммерсоним (наименования фирм [Шмелева 2014:12]), темоним (наиме-

нования объектов, функционирующих в правовом пространстве [Кривицкая 2020:44; Шимкевич 2002:6]), трапезоним (наименования заведений общепита) [Шмелева 2014:12, Кожина, Рассоха]; медэргоним (имя организации, оказывающей медицинские услуги [Разумов 2012:49]), артиэргоним (название организации, осуществляющей деятельность в области искусства [Разумов 2012:49]), социоэргоним (наименование социальных учреждений [Разумов 2012:49]), официоним (название организаций, партий, должностных лиц [Пономарева 2001; Сологуб 2013:97]).

Между тем, изучение эргонимов в структурно-семантическом аспекте является перспективным. Материалом для исследования послужили эргонимы Самарской области, относящиеся к строительной сфере (названия строительных компаний и организаций). Языковой материал был взят из онлайн справочника организаций Самары <https://samara.bizly.ru/>. Языковой материал был собран методом сплошной выборки. Было проанализировано 1989 наименований, из которых 670 – строительные компании, 428 – проектные организации, 362 – компании по водоснабжению и водоотведению, 120 –инжиниринг, 245- кондиционирование, 164 – котлы и котельное оборудование.

В этой статье эргонимы строительной сферы охарактеризованы в структурно семантическом аспекте. Анализ языковых примеров проводился в несколько этапов. Сначала проводилась выборка названий, затем проводился структурный анализ, в котором было выявлено наличие однокомпонентных, двухкомпонентных и многокомпонентных эргонимов. Примеры эргонимов разных типов представлены (табл. 1).

Однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные эргонимы.

Однокомпонентные	Двухкомпонентные	Многокомпонентные
Мастер	Мастер дом/Vip мастер/дом-75	Мастер в доме
Усадьба	Самарская усадьба	Средне-Волжская компания
Слобода	Самарская слобода	Умный дом Самара
Дом	Компания Волга	РосРегионРазвитие
Монолит	Славянская изба	

Таблица 1

Затем производился семантический анализ, который выявил наличие других разрядов имен собственных в эргонимах. Другие разряды включают географические названия (гидроним, топоним, ороним, антропонимы, мифонимы). Анализ показал, что эргоним может представлять собой другой разряд имени собственного или содержать другой разряд ИС в качестве компонента. Так в названия можно встретить географические названия (топоним, гидроним или ороним) Самарской области. Например, АО «Жигулевское пиво», Компания Самара-Базис, ООО СК «Радамира», ООО «Прометей» и другие.

Семантический анализ эргонимов с выявлением других разрядов ИС

гидроним	топоним	ороним	антропоним	мифоним	Космоним	хремотоним
Волга	Самара	Жигули	Марта, Яна, Радамира	Прометей, Гефест Велес Дедал	Сатурн Меркурий-С	МастерОк Траверс

Таблица 2

Среди примеров эргонимов следует рассмотреть отдельно аббревиатуры и сложносокращенные слова. Аббревиатуры и сложносокращенные слова в названиях строительных компаний и организаций продолжают советскую лингвистическую традицию номинации. Подобная традиция, как правило, вызывает у носителей языка ощущение фундаментальности и качества. Например, *Рустрой, Стройснабсервис, ГлавРемСтрой, РосЭнергоСтрой, ИСК (Инновационно строительная компания)* и другие.

Характеристика эргонимов по тематическим группам обнаружила следующие группы:

1) Строительство/дизайн/проект

Например, *РегионСтрой, Монолит, РегионСтройТорг, ВолгаСтройКом, Юнион Строй Волга, Самарский электромонтажстрой, СРО НП Содружество строителей*

- 2) Ретроизация (обнаруживает лексику разных исторических периодов)

Изба, Славянская изба, Усадьба, Самарская усадьба, Трест-63, Слобода, Самарская слобода, Союз славянских мастеров, Пекулий (лат. Resiliunt), Архитектурно-строительная компания Dotus, Многопрофильная Фирма Гостиный двор, ПромЖилСтрой, Бюро архитектуры и строительства АиСТ, Проектное бюро

- 3) Качество/надежность/технологичность

Гарант, Стадарт, Вершина, Перспектива, Аангард, ГлавСтрой, Мастер, Рекорд-С, СБ-Максимум, Компания Новые технологии, Умный дом Самара, РосРегион Развитие, Константа Капитал, Ремстрой-Новатор

- 4) Материалы

Монолит, Гранит, Вятский лес, Диорит, РосФеррум, Нафта, Строительная организация Центр деревянных конструкций, Кристал

Кроме того, анализ эргонимов строительной сферы обнаруживает следующие особенности:

- наличие примеров языковой контаминации. В таких эргонимах содержатся компоненты De luxe, Vip, Моторс, стайл, хаус, вуд, фриз, ок, топ, феррум, лайн которые могут рассматриваться элементы как языковая игры или пример графических трансформаций (Изба Deluxe, МастерОк, Vip Мастер, Индэст Development)
- наличие диминутивов в составе эргонимов (напр. *Добротная банька, Садовые домики*)
- наличие региональных компонентов (Самара, Поволжье, Жигули, Волга, 63, 163, регион)

Подводя итоги, можно заключить, что эргонимы строительной сферы представляют интересный и перспективный материал для исследования. Изучение эргонимов в структурно-семантическом аспекте

можно сочетать с другими аспектами в зависимости от целей исследования. Результаты исследования могут быть полезными как для решения лингвомаркетологических задач, так и для различных ономастических исследований.

Список литературы:

1. Григорьева Н. О. Региональные проекции лингвокультуры: эргонимы / Н.О. Григорьева // Динамика лингвокультурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 152-156.
2. Голомидова М. В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 186-196.
3. Крыжановская В.А. Квазимотивация как тип графической трансформации эргонима // Русский язык в мультикультурном мире, 2019, 376-378, ISBN 978-5-907162-63-1.
4. Крюкова И. В. Рекламное название: от изобретения к приоритету: автореф. дис.... канд. техн. наук / И. Крюкова. Доктор филологических наук: 10.02.19 / Волгоградский государственный педагогический университет. - Волгоград, 2004. - 40 с.
5. Лейчик В.М. Алиса - имя собственное (О современных названиях бирж, фирм...) // Русская речь. 1992. № 6. С. 31-34.
6. Отин Е. С. Словарь коннотативных имен собственных. М.: ООО "Темп 2006. — 440 с.
7. Романова Т. П. Геобрендинговый потенциал самарских эвентонимов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geobrendingovy-potentialsamarskih-iventonimov> (дата обращения: 30.08.2021).
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Либроком, 2019. – 366 с.
9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. Волгоград, 2000. 122 с.
10. Шмелева Т. В. Ономастикон русского города / Т. В. Шмелева. — Германия: Академическое издательство LAP LAMBERT, 2014. — 137 с.
11. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. - Екатеринбург, 2002. - 22 с.

References:

1. Grigorieva, N.O. (2018). Regional projections of linguoculture: ergonyms. Dynamics linguistic and cultural processes in modern Russia, (6), 152-156.

2. Golomidova, M.V. (2015). Urbanonymic design: on the question of the names of inner-city objects. *Questions of Onomastics*, 1(18), 186-196.
3. Kryzhanovskaya, V.A. (2019). Quasi-motivation as a type of graphical transformation of an ergonym. *Russian language in the Multicultural World*, 376-378, ISBN 978-5-907162-63-1.
4. Kryukova, I. B. (2004). Advertising name: from invention to precedence. PhD Thesis. Volgograd.
5. Leychik, V.M. (1992). Alice is a proper name (About modern names of exchanges, firms ...). *Russian speech*. (6) 31-34.
6. Otin, E.S. (2004). Dictionary of connotative proper names. Moscow.
7. Romanova, T.P. (2019), Geobranding potential of Samara eventonyms. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, (4) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geobrendingovyy-potentsialsamarskih-iventonimov> (accessed: 30.08.2021).
8. Superanskaya, A.V. (2019). The general theory of the proper name. Moscow: Librokom.
9. Suprun, V.I. (2000). Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential. Volgograd.
10. Shmeleva, T.V. (2014). Onomasticon of the Russian city. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing.
11. Shimkevich, N.V. (2002). Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguoculturological aspects. PhD Thesis. Yekaterinburg.

УДК/UDC 81.271

Интерференция как лингвистическая основа формирования ошибок (на примере речи китайцев)

Щелокова Алена Александровна

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации»

Уральский государственный университет путей сообщения

г. Екатеринбург, Россия

e-mail: aschelokova@usurt.ru

SPIN-код: 2565-8708

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния межъязыковой интерференции на формирование ошибок в речи носителей китайского языка. Объектом анализа в статье выступают устные высказывания и элементы письменной речи (фразы), содержащие ошибки разного типа, которые характерны речи студентов подготовительного отделения довузовского образования (начальный этап изучения русского языка). В процессе исследования лингвистической основы речевой ошибки иностранца определенной этногруппы выяснилось, что для носителя китайского языка наибольшее категориальное различие проявляется в несоответствии приоритетности ролей морфологической и синтаксической форм в двух языках, в русском языке морфологическая форма первична, в китайском языке она носит факультативный характер, определяя синтаксической позиции ведущую роль.

Ключевые слова: интерференция, русский язык, китайский язык, ошибка.

Interference as a linguistic basis for the formation of errors (on the example of Chinese speech)

Schelokova Alena Alexandrovna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communications

Ural State University of Railway Transport

Yekaterinburg, Russia

e-mail: aschelokova@usurt.ru

SPIN Code: 2565-8708

Abstract

The article is devoted to the study of the influence of interlingual interference on the formation of errors in the speech of native Chinese speakers. The object of analysis in the article is oral statements and elements of written speech (phrases) containing various types of errors that are typical of the speech of students of the preparatory department of pre-university education (the elementary stage of learning the Russian language). In the process of studying the linguistic basis of the speech error of a foreigner of a certain ethnic group, it turned out that for a native speaker of Chinese, the greatest categorical difference is manifested in the discrepancy between the priority of the roles of morphological and syntactic forms in two languages, in Russian the morphological form is primary, in Chinese it is optional, defining syntactic leading role positions.

Key words: interference, Russian language, Chinese language, error.

Наблюдения за речью иностранцев показали, что на формирование ошибки большое влияние оказывают лингвистические и когнитивные факторы, представляющие собой определенную совокупность языковой и внеязыковой среды, которые складываются воедино и актуализируются на этапе попытки иностранца высказать свою мысль на изучаемом языке.

Самый важный фактор, влияющий на возникновение ошибок – интерференция. По классическому определению, данному В. А. Виноградовым, интерференция (от лат. *inter* – между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю) – это взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном изучении неродного языка и выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [1, с. 345]. Ошибки интерферентного характера проявляются на всех языко-

вых уровнях и нарушают различные коммуникативные качества речи: правильность, точность, логичность, уместность речи, ее выразительность и т. д. В целом, общими типичными факторами проявления интерференции в речи иностранцев определены: 1. Формальные различия грамматических явлений (ошибки на уровне формы); 2. Функционально-семантические (ошибки на уровне употребления); 3. Формальные и функционально-семантические различия (ошибки на уровне формы и употребления). Национально-специфическая интерференция возникает в результате несовпадения именно грамматических категорий в русском и китайском языках. Как известно, грамматика русского и китайского языков кардинально различна в ключевых категориях. В китайском языке существительные не различаются по родам (в отдельных случаях род выражается лексически), не изменяются по числам и падежам. Следовательно, в китайском языке отсутствует формальное склонение существительных, глаголы не изменяются по числам и лицам, имеющиеся в современном языке видо-временные, залоговые и модальные формы глагола немногочисленны, что позволяет также отметить отсутствие формальной устоявшейся системы спряжения глагола.

При этом выделяют двухъярусные аспекты интерференции в изучаемом языке. Первый уровень представлен фонетическими, лексическими и грамматическими интерференциями, соответственно, второй ярус связан с основными видами речевой деятельности, то есть аудированием, чтением, говорением, письмом. На наш взгляд, интерференция может считаться вторичной (и это показывают последние тенденции эволюции понимания «владение иностранным языком») для изучающего (адресанта) иностранный язык (в частности, русский) – самое главное быть понятым носителем языка (адресатом) в независимости от интерференции и явных формальных морфолого-синтаксических ошибок. Гипергенерализация вкупе с неадекватным применением правил обусловлена прежде всего недостаточным уровнем языковой и речевой компетенции в изучаемом языке на начальном этапе, данный фактор становится катализатором «переноса обучения», то есть ранее полученные знания влияют

на дальнейшее усвоение языка [2, с. 6]. Так, например, однажды усвоив правило образования формы множественного числа существительных мужского рода в русском языке посредством добавления окончания -ы (-и), обучающийся начинает говорить «высокие дома» или «красивая глаза». По мнению зарубежных ученых, это явление вытекает из неправильной стратегии и тактики преподавания. Например, Х. Джордж [3] и Дж. Ричардс [4] 1 всех ошибок, допущенных при изучении иностранного языка, относят к интерференции родного языка.

Напротив, одним из основных факторов, провоцирующим появление речевых ошибок, считается так называемая «внутриязыковая интерференция», которая не связана с правилами родного или изучаемого языка, вызванная «гипергенерализацией» правил иностранного языка или неправильно выведенными аналогиями. Причем ошибки данного рода не характерны ни для родного, ни для изучаемого языков. Соглашаясь с исследователями, что процесс изучения иностранного языка зачастую замыкается на учителе или учебнике, можем предположить, что для моноэтнической китайской аудитории этот фактор будет являться ключевым.

Удачным опытом оказались исследования интерференции в русле контрастивной лингвистики, которая обособляется в отдельное научное направление в последней четверти XX века и с этого времени выступает как эффективная форма связи между теоретической лингвистикой и прикладными аспектами языкознания, основываясь на сравнении.

В изучении интерференции представители контрастивной лингвистики объединяют методические приемы, заимствованные из психологии и этнопсихологии, например, в работах У. Немзера [5, с. 140] и К. Джеймса [6, с. 306]. Б. Ю. Городецкий отмечает, что в семантике разных языков неодинаково преломляются многовековые тенденции внимания человечества, а также направления избирательности в восприятии окружающего мира [7, с. 455].

Выводы исследователей в русле контрастивной лингвистики непосредственно отражены, прежде всего, в педагогике, в частности, препода-

давании иностранных языков. При этом стоит отметить, что, по мнению Д. Болинджера, контрастивная лингвистика родилась из опыта преподавания, и пишет по этому поводу, что каждый преподаватель иностранного языка знает, и каждый изучающий иностранный язык обнаруживает «помехи» родного языка в определенных и предсказуемых ситуациях усвоения неродного языка [8, с. 4]. Схожее с предыдущим мнением обнаруживается у Л. Р. Филиповича, который говорит, что контрастивный анализ является попыткой предсказать и выяснить реакции обучающихся в определенных ситуациях: там, где структуры языка совпадают формально и семантически, процесс усвоения иностранного языка облегчается, а там, где они различны – тормозится [9, с. 107].

Особой частотностью в исследуемом материале ошибочных высказываний отличаются словосочетания, главным элементом которых выступает слово «много». Ср.: **На нашей улице много киоски*, **У него есть много школы*, **У меня есть много друг живет в Сиань*, **Там много сад и хороший человек*. Данный тип ошибки связан с тем, что в китайской грамматике, как пишет О. В. Лазарева, слова *много* и *мало* рассматриваются как прилагательные [10, с. 129]. На этом этапе в языковом сознании говорящего происходит интерференция категорий родного и изучаемого языков, а именно замена управления на согласование, так как сочетания типа «прилагательное + существительное» в русском языке образуется посредством синтаксической связи согласование. Также одной из самых распространенных ошибок иностранцев, и китайцев в частности, является отказ от формообразующей процедуры и использование имени существительного в наиболее знакомой исходной форме именительного падежа. Если в примере **На этой улице много киоски* на уровне понимания берется форма множественного числа существительного в значении «больше, чем один», то в случае **много друг* и **много сад и хороший человек* наблюдается использование начальной формы имени существительного – именительный падеж, единственное число. Ошибки такого типа в количественно-именных словосочетаниях объясняются

тем, что выбор падежа обусловлен больше структурными функциями падежной формы, нежели семантическими.

Высказывание **Николай уже здесь? – Да, он ушел в 10 часов* провозирует русскоговорящих испытуемых на двухвариантную интерпретацию смысла: либо полное совпадение с пресуппозицией – *Николай уже здесь? – Да, он пришел в 10 часов*, либо противоположный смысл – *Николай уже здесь? – Нет, он ушел в 10 часов*. Как пишут Ц. Ли и Л. Г. Трифонова, для русского языка характерна конструкция ответа на общее вопросительное предложение, в котором центром вопроса является предикат, «да (утверждение) / нет (отрицание)», в отличие от китайского языка, где на вопрос о действии субъекта необходимо повторить сказуемое, использованное в вопросе [11, с. 98]. В вопросе сказуемое эксплицировано, пространственность выражена наречием «здесь», а завершение действия наречием времени «уже», поэтому китайский резидент вынужден под влиянием интерференции родного языка сконструировать модель ответа самостоятельно. Ошибка возникла вследствие неправильного использования глагола с приставкой у-, которая в русском языке имеет значение убывания (убрал, унес, убежал и т.п.). Объясняется данный факт различием применения сателлитов [12. С. 139], а именно: в русском языке в роли сателлита выступает префикс, а в китайском языке – постпозитивный элемент глагола. Вывод: влияние генерализации ранее усвоенного правила употребления глаголов совершенного вида в такой конструкции (приставочные глаголы в русском языке совершенного вида), наличие приставки обязательно, но значение нивелировано.

Следующий пример демонстрирует неоправданное расширение смысла посредством использования «далекого» синонима вместо соответствующей языковой единицы пресуппозиции., что отражено и в следующей фразе. Ср.: **Можно я возьму отпуск от тебя?*

Как показывают исследования, у китайских резидентов расхождение смысла возникает на уровне интерференции, так как эквивалент русскому выражению «не прийти на урок», как и «взять больничный лист», «опоздать» или «не иметь возможности присутствовать на уро-

ке по какой-либо причине» является слово «отпуск» в китайском языке. Этому свидетельствуют другие зафиксированные примеры фраз китайских студентов: *У меня важные дела после обеда, я хочу попросить отпуск / Учитель, завтра мы отправляемся на проверку СПИДа, можем ли взять отпуск, если мы нет, то нас отправят обратно в страну / У меня небольшое головокружение, я подаю заявку на отпуск / Могу я спросить Лю Гохуа, когда они собираются в отпуск?* То есть, под отпуском у китайца подразумевается более широкое понятие, нежели в русском языке. Всегда опорное слово (опорные слова) играет большую роль. Например, в данном случае опорным словом является «отпуск». Соответственно, при интерференции, когда слова с узким значением в иностранном языке ошибочно накладываются на слова с более широким значением в родном языке, данная ситуация стремится всю фразу к нулевой информативности и псевдоинформативности фразы. Следуя утверждению, что категориальность является отражением познания действительности и восприятие, хранение и поиск информации организуются на основе сформировавшихся в этнотипе эталонов, т.е. категориальны по своей природе, можно сделать вывод о том, что каждый этнос, находясь под влиянием национальной картины мира, формирует свою категориальную систему, отражающуюся в языке. Частичное совпадение / отсутствие совпадений категорий проявляется в процессе изучения иностранного (русского) языка и, как следствие, данный факт провоцирует формирование ошибок в речи китайцев.

Список литературы:

1. Виноградов В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 688 с.
2. Richards, J., Sampson, G. The study of learner English // Error Analysis. London: Longman Group Limited, 1984. P. 3-18.
3. George H.V. A model of error production // Second Language Learning. Contrastive Analysis, Error Analysis, and Related Aspects. Univ. of Michigan, 1991.
4. Richards J. A noncontrastive approach to error analysis // Paper given at the TESOL convention. San-Francisco, 1970. 37 p.

5. Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 25. С.128-144.
6. Джеймс К. Контрастивный анализ // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25. С. 205-306.
7. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии М.: Изд-во моск. ун-та, 1969. 563 с.
8. Ярцева В. Н. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. 685 с.
9. Filipovic R. The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project // In Papers in Contrastive Linuistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Pp. 107-114.
10. Лазарева О. В. Квантитативность в русском и китайском языках: имя числительное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 126-130.
11. Ли Ц., Трифонова Г. М. Вопросительные предложения в русском и китайском языке // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2014. № 2. С. 97-103.
12. Talmy L. Lexical typologies // Language Typology and Syntactic Description, Grammatical Categories and the Lexicon / In T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambrigde University Press. 2007. Vol. 3. Pp. 66-168.

References:

1. Vinogradov V. A. Interference // Linguistic Encyclopedic Dictionary; ch. ed. V. N. Yartseva. M.: Sov. encycl., 1990. 680 p.
2. Richards, J., Sampson, G. The study of learner English // Error Analysis. London: Longman Group Limited, 1984. Pp. 3–18.
3. George H.V. A model of error production // Second Language Learning. Contrastive Analysis, Error Analysis, and Related Aspects. Univ. of Michigan, 1991.
4. Richards J. A noncontrastive approach to error analysis // Paper given at the TESOL convention. San-Francisco, 1970. 37 p.
5. Nemzer U. Problems and prospects of contrastive linguistics // New in foreign linguistics. Moscow: Progress, 1989. Issue. 25. Pp.128-144.
6. James K. Contrastive analysis // New in foreign linguistics. M., 1989. Issue. 25. Pp. 205–306.
7. Gorodetsky B. Yu. On the problem of semantic typology. Moscow: Publishing House of Moscow. un-ta, 1969. 563 p.
8. Yartseva V. N. Linguistics // Big Encyclopedic Dictionary. - 2nd ed. Moscow: Bolshaya Ros. Encycl., 2000. 685 p.

9. Filipovic R. The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project // In Papers in Contrastive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Pp. 107–114.

10. Lazareva O. V. Quantitativeness in Russian and Chinese languages: a numeral // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2015. No. 4. Pp. 126–130.

11. Li Ts., Trifonova G. M. Interrogative sentences in Russian and Chinese // Dialogue of cultures - a dialogue about the world and for the sake of peace. 2014. No. 2. Pp. 97–103.

12. Talmy L. Lexical typologies // Language Typology and Syntactic Description, Grammatical Categories and the Lexicon / In T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2007. Vol. 3. Pp. 66–168.

УДК/UDC 80.808.5 / 81'2 / 81.4.-81.42

Глюттотонический дискурс в PR-стратегии продвижения территории

Куренова Дария Геннадиевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связи с
общественностью

Кубанский государственный технологический университет

г. Краснодар, Россия

e-mail: ipatovadaria@yandex.ru

SPIN-код: 1499-3740

Павловская Ольга Евгеньевна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и
речевой коммуникации

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: oera@mail.ru

SPIN-код: 2854-8320

Аннотация

В статье рассматривается PR-инструментарий как элемент комплекса продвижения территории. Перечисляются основные инструменты PR-стратегии для создания имиджа территории с использованием глюттотонического дискурса: информационные статьи, новостные заметки, пресс- и гастрономические туры и др. Анализируются специальные мероприятия как инструменты PR-деятельности, в основе которых используется глюттотонический дискурс: гастрономические перформансы, театрализованные мероприятия исторической и литературоведческой направленности, иммерсивные гастрономические шоу, литературно-исторические обеды, телевизионные гастрономические туры. Делается вывод о психологическом и коммуникативном воздействии PR-стратегии при продвижении территории.

Ключевые слова: продвижение территории, имидж территории, PR-инструменты, глюттотонический дискурс, этнолингвокультурный код, гастрономический перформанс.

Gluttonic discourse in PR-strategy of place branding

Kurenova Daria Gennadievna

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations

Kuban State Technological University

Krasnodar, Russia

e-mail: ipatovadaria@yandex.ru

SPIN-code: 1499-3740

Pavlovskaya Olga Evgenievna

Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: oepa@mail.ru

SPIN-code: 2854-8320

Abstract

The article considers PR tools as an element of place branding. The main tools of the PR strategy for creating the image of the territory using the gluttonic discourse are listed: informational articles, news notes, press and gastronomic tours, etc. Special events are analyzed as tools of PR activity, which are based on the gluttonic discourse: gastronomic performances, theatrical events of historical and literary orientation, immersive gastronomic shows, literary and historical dinners, television gastronomic tours. The conclusion is made about the psychological and communicative impact of the PR strategy in place branding

Key words: place branding, image of the territory, PR tools, glutton discourse, ethno-linguistic and cultural code, gastronomic performance.

Жизнь человека неразрывно связана с потреблением пищи. Справедливо замечание Ундрицовой М. В., отметившей, что «самый распространённый страх современного человека – лишиться источников питания» [1]. Являясь основой жизнедеятельности человека, пища, ее добыча, приготовление, процесс ее потребления и различная коммуникация об этом становятся, по мнению А. В. Олянича, своеобразным основанием

восприятия мира, формирующим культурологические особенности определенного этноса, которые можно описать при помощи языковых средств в глоттоническом дискурсе.

Согласно А. В. Оляничу, глоттонический дискурс складывается из знаков, связанных с добычей, приготовлением, подачей и потреблением пищи и напитков [2]; это «лингво-семиотическое пространство, знаковое образование, в котором существует и развивается глоттонически кодированное общение по поводу пищи, продуктов, их добычи, приготовления, подачи и потребления участниками этого общения» [3]. Глоттонический, или гастрономический, в терминологическом употреблении других ученых, дискурс, а также его единицы – глоттонимы – как коды национальной культуры изучались многими учеными [3; 4; 5; 6 и др.]. Однако глоттонический дискурс может быть рассмотрен и как составная часть дискурса продвижения, или (в узком понимании) – рекламного дискурса, рассматриваемого как совокупность рекламных текстов в связи с психологическими, социокультурными, экстралингвистическими и другими факторами, основной целью которых является интенция, ведущая к конкретному экономическому действию [7; 8], в частности: к выбору тех или иных товаров и услуг, к созданию устойчивой лояльности к тем или иным товарам/торговым маркам, к покупке. Именно глоттонический дискурс чаще всего используется в рекламе определенной территории, привлекая внимание, создавая благоприятное впечатление о ней и в итоге – формируя ее имидж. В этом контексте рекламы территории (населенного пункта, города, округа, края и т.д.) глоттонимы или глоттонический дискурс будут встречаться в межличностной коммуникации, в литературных, кинематографических и художественных произведениях, в меню заведений общественного питания, на рекламных площадках (реальных и виртуальных), в пространстве эргонимов и прагматонимов и т.д. Рекламный дискурс территории может быть представлен следующими элементами: собственно рекламными носителями (щиты, вывески магазинов/заведений общественного питания – наружная реклама; полиграфия, видео- и аудиоролики на местных теле- и радиоканалах и

т.д.); PR-инструментарием, прямо не рекламирующим территорию, однако создающим определенный новостной и имиджевый фон; с ambient-рекламой; с прагматонимами, указывающими на определенную территорию; с меню в заведениях общественного питания. Однако в своей статье мы ограничиваем круг исследования продвижения территории на основе глуттонического дискурса только с помощью PR-инструментария.

Под PR-инструментарием понимаются различные средства и методы в деятельности по связям с общественностью для достижения поставленных целей и задач [9]. К PR-инструментам для продвижения территорий можно отнести создание информационных поводов и медиапредложений, написание PR-текстов (пресс-релизы, имиджевые и информационные статьи, съемки сюжетов, ток-шоу), организацию специальных мероприятий (презентации, пресс-туры, пресс-ланчи, фотоколлажи и др.), отдельные инструменты вирусного маркетинга (фото, видео), то есть все те инструменты, которые способны привлечь внимание потребителя к особенностям территории, ее компаниям и организациям, производимым в этой конкретной местности товарам и услугам, и стимулировать потенциального потребителя продвигаемую территорию посетить.

Перечисленные PR-инструменты используются для создания имиджа территории, который, в свою очередь, позволяет формировать благоприятный инвестиционный климат региона, укреплять лояльность постоянных жителей, развивать туристический поток. Самые популярные инструменты – заметки и упоминания в новостях, особенно эффективно действующие при освещении каких-либо событийных мероприятий: в этом случае глуттонический дискурс «работает» на создание определенной атмосферы, раскрывает особенности географической территории через специфику ее аутентичных блюд или исторических событий. Например:

«Самый большой борщ в России сварили в этнокомплексе «Атамань»

Известный повар Владимир Землянов попал в Книгу рекордов страны.

Изначально шеф-повар планировал приготовить 700 литров традиционного и доступного блюда строго по старинному рецепту, но в итоге сварил 1101 литр.

– Мы приготовили борщ исключительно из кубанских продуктов. Большую часть из них купили на рынке. Я – коренной житель Краснодарского края, и могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что на Кубани борщевой набор самый доступный, – рассказал Владимир Землянов... Кубанский борщ-рекордсмен на наваристом бульоне на пробу доставили казакам районного казачьего общества.

Для приготовления этого блюда кубанской команде потребовалось по 80 кг местного лука и моркови, 120 кг картофеля, 100 кг мяса, 100 кг свежей капусты, 80 кг свеклы, 25 кг помидоров, 50 кг томатной пасты, 20 кг болгарского перца и 5 кг зелени.»

(«Кубанские Новости» [10])

Еще более эффективно глуттонический дискурс реализуется в рекламе территорий посредством участия в специально организованных мероприятиях (перфомансах, фестивалях, квестах и т.д.), поскольку в данном случае люди становятся участниками событий (задействование «маркетинга переживаний» [11]), что через усиленный эмоциональный фон позволяет очень быстро сформировать их мнение и лояльное отношение к той или иной территории. Это, например, такие события, как «День кранцевского пирога» (г. Зеленоградск), «Фестиваль корюшки и мидий» (г. Владивосток), «Фестиваль русского пельменя» (г. Шарья), «Фестиваль напитков «АлтайФест» (с. Новотырышкино), гастрономический фестиваль «День сырка» (г. Курган), «Фестиваль «Вишневарово» (г. Уварово), выставка-ярмарка «Сладоскоп» (г. Москва), «Фестиваль адыгейского сыра (Республика Адыгея, Даховская поляна), гастрономический фестиваль «ПапоротнИКРАб» (Камчатка) и др. Глуттонические единицы реализуются на таких мероприятиях в рекламно-информационных материалах и в коммуникациях между участниками как лексические единицы и графические объекты (знаки, символы, изображения блюд).

Разновидностью таких событийных мероприятий являются гастрономические перформансы – театрализованные мероприятия, в которых участвуют как гости, так и повара. Например, гастрономический перформанс по-уральски на промышленной выставке «Иннопром» в Екатеринбурге:

«На промышленной выставке "Иннопром" шеф-повара екатеринбургских ресторанов приготовили современные блюда с местным колоритом в рамках фестиваля аутентичной уральской кухни. Изобрести новую уральскую кухню пытаются давно. Кулинары берут привычные для региона продукты и придумывают блюда порой из необычных сочетаний. Например, стали использовать пихтовую соль, а в битые огурцы добавлять облепиху. На выставке при зрителях приготовили ельчевскую форель с малосольным огурцом и сметанным муссом, голубец из альпийского козленка с соусом из уральских корнеплодов, черемуховый бисквит. Шеф Михаил Аракелов для приготовления десерта вдохновился черемухой. Ягодой, которая часто встречается в семейных книгах рецептов уральцев».

(«Иннопром». Международная промышленная выставка» [12])

В программе таких специальных мероприятий, как правило, проводятся мастер-классы по приготовлению блюд от известных шеф-поваров, даются рецепты, сообщаются секреты приготовления. Дополнительным инструментом PR-коммуникации с глуттонической лексикой здесь выступают высказывания шеф-поваров и специалистов о традиционных блюдах, местных продуктах и агротехнических культурах, которые транслируются в новостных лентах интернет-порталов:

«Черемуха – это уральская ягода. Облепиху я тоже считаю локальным продуктом, поэтому и решил сделать десерт с бисквитом, черемуховым мороженым, и облепиховым соусом»; «Денис Середкин приготовил голубцы. Рецепт придумал после посещения уральской фермы по выращиванию альпийских коз и дегустации мяса»; «Для этого блюда мы каждое утро малосолим форель и огурцы, добавляем местную сметану».

(«Иннопром». Международная промышленная выставка» [12])

Глуттонический дискурс в PR-стратегии может продвигать не только какую-либо территорию, но и кафе, рестораны, бары, используя при этом определенную тематическую направленность. Так, например, получили распространения историко-гастрономические вечера от ресторанов или известных шеф-поваров. Здесь в первую очередь продвигается ресторан, территория – во вторую; однако такое косвенное продвижение работает как емкая поддержка к основным PR-инструментам. Например, ресторан «Матрёшка» (г. Москва) проводит «Московские обеды», на которых посетители пробуют блюда и знакомятся с секретами и предпосылками их возникновения, выясняют, какое влияние оказывали те или иные исторические события на кулинарные предпочтения разных эпох. Продвижение не только территории (Москва), но и культурно-исторического наследия, национальной идентичности русской кухни реализуется посредством интермедийных связей [13]. Например, на вечерах, посвященных тематике охоты, демонстрируются картины на охотничьи сюжеты, подаются блюда из разных видов дичи, комментируются отрывки из литературных произведений (при этом на стол выставляются описанные в этих произведениях блюда); вечера, посвященные теме «Крепкие напитки», сопровождаются легендами о московских трактирах и ресторанах.

Другой пример – литературно-исторические обеды проекта *Gedonistica*, посвящаемые определенному историческому периоду (который, как правило, связывается и с определенной территорией) или литературному произведению: «Застолье грибоедовской Москвы», «Венгерская рапсодия: чардаш, гуляш и паприкаш», «Английский ужин с мисс Марпл», «Скандинавский ужин в стиле хюгге», «Штраус и Вена: в городе вальса», «Д'Артаньян и Ришелье: парижский ужин XVII века», «Москва и москвичи: ужин по Гиляровскому».

Глуттонический дискурс («обеды», «ужины») тесно взаимосвязан здесь с литературным (блюда и рецепты из литературных произведений), историческим (рецепты, блюда, продукты разных эпох и временных сре-

зов, конкретных исторических событий), художественным (демонстрация картин с изображениями продуктов, пищи, блюд), кинематографическим (обсуждение и проба блюд, демонстрирующихся в каком-либо кинофильме).

С историко-гастрономическими вечерами сходны по структуре и цели иммерсивные (от англ. *immersive* – создающий эффект присутствия, погружения) гастрономические шоу – интерактивные и мультимедийные событийные мероприятия, выстроенные по схеме театрализованного представления, в котором гастрономический дискурс (приготовление, подача и употребление еды) совмещается с любым другим – историческим, литературным, художественным, музыкальным и т.д. От гастрономических вечеров отличаются использованием спектра мультимедийных возможностей (световые, водные, лазерные шоу) и наличием драматургии (вечер выстраивается как спектакль с участием гостей); а также воздействием на все органы чувств человека через музыку, световые эффекты, театр, мультимедиа и гастрономию, что до предела обостряют эмоции человека. Например: «Китайский Новый год» – *«Известные персонажи 18 века рассказали о Великой Императрице Ци Си с необычного ракурса. Они поведали о ее безумной любви к театру. Затем вышла сама Императрица и, как мировая суперзвезда, шикарным голосом спела известную песню «Mo Li Hua» и представила свое любимое блюдо «Курицу с арахисом»* [14]. Примером также может быть гастрономическое театрализованное шоу «Приятного аппетита, или что случилось на самом деле», посвященное Санкт-Петербургу [15]: *«Слияние вкуса, аромата и театрализации вечера с изюминкой в виде плещущихся по бортам волн, во время которого создается эффект полного погружения в сюжет постановки, а вы выступаете и как зритель, и как участник шоу. Ну и как гость ресторана за изысканным ужином, конечно же. ... Ужин не оставит равнодушным ни одного из гостей, начиная от названия блюд и заканчивая подачей и приятными комплиментами от шеф-повара»*.

К PR-стратегическим способам продвижения территории с использованием глуттонического дискурса относятся и телевизионные программы о гастрономических турах, весьма популярных в современной России. Именно из них большое количество людей узнает о странах и городах, их особенностях, аутентичной кухне и оригинальных способах приготовления еды. К таким телепрограммам относятся, например, «Поедем, поедим!» на «НТВ» (формат: гастрономическая экспедиция по различным территориям России и других стран, встречи с представителями народностей, которые делятся интересными рецептами блюд; показ процесса приготовления пищи); передача «Одобрено новгородцами» на «Новгородском областном телевидении» (формат: еженедельная программа, посвященная какому-либо продукту (сыр, масло, яйца и т.д.), в которой упор делается на процесс приготовления блюд из местных продуктов); «Гастротур» на «Пятнице» (формат: посещение различных территорий, рассказ о специфических и аутентичных блюдах, визуализация процесса приготовления еды, старинные, необычные, уникальные рецепты). Данный инструмент коммуникации, являясь элементом косвенной стратегии продвижения территории, рассматривается нами как одна из коммуникативных тактик современной рекламы [16], которая реализует весь спектр лингвосемиотической информации – от лексических единиц (глуттонимов) до визуальной демонстрации процессов добывания, доставки, подготовки, приготовления и потребления пищи. В этой глуттонической коммуникации особенно ярко прослеживается связь гастрономического дискурса с этнолинвокультурным кодом, реализуемым через объяснительный потенциал внутри разных видов культур (в том числе – культуры гастрономической) [3].

Таким образом, PR-инструменты, используя в своей основе глуттонический дискурс, по сути выполняют особую стратегическую функцию: психологически и коммуникативно воздействуя на эмоции человека, вовлекая его в определенные действия и создавая стойкие ассоциации с определенным местом, городом, рестораном, продвигают определенную территорию.

Список литературы:

1. Ундрицова М.В. Гастрономический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2012. №2. С. 86-91.
2. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. – М.: Азбуковник, 2003. С. 150-184.
3. Олянич А.В., Никишкова М.С. Дискурсивная актуализация этнолингвокультурного кода в англоязычной глуттонии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2014. №4 (23). С. 70-83.
4. Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук / Н.П. Головницкая. – Волгоград, 2007. 304 с.
5. Земскова А.Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук / А.Ю. Земскова. – Волгоград, 2009. 85 с.
6. Поляковская А.Д., Николаева Е.С. Структурные особенности англоязычного гастрономического дискурса // Филологический аспект. 2020. № 10 (66). С. 44-50.
7. Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник ИГЭУ. 2009. Вып. 1. С. 17-19.
8. Куренова Д.Г. Институциональные характеристики рекламного дискурса // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. Материалы Международной научной конференции. 2019. С. 235-238.
9. Основные PR-инструменты // PR.STUDENT [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prstudent.ru/teoria/pr-instrumenty> (дата обращения: 20.06.2022).
10. Самый большой борщ в России сварили в этнокомплексе «Атамань» // Новостной портал «Кубанские Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2021/08/01/samy-bolshoy-borshch-v-rossii-svarili-v-etnokomplekse-ataman/> (дата обращения: 15.07.2022).
11. Кривошеева Е.В., Куренова Д.Г. Коммуникативные инструменты «маркетинга переживаний» // Проблемы и перспективы формирования маркетинговых стратегий в условиях нестабильных рынков. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 84-89.
12. «Иннопром». Международная промышленная выставка // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/07/06/reg-urfo/na-innoprome-ustroili-gastronomicheskij-perfomans-po-uralski.html> (дата обращения: 16.07.2022).

13. Куренова Д.Г., Павловская О.Е. Специфика интермедиальных связей в рекламном дискурсе // Русский язык в поликультурном мире. Материалы I Международного симпозиума. 2017. С. 294-297.

14. Портфолио компании Immersive-Event.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.immersive-event.ru> (дата обращения: 18.07.2022).

15. Иммерсивный театр с ужином на теплоходе [Электронный ресурс]. URL: <https://immersiveshow.ru/> (дата обращения: 18.07.2022).

16. Бабаян Л.Э., Павловская О.Е. Особенности некоторых коммуникативных стратегий и тактик современной рекламы // Вестник научно-технического творчества молодежи Кубанского ГАУ. 2016. С. 23-26.

References:

1. Undritsova M. V. Gastronomic discourse: linguo-cultural and translation aspects // Bulletin of the Moscow University. Series 22: Theory of Translation. 2012. No. 2. Pp. 86-91.

2. Olyanich A. V. Gastronomic discourse in the system of mass communication (semantic and semiotic characteristics) // Mass culture at the turn of the XX-XXI centuries: Man and his discourse. – M.: Azbukovnik, 2003. Pp. 150-184.

3. Olyanich A. V., Nikishkova M. S. Discursive actualization of the ethno-linguo-cultural code in the Russian-speaking gluttonia // Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2014. No. 4 (23). Pp. 70-83.

4. Golovnitskaya N. P. Linguistic and cultural characteristics of the German gastronomic discourse: diss. ... cand. philol. Sciences / N.P. Golovnitskaya. – Volgograd, 2007. 304 p.

5. Zemskova A. Yu. Linguo-semiotic characteristics of the English-language gastronomic discourse: diss. ... cand. philol. Sciences / A.Yu. Zemskova. – Volgograd, 2009. 85 p.

6. Polyakovskaya A. D., Nikolaeva E.S. Structural features of the English gastronomic discourse // Philological aspect. 2020. No. 10 (66). Pp. 44-50.

7. Tyurina S. Yu. On the concepts of advertising discourse and advertising text // Bulletin of ISEU. 2009. Issue. 1. S. 17-19.

8. Kurenova D. G. Institutional Characteristics of Advertising Discourse // Linguistics of the Future: New Trends and Perspectives. Materials of the International scientific conference. 2019. Pp. 235-238.

9. Basic PR tools // PR.STUDENT [Electronic resource]. URL: <https://www.prstudent.ru/teoria/pr-instrumenty> (access date: June 20, 2022).

10. The largest borscht in Russia was cooked in the Ataman ethnic complex // News portal "Kuban News"[Electronic resource]. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/>

2021/08/01/samy-bolshoy-borshch-v-rossii-svarili-v-etnokomplekse-ataman/ (access date: July 15, 2022).

11. Krivosheeva E. V., Kurenova D. G. Communicative tools of "experience marketing" // Problems and prospects for the formation of marketing strategies in unstable markets. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2019. Pp. 84-89.

12. «Innopro». International Industrial Exhibition // Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2022/07/06/reg-urfo/na-innoprime-ustroili-gastronomicheskij-perfomans-po-uralski.html> (access date: July 16, 2022).

13. Kurenova D. G., Pavlovskaya O. E. Specificity of intermedial relations in advertising discourse // Russian language in a multicultural world. Proceedings of the I International Symposium. 2017. pp. 294-297.

14. Portfolio of the company Immersive-Event.ru [Electronic resource]. URL: <https://www.immersive-event.ru> (access date: July 18, 2022).

15. Immersive theater with dinner on the boat [Electronic resource]. URL: <https://immersiveshow.ru/> (access date: July 18, 2022).

16. Babayan L.E., Pavlovskaya O .E. Features of some communicative strategies and tactics of modern advertising // Bulletin of the scientific and technical creativity of the youth of the Kuban State Agrarian University. 2016. Pp. 23-26.